

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАЙ
ИЮНЬ **№3(105)**

МОСКВА 2016

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2016. № 3. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров; д.э.н., проф. С.П. Макаров;
д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский; к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тутов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
член-корр. НАУ А.А. Гриценко; д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н. К.А. Зимарин; д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. В.М. Юрьев (Тамбов); д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Редакционная коллегия:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова (научный редактор), А.А. Антропов, С.С. Мерзляков,
К.В. Молчанов, С.С. Нипа, Т.С. Сухина, Т.Г. Трубицына (редактор)

Организационно-техническое сопровождение:

О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, А.В. Осипова
Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496, e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайм: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fljournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2016

Содержание

Рейтинг	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Я.Ю. Щербина</i>	
Человек проектирующий в современном мире	11
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Турбулентная Россия	23
<i>С.А. Давыдов, Е.Е. Торандо</i>	
Редистрибуция и формирование планового хозяйства в Древнем Египте	36
<i>Л.К. Чулков, Г.М. Пурынычева</i>	
Соборность в контексте хозяйствования русского народа	47
<i>А.П. Никитин</i>	
Прагматические аспекты семиозиса денежных знаков	57
<i>О.Р. Чельюк</i>	
Энтропия в экономической науке: предвестник конца или нового начала?	64
Раздел II. Экономическая теория	
<i>С.С. Слепаков</i>	
Четверть века России в новом времени: общественные интересы, глобальная конкуренция и стейкхолдер-менеджмент	75
<i>И.В. Пшеницын</i>	
О природе денег	84
<i>К.В. Молчанов</i>	
О категориальной недоопределенности стоимости.	94
<i>В.В. Палочкина</i>	
Многоканальное финансирование инвестиций в развитие человеческого потенциала в различных моделях социального государства	105
<i>А.М. Цикин</i>	
Особенности обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в условиях санкционного режима	116
<i>Е.В. Коновалова, В.В. Матершева, В.В. Чекмарев</i>	
Семейный капитал как экономическая категория	119
<i>Л.Ю. Матич, М.А. Клубова</i>	
Идеи маркетинга от Т. Мальтуса до Т. Веблена	128
<i>А.В. Ремжсов</i>	
Эффективность: по ту сторону от экономикса	138
<i>С.Н. Ефимушкин</i>	
Трансформация модели формирования специалиста для инновационной экономики. Опыт инженерной школы Франции	147

Раздел III. Европейский вопрос

Ю.М. Осипов

Большая Европа: несбыточная возможность157

А.А. Гриценко

Реконструкция Европы в контексте поиска
путей разрешения современных противоречий.....161

Г.А. Ахинов, К.А. Зимарин

Трансатлантическое торгово-инвестиционное
партнерство — вызов нового времени170

Н.Б. Шулевский, Е.С. Зотова

Человек, хозяйство, экономика: европейский контекст179

Раздел IV. Актуальная философия

Ф.И. Гиренок

Антропологический поворот в философии
и метаморфозы гуманитарного197

В.П. Океанский, Ж.Л. Океанская

Имя времени: кризисология как учение
о темпоральности и диалектика культуры202

Н.Н. Ростова

А-теологический смысл «теологического поворота»
в философии. Марион и Ваттимо (часть II)206

М.Е. Бойко

Алгоэкономика и субстанциальная теория боли в XX в.234

А.В. Коровин

Экзистенциальный выбор и онтологическое понимание
добра и зла: от Сёрена Киркегора к Мартину Хансену239

Раздел V. Рецензии и отклики

Ю.М. Осипов

Струя свежего воздуха
(о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм»)245

Ф.И. Гиренок

Фуко и терроризм246

Н.Б. Шулевский

Реформы и бурaisy!250

Научная жизнь

Т.С. Сухина

От реформы к реформированию.....259

Ю.М. Осипов

Россия как Россия265

Е.С. Зотова, Т.С. Сухина

Большая Европа сегодня: дискуссия
в Варшавском университете.....264

Е.С. Зотова

О неоекономике с позиций философии хозяйства279

Авторы294

Contents

Rating.....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>Ya. Yu. Sherbina</i>	
The Creative Man in the Modern Worlds	11
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
Turbulent Russia	23
<i>S.A. Davydov, E.E. Torando</i>	
Redistribution and the Forming of the Planned Economy in Ancient Egypt.	36
<i>L.K. Chulkov, G.M. Purynicheva</i>	
Collegiality in the Context of the Russian People Management	47
<i>A.P. Nikitin</i>	
Pragmatic Aspects of Semiosis of Monetary Signs.....	57
<i>O.R. Chepyuk</i>	
Entropy in the Economy Science: Is It the End or a New Begininnng?	64
Part II. Economic Theory	
<i>S.S. Slepakov</i>	
A Quarter of a Century Russia in a New Age: Public Interests, Global Competition and Stakeholder Management	75
<i>I.V. Psenitsyn</i>	
About the Nature of Money	84
<i>K.V. Molchanov</i>	
About Categorical Uncertainty of the Value.....	94
<i>V.V. Palochkina</i>	
Multi-Channel Financing of Investment in Human Potential in the Various Models of the Welfare State	104
<i>A.M. Tsikin</i>	
Features for Competitiveness the National Economy in Terms of the Sanctions Mode	116
<i>E.V. Konovalova, BV.V. Matersheva, V.V. Chekmaryov</i>	
Family Capital as an Economic Category	119
<i>L.Yu. Matich, M.A. Klubova</i>	
Marketing Ideas from Malthus to Veblen	128
<i>A.V. Remzhov</i>	
Efficiency: on the Other Side of Economics	138
<i>S.N. Efimuskin</i>	
Transformation of Training Specialist Innovative Economy Model. Experience of Engineering School of France.....	147

Part III. The European Problem

Yu.M. Osipov

The Large Europe as an impossible opportunity157

A.A. Grytsenko

Reconstruction of Europe in the Context of the Search
for Ways to Solve its Modern Contradictions161

G.A Akhinov, K.A. Zimarin

Transatlantic Trade and Investment Partnership
as the Challenge for Modern World170

N.B. Shulevski, E.S. Zotova

Human, Economy, Economics: European Context179

Part IV. Actual Philosophy

F.I. Girenok

The Anthropological Turn in Philosophy
and Metamorphosis of the Humanitarian197

V.P. Okeanski, Zh.L. Okeanski

The Name of Time: Crisisology as the Doctrine
of Temporality and the Dialectics of Culture202

N.N. Rostova

A-theological Sense of «Theological Turn» in Philosophy
Part II: Marion and Vattimo206

M.E. Boyko

Algo-economy and the Substantial Theory of Pain in the XX century234

A.V. Korovin

Existential Choice and Ontological Perception of Good
and Evil: from Søren Kierkegaard to Martin Hansen239

Part V. Reviews and Responses

Yu.M. Osipov

The Stream of Fresh Air
(on the book (Un)Real Capitalism by V.T. Ryazanov)245

F.I. Girenok

Foucault and Terrorism246

N.B. Shulevski

Reform and Transgressors250

Scientific Life

T.S. Sukhina

From the Reform to Reforming259

Yu.M. Osipov

Russia as Russia265

E.S. Zotova, T.S. Sukhina

The Large Europe Nowadays: the Discussion
in the Warsaw University264

E.S. Zotova

On the Neoeconomy from the Position of the Philosophy of Economy279

Authors294

Рейтинг!

Теперь не мысль, не обобщение, не открытие, а... *рейтинг!* — это величайшее менеджериальное изобретение XXI века!

Что такое рейтинг?

Некое число, обозначающее уровень ученого, научного работника, коллектива, издания. Нет, не по качеству мысли, чего точно и полноценно определить вообще нельзя, а по некоему формальному значению действующего лица, статьи, журнала, книги.

Цифра одолела мысль! Какая же цифра? Разумеется, выдуманная, фиктивная, пустая. И цифра эта определяет качество, а не суть.

У журнала нашего недостаточный цифровой рейтинг, хотя журнал совсем не плохой, даже и хороший, мало того — отличный! — что все знают: издатели, авторы, читатели, даже и создатели журнальных рейтингов.

В основе этих журнальных рейтингов лежит цитирование того или иного журнала, его материалов, в других изданиях, что вроде бы совсем и не дурно: раз цитируют, то читают, знают, ценят.

Что ж, цитирование так цитирование! И выясняется, что цитирование нашего журнала заметно выше многих высокорейтинговых-де изданий, а рейтинг у него весьма пониже. В чем же тут дело? А в том, что число цитирований за период делится на число статей в журнале, а это-то число в нашей журнале высокое — вместо 8 — 10 статей, как это принято в «передовых» изданиях, в журнале оказывается те же 30, среди которых и с десятком небольших по объему. А потому и рейтинг нашего журнала невысок.

Умён ведь журнал, насыщен, оригинален и актуален, а рейтинга уважаемого, увы, не имеет.

Вот и всё!

Что же тогда остается?

Быть, не взирая на рейтинг — этот ужасный символ мертвецкой нецивилизации, — и жить, пока живы человек, мысль, творчество!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

Я.Ю. ЩЕРБИНА

Человек проектирующий в современном мире

Аннотация. В статье рассматривается понятие «проектирование», которое повлекло за собой ряд изменений в мировосприятии человека в современном мире. А именно, исследуется человек проектирующий, восприятие им самого себя, времени, пространства. Выявляются «экзистенциальные» фазы и характерные особенности проектно-го мышления. Устанавливается отношение человека проектирующего ко времени: он смещает свои основные экзистенциальные ценности в будущее. Прошлое для него не важно, поскольку оно уже свершилось и не оказывает влияние на будущее. Будущее — это «подлинное настоящее», а настоящее — пребывающий в процессе постоянной корректировки проект, «черновой вариант будущего», материал и инструмент для воплощения задуманного.

Ключевые слова: человек проектирующий, проектирование, проектная деятельность, социальное пространство.

Abstract. The article discusses the concept of «projection», which entailed a number of changes in the human perception of the world in the modern world. Namely, details the «projects man», perception of self, time and space. Revealed «existential» and phase characteristics of design thinking. It established the relationship of man projecting at the time: it shifts its main existential values in the future. The past is not important for him, as it has already happened and has no impact on the future. The future — a «real moment», and now — is in the process of constant adjustment of the project, «a draft of the future», the material and the tools for implementing the plan.

Keywords: project men, projection, project activity, social space.

Развитие проектирования влечет за собой ряд изменений в мировосприятии человека. В частности, у человека проектирующего изменяется восприятие времени, пространства, самого себя.

Человек проектирующий ощущает уплотнение времени в связи с тем, что в одном и том же временном промежутке происходит все больше значимых событий, которые влияют на его жизненные планы и реализующиеся проекты.

Прошлое не имеет значения в том смысле, что уже свершилось и не может быть изменено. Настоящее же воспринимается как средство для достижения своих целей и как ресурс для реализации дальнейших планов, а будущее представляется «желаемым настоящим».

Человек проектирующий смещает акценты своей жизни в будущее. Проект становится для него действительностью, а действительность воспринимается как проект. К тому же, удерживая в сознании большое количество вариантов будущего, он и переживаемое им настоящее воспринимает скорее не как действительность, а как одну из возможностей реализации проекта. Горизонты его бытия, поступки, убеждения и социальные качества в значительной степени задаются логикой проекта.

Переживаемые в настоящем времени события в восприятии человека проектирующего распадаются на два потока, образующих различные жизненные траектории: в первый (главный для него) поток попадают события и деяния, имеющие отношение к проектируемому будущему (приближающие либо отдаляющие его); второй (второстепенный) связан с повседневно-бытовыми делами. Действительность, воспринимаемая человеком проектирующим и проектируемым как проект, распадается на два экзистенциальных потока: 1) «бытие-вот» — в этом экзистенциальном потоке человек проектирующий присутствует и создает себя сам; 2) «бытие-в-мире» — в этом экзистенциальном потоке повседневность связана с утратой себя.

У человека проектирующего меняется восприятие пространства. Проект становится для субъекта подлинной действительностью,местилищем смысла, «домом его бытия». В то же время наличествующая действительность теперь воспринимается как нечто не вполне состоявшееся, то, что можно изменить, слепить, переделать, как постоянно исправляемый черновик истинной действительности.

Для человека проектирующего социальное пространство утрачивает свою целостность, окружающий мир разваливается на значимые и незначимые для проектной деятельности локальные фрагменты, в связи с чем его деятельность становится более хаотичной и увеличивается неопределенность траекторий дальнейшего развития. Возрастанию неопределенности способствует также то, что основные ценности и смыслы, перемещенные им из настоящего времени в будущее, в пространстве настоящего уже не работают.

Желаемые варианты развития связаны с выбором человека проектирующего и его тревогой за последствия выбора. Принимая решение, он «не может не испытывать чувства тревоги. Однако оно не мешает им действовать, наоборот, составляет условие действия, так как

предполагает, что рассматривается множество различных возможностей. И когда они выбирают одну, то понимают, что она имеет ценность именно потому, что она выбрана. Эта тревога, о которой толкует экзистенциализм, объясняется, кроме того, прямой ответственностью за других людей. Это не барьер, отделяющий нас от действия, но часть самого действия» [6, 257].

В тех случаях, когда события развиваются в нежелательном для проектировщика направлении, ему приходится выявлять или искусственно создавать в траектории движения к желаемому будущему новые *точки разрывов*, в которых можно осуществить корректировку стратегических и тактических целей проекта. Иными словами, ему приходится проектировать и организовывать точки бифуркации, после этого совершать новый выбор желаемого будущего.

В результате разрастания масштабов проектной деятельности социальная реальность становится для человека проектирующего все более непредсказуемой и опасной. Социальное пространство утрачивает целостность, становится мозаичным, состоящим из многочисленных неупорядоченных между собой *фрагментов-проектов*. Пребывание в таком пространстве сопряжено с высокими рисками, требует от человека повышенной концентрации и постоянной мобилизации, что чревато перенапряжением и нервными срывами.

Х. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что «для человека жизнь есть ежеминутное изменение, каждый миг происходит что-то новое, и она становится не такой, какой была раньше, а, следовательно, она никогда не бывает безусловно и окончательно сама собой» [8]. Восприятие социального пространства как неопределенного и многовариантного не может гарантировать человеку ничего надежного и точного.

Новый тип человека, экзистенциальное пространство которого распадается на мозаичные куски, точно охарактеризовал современный английский философ Э. Геллнер. Он назвал его *модульным человеком*, по аналогии с *модульной мебелью*, отличительной особенностью которой является легкая сочетаемость комплектующих между собой. «Вы можете купить одну вещь и пользоваться ею, а спустя какое-то время — по мере увеличения ваших потребностей, финансовых возможностей или площади жилья — добавить к ней другую, а затем еще и еще. И все эти вещи заведомо подойдут друг к другу, составят единое — эстетическое и функциональное — целое. Отдельные элементы такой мебели можно переставлять и стыковать друг с другом практически как угодно» [2, 105]. Традиционная же мебель не стыкуется между собой, и в отличие от немодульной мебели, добавляя к ней немодуль-

ные предметы, человек рискует создать у себя эклектичную и нефункциональную обстановку.

Модульный человек — это «ползучий человек, который, фактически, ведет кочевно-номадную жизнь, и чей ареал кочевничества расширяется с возрастанием масштабов глобализации. Это человек, у которого нет твердой опоры социального бытия. Он постоянно меняет место жительства и место работы, и всегда должен быть готов приобрести новые знания и новую профессию. Правда, он идет в ногу с быстрыми социальными изменениями современного общества, но “модульный человек” превращается в космополита без родины и без национальности» [6, 116—117].

Стоит сказать, что современное общество, само распадаясь на мозаичные куски, нуждается в модульном человеке. Еще двадцать лет назад, до широкого распространения интернета и создания глобального информационного пространства, человек был более целостным и принадлежал к определенной культуре, являясь носителем ее установок и ценностей. Сейчас, сохраняя такой стиль мышления, он просто не сможет эффективно функционировать и взаимодействовать с другими людьми, сформированными в новой культуре.

Как считает американский философ Э. Геллнер, «временное» общество без четких культурных границ предоставляет новые возможности человеку проектирующему. Он отмечает, что «для обычного человека границами его культуры являются... границы, в которых он может получить работу и общественное признание, сохранить достоинство, гражданство, возможность участвовать в жизни социума. Оставаясь в этих границах, он знает правила игры и понимает, что происходит вокруг; выходя за их пределы, начинает совершать ошибки, становится неуклюжим, не вполне адекватным, рискует превратиться в посмешище, и спотыкается на каждом шагу в любом деле, за которое ни возьмется» [11, 117].

С Э. Геллнером соглашается О.Э. Душин, подчеркивая, что для человека проектирующего не существует границ, он «свободен в собственной реализации, в перспективе само-созидания (“self-made-man”), он есть чистый проект, и в данной проекции его бытийного статуса он изначально активен по отношению к миру. Универсум открыт пред человеком и предстает в образе единого, пустого пространства, в котором отсутствуют какие-либо сакральные символы и таинственно-судьбоносные космические знаки. Только в таком мире человек оказался способен реализовать царство человеческой культуры» [4, 237—238].

Желая быть эффективным и реализовывать свои проекты будущего, «такой человек встраивается в эффективные институты и ассоциации, которые не обязательно должны быть тотальными, ритуально оформленными, связанными множеством переплетающихся нитей со всеми остальными элементами социального целого, опутанного этими взаимоотношениями и в результате обездвиженного. Он может, не связывая себя ритуальным жертвоприношением, входить во временные союзы, имеющие вполне определенную, конкретную цель. Он может также покидать эти союзы, если он не согласен с их политикой, и никто не станет обвинять его в измене. Рыночное общество живет в условиях не только изменяющихся цен, но и изменяющихся союзов и мнений. Здесь нет как единой, раз навсегда установленной справедливой цены, так и единого способа распределения людей по тем или иным категориям: все это может и должно меняться, и нормы морали этому не препятствуют. Общественная мораль не сводится здесь ни к набору правил и предписаний, ни к общепризнанному набору деятельностей. То же самое относится и к знанию: убеждения могут изменяться, и это не считается грехом или отступничеством» [11, 214].

Таким образом, Э. Геллнер фиксирует подвижную позицию человека проектирующего, его изменчивость и высокую степень ответственности, когда приходится принимать решения в ситуации отсутствия или быстрой изменчивости общепринятых норм морали.

Стоит учитывать, что «современный модульный человек может перемещаться в социуме не только потому, что он похож на других представителей своей культуры, и может играть в ней роль пастуха, или крестьянина, или какую-то иную роль, изначально заложенную в ее нормативном фундаменте. Напротив, он готов к любым переменам (чтобы не сказать переменчив) в своих занятиях и в своей деятельности. Его модульность — это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи. И если понадобится, в его распоряжении всегда есть руководства и учебники, которые позволят ему, пользуясь языком данной культуры, освоить практически любое дело. Еще член гражданского общества должен уметь мыслить в картезианском духе, ясно и строго, не соединяя, а по возможности различая сущности и рассматривая в каждый момент только одну из них. В самом деле, подвижность и гибкость социальных структур предполагает тщательное разделение, разведение конкретных связей и отношений, преодоление тенденции их «склеивания» между собой, а для этого нужна не только моральная готовность, но и соответствующие интеллектуальные способности» [11, 111 — 112].

Однако этот «человек нового типа», способный свободно перемещаться как внутри вертикальных, так и внутри горизонтальных лифтов, легко обучающийся правилам игры в том или ином пазле социальной реальности, рискует самой своей субъективностью, поскольку логика его проектов все в большей степени определяется логикой объекта — тотальной, гомогенизированной социальной реальности. Взаимодействия человека с такой реальностью становятся все более нивелированными, поверхностными, экзистенциально пустыми. Человек проекта в глобализирующемся мире все больше теряет себя (ощущает себя объектом), а его отношения с этим миром становятся, по сути, «объект-объектными».

В проектном мышлении человека постоянно присутствует вызов самому себе, на который постоянно надо отвечать, что предполагает подвижную позицию в мире, предполагающую постоянное диалектическое самоотрицание, самоизменение.

Ж.-П. Сартр называет такой способ существования «бытие-для-себя», его «мы познаем по специфически человеческой деятельности: вопрошанию, отрицанию, сожалению и т. д. Этот способ обнаруживает недостаточность, нетождественность себе его носителя. Такого рода бытие «есть то, что оно не есть, и не есть то, что оно есть». Тем самым основным содержанием такого бытия является отрицание» [9, 111 — 112].

Человек проектирующий фиксирует в наличествующей действительности или в самом себе «дефект», не позволяющий реализовать имеющуюся у него потребность, формирует образ желаемого «бездефектного» будущего — идеал, осуществляет выбор и разработку технологий его достижения. Однако он не может быть спокоен в ситуации постоянного самоизменения и движения в сторону неизвестного, проблематичного будущего. Проектировщик и творец собственного будущего, он вынужден постоянно отрицать себя, перепроектировать и перестраивать. При этом он часто соблазняется стратегией «плывущего по течению» среднестатистического человека, от которого ничего не зависит.

Человек не может изменять общество, не изменяя самого себя: если человек замысливает будущие изменения, он должен понимать, что ему самому придется вписываться в создаваемую им новую действительность, соответствовать ей, а значит, начинать изменения себя в настоящем. Человек проектирующий не может застыть в одном состоянии, он вынужден развивать свои способности, узнавать новое, совершенствоваться.

Постоянное перекраивание настоящего «по образу и подобию желаемого будущего», вызов самому себе — вот действительность человека проекта. Стабильность для него возможна только в постоянном движении, остановка равносильна прекращению бытия.

Э. Геллнер так иллюстрирует экзистенциальные особенности формирующегося нового человека: «Страстное, всепоглощающее стремление к самосозиданию, к тому, чтобы на собственных основах создать свою личность и мир, а не получить их как бы в наследство, и в качестве таковых — имеющими случайные, проявляющиеся неожиданным образом, не прошедшие специальную проверку свойства. Можно сказать, что ... это философия Новой Метлы. Сообразно ей человек делает себя сам, и делает рационально» [11, 214].

Также Геллнер добавляет, что «Я, которое имел в виду Декарт, не желает быть обязанным ни созданной по ходу истории, ни какой-либо другой не поддающейся проверке инфраструктуре: в ходе предпринимаемой им операции оно предпочитает пользоваться инструментами исключительно собственного изготовления, обладающими свойствами прозрачности и самообоснования. Иными словами, человек использует Разум, чтобы сделать себя. А необходимые для этого инструменты не заимствуются и не получают по наследству, они изготавливаются в соответствии с теми же строгими критериями, которым должен соответствовать производимый с их помощью продукт. Стремление к автономности является следствием поиска неких оснований, гарантированно рациональных только в условиях автономности. Нельзя доверять тому, что не сделано и не проверено лично тобой» [11, 214 — 215].

Иными словами, Геллнер отмечает критичность человека проектирующего к чужим, навязанным извне проектам, и всепоглощающую увлеченность собственным проектом.

Вместе с тем человек проектирующий, воплощая образ желаемого будущего в действительность, должен осознавать, что в ходе проектной деятельности с ним самим происходят необратимые изменения (проявляется эффект непредвиденных последствий осуществляемой им деятельности).

В. Франкл сравнивает человека, увлеченного только собственным проектом, с бумерангом. Подобно тому, «как бумеранг возвращается к бросившему его охотнику, лишь если он не попал в цель, так и человек возвращается к самому себе и обращает свои помыслы к самоактуализации, только если он промахнулся мимо своего призвания» [7, 30]. Также Франкл говорит о том, что такое «обращение человека на самого себя, его рефлексия, является не только лишенной перспекти-

вы, но и просто неадекватной формой интенции». Деятельность человека проектирующего не ударяет по нему бумерангом лишь в том случае, если осуществляется в связке: стремление к образу бездефектного будущего — изменение себя. Самосовершенствование и самоизменение являются необходимыми компонентами по проектированию желаемого бытия.

Prem Paras Sharma, представитель современной индийской философии, один из проповедников техники Vipassana, так характеризует современный тип человека: «Вы все время куда-то бежите и стараетесь успеть, ваше общество считается индустриальным. Но вместе с постройкой заводов и ускоряющимся темпом развития своего общества, вы стали несчастными, вы потеряли чувство жизни и насыщенности ею. Мы в Индии не такие развитые и индустриальные, в чем-то медлительные, но мы счастливые».

Это суждение представителя восточной культуры точно характеризует специфику «человека-проекта», торопящегося достигнуть будущего и несчастного в настоящем, стремящегося реализовать как можно больше проектов в своей жизни.

Зигмунд Бауман, британский социолог польского происхождения, в работе «Индивидуализированное общество» отмечает: «Сегодня принято и даже модно сожалеть о нарастании нигилизма и цинизма среди современных мужчин и женщин, критиковать их недальновидность, безразличие к долгосрочным жизненным планам, приземленность и своекорыстие их желаний, их склонность разделять жизнь на эпизоды и проживать каждый из них без оглядки на последствия. Все такие обвинения достаточно обоснованы, чтобы быть поддержанными» [10]. По его мнению, большинство критиков современной морали и нравственности не учитывают тот фактор, что эта очевидная тенденция — всего лишь реакция на мир, в котором человек относится к будущему как к угрозе прекращения (гибели) его проектов. Именно возрастание угроз осуществления долгосрочных проектов заставляет отказаться от них, что ведет к разрушению личности и распадению бытия на мало связанные между собой фрагменты (на «проекты-однодневки»).

Человек проектирующий живет в непрерывно изменяемом им мире, создавая себя разного в каждый момент времени и в каждой отдельной точке пространства. Его личность мозаична и распадается на отдельные фрагменты. Это связано с тем, что в каждой отдельной точке пространства нужны свои, особые качества, и свой особый тип человека. Человек проектирующий старается успеть ответить на как

можно больше вызовов современного мира, собирая себя разного для разных проектов.

Социальные, политические, экономические потрясения современного мира определили новый тип человека — не верящего в будущее, но и не держащегося за настоящее, теряющего социально полезные качества, тревожного, склонного к эскапизму, выстраивающего собственную индивидуальную виртуальную реальность.

Развитие проектного мышления повлекло за собой изменения в культурных ценностях и «онтологических приоритетах»: для обитающего в проекте человека характерны девальвация традиционных консервативных ценностей и акцентирования ценностей инноваций и творчества. Человек проекта устремлен в будущее, поэтому прошлое и настоящее представляются ему малозначимыми.

Проектируя новую действительность и новое собственное «Я», человек проектирующий присваивает себе позицию творца. Как отмечает С.Ф. Денисов в работе «Сциентизм в метафизике», такой тип человека (инноватор — в его типологии) выступает неотъемлемой творческой частью природного эволюционного процесса. Тем самым он «с неизбежностью взваливает на себя тяжелый груз ответственности за успех эволюции всего мироздания» [3, 256].

В современном мире человек принимает решения в ситуации свободного выбора, а также самостоятельной моральной оценки: он самостоятельно может выбирать увеличения, профессию, спутника жизни, ориентируясь на свои собственные критерии того, что считать правильным. Поскольку в условиях отсутствия санкционированных обществом образцов человеку проекта приходится все чаще принимать (на свой страх и риск) самостоятельные решения, постольку он не может не ощущать ответственности за их последствия. В связи с этим, его самоощущение меняется двояким образом: с одной стороны, повышается его самооценка, он ощущает себя Творцом действительности; с другой стороны, его преследуют «тварные» чувства тревоги, напряжения, ожидания неудачи. Личность человека становится ареной борьбы двух противоположностей — «Я-твари» и «Я-творца».

Вместе с появлением нового типа человека — человека проектирующего, можно говорить о появлении и нового образа жизни — проектного. Проектный образ жизни характеризуется рваным темпом: скорость жизни человека проектирующего резко возрастает, когда он ощущает себя в проекте, и существенно снижается, когда он находится вне него. Здесь не существует рутинного расписания, вместо него — сроки реализации.

Человек, живущий проектным образом жизни, может трудиться сутками, выполняя ту или иную задачу в рамках проекта, и потом также отдыхать. Здесь нет регулярности и стабильности. Человек ищет такую работу, которая не привязана к конкретному месту в пространстве: он выполняет задачи, где ему удобно, и когда ему удобно, но в установленный срок. Положение в обществе измеряется количеством реализованных и выполняемых одновременно проектов.

В настоящее время важно отличать истинно проектную деятельность и человека проектирующего от имитационных процессов в массовой культуре.

Сегодня проектирование популяризуется, проникает в массовую культуру и представляется как современный и модный вид деятельности. «Творцы» современных популярных шоу считают себя проектировщиками, но являются, по сути, имитаторами проектной деятельности, генерирующими типовые продукты для массового зрителя.

В той же работе «Индивидуализированное общество» З. Бауман отмечает, что «для наших дней наиболее характерна внезапная популярность множественного числа... Сегодня мы живем проектами, а не Проектом» [10].

В жизненном мире человека все меньше места занимают супер-проекты, предполагающие взаимодействие большого количества вовлеченных в них людей. Теряют привлекательность и уходят в прошлое глобальные проекты постройки коммунистического общества, когда вся страна была подчинена одной цели («связана одной цепью»). Такие проекты становятся для «человека проекта» неактуальными, они не вписываются в реальность, где время ускорилося и где он хочет осуществить как можно больше собственных «одноразовых» проектов. В мире, где каждый стремится сделать свой проект, будь то выход нового альбома или открытие нового магазина, где стало считаться неприличным не принадлежать множеству сообществ со своими проектами, метанарративы становятся зыбкими, малозначущими. Человеку некогда заботиться о качестве многочисленных проектов, в которых ему приходится участвовать: перескакивая на ходу из проекта в проект, он склонен все делать «начерно», «как бы». В результате, размывается ощущение реальности и его бытие приобретает «сослагательное наклонение»: он «как бы влюбляется», «как бы женится», «как бы имеет мнение».

Массовая культура перенимает слово «проектирование», создает на него моду и начинает использовать практически постоянно, что приводит к огрублению, копированию только форм, в то время как содержание выхолащивается.

В настоящее время социальным проектированием (а на самом деле «псевдопроектированием») занимаются все: в школе, реализуя акцию по посадке цветочной клумбы, в университете, создавая очередную студенческую вечеринку, на работе, готовя тезисы для выступления на конференцию.

Агенты массовой культуры активно имитируют вошедшую в моду проектную деятельность, и тем самым они девальвируют этот термин. Тиражирование слова без понимания его глубинного значения и имитация проектной деятельности по расхожим штампам массовой культуры способствуют тому, что его смысл меняется на противоположный, а сама проектная деятельность подменяется ее симулякрами.

Симулякр есть ответ «общества масс» вызовам эпохи постмодерна, где настоящее подменяется искусственным, произведения искусства — перформансом, определенность — неопределенностью, созидание — деструкцией, ответственная деятельность по проектированию идеального будущего — ее грубой имитацией. Симулякр уже не может претендовать на роль субъекта [5] — субъект в обществе постмодерна «умер», его деконструировали, расчленили, редуцировали к безразличной структуре. Симулякр живет в симуляционной виртуальной реальности, он не присутствует экзистенциально ни в действительном прошлом, ни в действительном настоящем, ни в действительном будущем, поэтому он может вступать только в «вещные» объектно-объектные отношения — как маска, как ситуационная функция.

Таким образом, человек с развитым проектным мышлением отличается выраженным активно-творческим отношением к действительности на основе конструирования характеристик будущих желаемых состояний объектов или процессов. Человек проектирующий ощущает уплотнение времени, смещает акценты своей жизни в будущее, наличествующая действительность воспринимается им как постоянно исправляемый черновик будущей истинной действительности.

В результате помещения главных смыслов и ценностей в будущее проект становится для субъекта действительностью, а действительность он воспринимает как «проект». Человек проектирует свое настоящее из будущего, сам создает себя в настоящем.

Действительность, воспринимаемая «человеком проектирующим и проектируемым» как проект, распадается на два экзистенциальных потока: «Бытие-вот», в котором присутствует и создает себя сам, и «Бытие-в-мире», связанное с постоянной угрозой утраты себя.

В проектном мышлении человека постоянно присутствует вызов самому себе, на который надо отвечать, что предполагает «подвижную» позицию в мире, готовность к самоизменению.

Человек проектирующий выступает одновременно субъектом и объектом многочисленных проектов — как собственных, так и чужих, вследствие чего его экзистенциальный мир необратимым образом изменяется.

Литература

1. *Бердзенишвили А.С., Горозия В.Е.* Судьба человека в постсоветском социальном пространстве. Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Вып. 3 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005.
2. *Геллнер Э.* Условия Свободы. М.: Библиотека Московской школы политических наук, 1995.
3. *Денисов С.Ф.* Сциентизм в метафизике. Омск: ОмГПУ, 2011.
4. *Душин О.Э.* Homo currens как *modus vivendi* в культуре постмодерна. Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. Вып. 3 / Под ред. В.В. Парцвания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2005.
5. *Кутырёв В.А.* Философия постмодернизма. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006.
6. *Сартр Ж.П.* Человек в осаде. М.: Вагриус, 2006.
7. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
8. URL: http://www.kureda.narod.ru/ortega/ort_6.htm.
9. URL: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1068/САРТР.
10. URL: <http://www.postindustrial.net>.
11. *Gellner E.* Reason and culture. The historic role of rationality and rationalism. Blackwell, Oxford UK & Cambridge USA, 1992.

References

1. *Berdzenishvili A.S., Gorozia V.E.* Destiny of man in the post-Soviet social space . The man of post-Soviet space : Proceedings of the conference. Issue 3 / V.V. Partsvaniya (ed.). SPb.: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2005.
2. *Gellner E.* Conditions of Liberty. Moscow: Library of the Moscow School of Political Studies, 1995.
3. *Denisov S.F.* Scientism in metaphysics: a monograph. Omsk: Publishing house OSPU, 2011.
4. *Dushyn O.E.* Homo currens a *modus vivendi* in postmodern culture. The man of post-Soviet space: Proceedings of the conference. Issue 3. V.V Partsvaniya (ed.). SPb.: Saint-Petersburg Philosophical Society, 2005.

5. *Kutyrev V.A.* Postmodern philosophy. Nizhny Novgorod: Volga-Vyatka Academy of Public Administration, 2006. Chap. 3, 4.
6. *Sartre J.P.* Man under siege: [trans. with fr.]. M.: Vagrius, 2006.
7. *Frankl V.* Man in search of meaning. M.: Progress, 1990.
8. URL: http://www.kureda.narod.ru/ortega/ort_6.htm.
9. URL: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1068/CAPTP.
10. URL: <http://www.postindustrial.net>.
11. *Gellner E.* Reason and culture. The historic role of rationality and rationalism. Blackwell, Oxford UK & Cambridge USA, 1992.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Турбулентная Россия

Есть дух Истории — безликий
и глухой, что действует помимо
нашей воли.

М. Волошин, 1924

Аннотация. В статье анализируются долговременные тенденции и длинные волны российского и мирового развития — с учетом разворотов российской политики, проявившихся в событиях на Украине и в Сирии и не вписывающихся в траекторию развития последних десятилетий. Делается вывод о духовных первопричинах радикальных поворотов истории.

Ключевые слова: историческая и экономическая динамика, турбулентность, длинные волны экономики.

Abstract. A sharp reversal of Russian policy, as demonstrated by the events in Ukraine and in Syria, does not fit into the trajectory of development of the last decades. The question arises about its root causes and possible consequences. To answer it, the article analyzes long-term trends and the long waves of the Russian and world development. On this basis the conclusion is made about the spiritual root causes of the radical turns of history.

Keywords: historical and economic dynamics, turbulence, long waves of the economy and history.

Что с нами происходит?

Россию сегодня многие не узнают. Так, в позапрошлом году наша страна стала вдруг активно противодействовать американским планам на Украине. А за последние пять месяцев провела решительную военную кампанию в Сирии, да еще в союзе с Ираном, которая породила новую волну политических потрясений на Западе, сопоставимую с крымской волной год назад.

Почему же произошел столь резкий разворот в российской политике? Где его корни и предпосылки и каковы возможные последствия?

Сегодня зреет понимание, что причины происходящего не только в российской политике и в ее экономических предпосылках, но и в духе российской истории. Тем не менее найти там движущие силы не просто. Хотя история и движется закономерно (циклично и даже спиралеобразно, как полагают многие), но далеко не ясно — как именно: то ли повторяется с периодом солнечной активности Чижевского, то ли изменяется волнами Кондратьева, которые, к тому же, по мнению некоторых ученых, меняют свою длину, то ли она вообще фальсифицирована, поскольку, как обнаружил математик Фоменко, многие ее письменные фрагменты повторяются. Возможно, правда, что это не математический казус истории, а известное в психологии явление воспроизводства архетипов, как полагает О. Давыдов. В общем, ясности в этом вопросе нет.

И что же в этих условиях делать? Некоторые полагают, что нужно не мудрствовать, а решать злободневные гуманитарные и экономические проблемы. Другие ищут духовные пути русского человека, поскольку, как это полагает А. Девятков, мир движется к возрождению Ясы Чингисхана, согласно первому принципу которой, духовное выше материального¹.

При такой неопределенности положения дел можно подумать, что нам и далее придется пребывать в хаосе неведения, или, как стали говорить в последнее время, в состоянии турбулентности.

Турбулентность — как она есть

По большей части под этим словом подразумеваются периоды потрясений и состояния неопределенности поведения.

¹Великая Яса Чингисхана из 64 пунктов. Главные принципы: духовное выше материального, общее выше частного, справедливость выше закона, служение выше владения, власть выше собственности.

Однако, как стало ясно в последнее время, явление состоит не только в этом.

Рис. 1. Морская волна (художник К. Хокусай)

Турбулентность — не только характеристика изменчивости чего-либо, это еще и само по себе изменчивое явление, подчиняющееся своим внутренним законам (переход от строгой определенности (закономерности) к хаосу и наоборот), как, например, морская волна (рис. 1). Причем изменчивость эта такова, что в один и тот же момент турбулентность со стороны одного наблюдателя может представляться регулярностью, а другого — случайностью, как, например, движение облаков при взгляде на них с высоко летящего самолета и с земли.

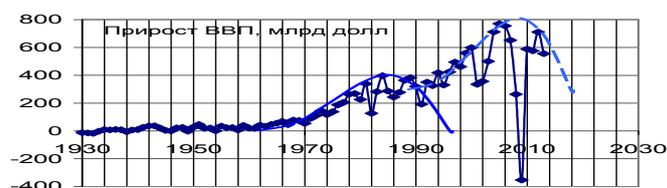

Рис. 2. Длинные волны прироста ВВП США продолжительностью в 30 лет

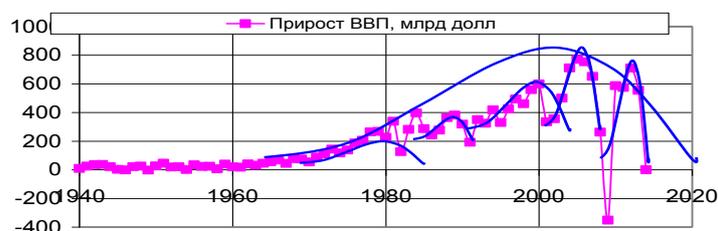

Рис. 3. Ежегодный прирост ВВП США волнами в 15, 10 и 5—6 лет

Помимо этого, турбулентность — многоволновое явление, как можно видеть на графиках прироста ВВП США (рис. 2, 3), на которых в зависимости от степени наблюдательности исследователя можно заметить и две волны, и семь, и более. Если же попытаться посмотреть на турбулентную экономическую динамику США под углом зрения неопределенности (степени отклонения ежегодного прироста ВВП от локального 3-летнего тренда), то можно увидеть чередующиеся приблизительно через 20 лет участки повышенной и пониженной неопределенности поведения их экономики (рис. 4).

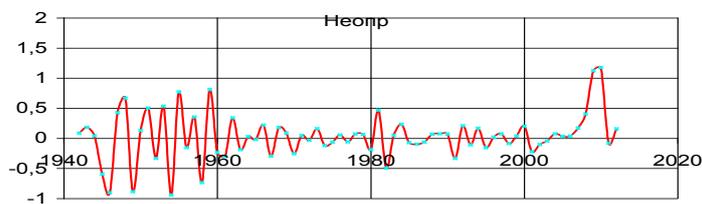

Рис. 4. Неопределенность прироста ВВП США, полученная осреднением по 3-летним трендам ее экономики

На первый взгляд такой способ описания экономической динамики может показаться слишком сложным, а значит, непонятным и не нужным.

Но только на первый. Поскольку турбулентность нельзя понять, пользуясь представлениями, созданными для описания закономерных процессов. Для ее описания нужен свой язык, или, говоря научным языком, своя теория — теория социального и экономического хаоса.

Ее основы начали закладываться в середине XX в. трудами А.Н. Колмогорова по аналогии с гидродинамической и финансовой турбулентностью, затем И.Р. Пригожина по диссипативным системам. А в последние десятилетия теория получила дальнейшее развитие в

форме гипотезы социальной турбулентности, или экономического хаоса.

Задача этого научного направления состоит в описании изменчивости экономической среды, а не ее равновесных состояний. Причем нерегулярной изменчивости, которая на малых интервалах времени носит случайный характер (рис. 5), а на больших (рис. 6, 7) — закономерный (волнообразный).

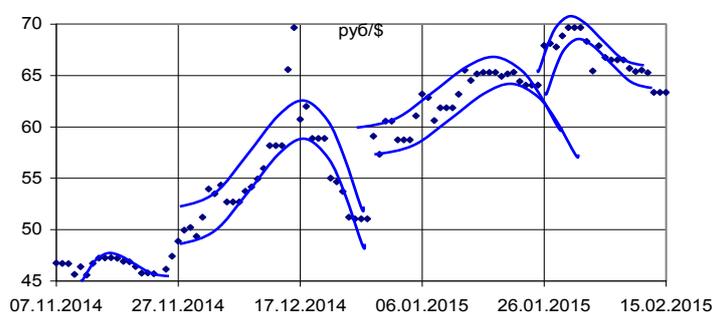

Рис. 5. Хаос ежедневных колебаний цены доллара 2—4-недельными волнами

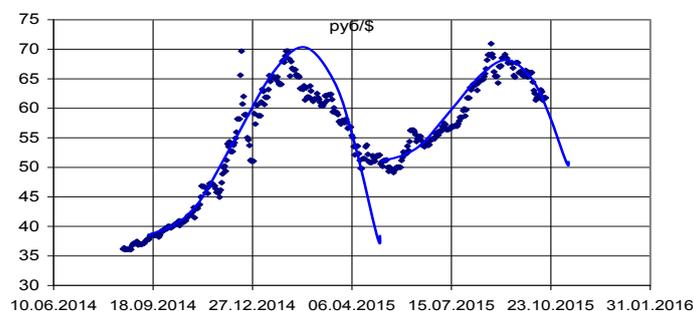

Рис. 6. Волнообразный характер 9-месячных колебаний доллара

Турбулентная модель, представленная волновыми решениями (линиями) (рис. 5, 6), показывает, что экономические изменения многообразны как по длинам волн, так и их амплитудам. А, кроме того, они еще и «двумерны». Графически последнее проявляется «левыми и «правыми» гребнями волн (рис. 5). Как показано в наших исследованиях, такого рода экономическую изменчивость нельзя описать с помощью одних лишь финансовых инструментов анализа. Необходимо

принимать во внимание еще и духовность общества, или, как считал Гумилев, его пассионарность.

Духовная сила общества

Хотя духовность в обычной жизни чрезвычайно рассеяна и поэтому о ней не принято часто говорить, в критические периоды истории она проявляет себя исключительно яркими всплесками мировых религий и революционных мировоззренческих концепций. Их олицетворяют имена Будды, Конфуция, Пифагора, Христа, Мухаммеда, Чингисхана, Ньютона, Лейбница, Декарта.

Если посмотреть на время рождения этих людей, то обнаружится удивительная вещь. Духовное возрождение начиналось в мире регулярными всплесками в очень узкие периоды истории (не превышающие по величине 40 лет) приблизительно каждые 560 лет (табл. 1).

Таблица 1

560-летние волны духовного возрождения

Номер и начало волны, годы	Дата рождения и продолжительность жизни	Имя
1 — 560 до н. э.	551 г. до н. э. (72 года) 563 г. до н. э. (80 лет) 570 г. до н. э. (75 лет)	Конфуций Будда Пифагор
2 — 0	0 г. н. э. (33 года)	Христос
3 — 560	571 г. (61 год)	Мухаммед
4 — 1120	1162 г. (65 лет)	Чингисхан
5 — 1680	1643 г. (84 года) 1646 г. (70 лет) 1650 г. (53 года)	Ньютон Лейбниц Декарт

Помимо 560-летней периодичности, в табл. 1 можно выделить еще одну крупную 2240-летнюю волну, которая отделяет мыслителей древности Конфуция, Будду и Пифагора от основателей современного научного мировоззрения Ньютона, Лейбница и Декарта.

Конечно, у всех, кто тысячелетиями олицетворяет вершины духовности, были предшественники. Ньютон, например, говорил, что видел далеко, потому что стоял на плечах гигантов. И действительно, почва для его открытий была подготовлена яркой плеядой мыслителей, родившихся приблизительно за 70 лет до него. Среди них и Кеплер (1571 г. рождения, проживший 58 лет), и Галилей (1564 г. рождения, проживший 77 лет), и Джон Донн (1572 г. рождения, проживший 59 лет).

Джон Донн, например, заметил, предвосхищая Ньютона, что духовный мир одного человека является всего лишь частицей мира всего человечества, так же как остров — всего лишь часть суши. Столь масштабный феномен духовного человека не позволяет понять многие его действия и поступки (особенно в критические периоды жизни и истории), исходя лишь из текущих событий. Понять человека, кто он и куда идет, можно только изучая всю его историю целиком. А это значит, историю его духа, духа его народа, человечества в целом, поскольку только в ней заключены источники долговременного развития, которые определяют высокие устремления человечества, мотивы его поведения и результаты деятельности. Как, например, фантастические идеи К.Э. Циолковского (родившегося в 1857 г.) о космических путешествиях определили реальные, а не декларативные цели и вершины 74-летнего периода жизни советского народа и государства.

Таким образом, мы видим, что на больших интервалах времени не силой единой движется история человечества, а ее духом. Л.Н. Гумилев это явление описывал волнами пассионарности.

Сравнивая же графики волн пассионарности Гумилева и волн социальной турбулентности, можно заметить, что они подобны между собой как по качеству изменений, так и по расчетной 1120-летней продолжительности. На этом основании мы можем говорить о единой природе и духовных всплесков, и волн пассионарности человечества.

Более того, согласно обнаруживаемой в табл. 1 и волнах истории периодичности, можно определить истоки следующей духовной революции человечества где-то в 2240-х гг.

А каковы ближайшие вехи всемирной истории?

Об этом можно судить по данным табл. 2, в которой с периодичностью в 140 лет (равной 1/4 части 560-летней волны) мы обнаруживаем более короткие, но не менее содержательные всплески пассионарности мирового масштаба.

Таблица 2

Появление на Земле с периодом 140 лет исторических личностей

5.0 — 1680	1643 (84 года) 1646 (70) 1650 (53) 1672 (52)	Ньютон Лейбниц Декарт <i>Петр I</i>
5.1 — 1820	1809 (73) 1818 (64) 1828 (77) 1831 (48) 1834 (72) 1844 (62)	Дарвин Маркс Жюль Верн Максвелл Менделеев Больцман
5.2 — 1960	1952	<i>Путин</i>

Таблица 2 показывает, что нынешняя относительно короткая 140-летняя волна всемирного творчества (вторая после эпохи Ньютона и Петра I) началась с рождения в середине XX в. череды исторических личностей, соразмерных по своему потенциальному влиянию на историю с Марксом, Дарвином, Больцманом или Менделеевым. Мы, однако, можем назвать сегодня только одно имя из этой строчки — Путин (да и то гипотетически), поскольку его появление на свет отделяют от рождения Петра I ровно две волны пассионарности человечества по 140 лет каждая.

Остальных пассионариев XXI в., которые находятся среди нас, мы назвать не можем. Потому что не знаем, кто из них предвосхищает мировоззренческую революцию III тысячелетия, ростки которой с рождением нового Будды, Пифагора или Конфуция появятся лишь в 2240 г. Это смогут сделать только наши далекие потомки, так же как мы сегодня с легкостью называем предшественников Ньютона. В долгой памяти человечества останутся лишь те из нас, кто воплотит в жизнь предназначение нашей эпохи.

Заглянув, однако, на 560 лет назад в историю, мы можем в ее атмосфере обнаружить некоторые проясняющие сегодняшнюю ситуацию аналогии (табл. 3).

Таблица 3

Исторические аналогии с периодом 560 лет

Даты	Предшествующие события	Даты	События нашего времени
1418 1420	Начало великих географических открытий и «Раннего Возрождения»	1961 1969 1980	Полет Гагарина Высадка на Луну Синергетика
1453 1452	Восхождение Османской империи (Падение Второго Рима), начало возрождения Западной Европы Рождение Леонардо да Винчи	2013 2012	Подъем исламской волны Возрождение Третьего Рима? Начало экономического кризиса Западной Европы ?
1492	Открытие Америки	2052	?

Оказывается, что буквально в самые последние годы мир вступил в исторический период, эквивалентный по своему духу эпохе Возрождения. Но не Западной Европы, а скорее Восточной, и не христианского мира, а мусульманского. Несколько иной, более низкий, по нашему мнению, уровень подобия можно обнаружить и в событиях 280-летней давности — начале мировой промышленной революции (1730-е гг.).

Восхождение России

Попробуем оценить роль и место России в этих глобальных преобразованиях. Посмотрим с этой целью на крупные вехи последнего периода истории страны.

Исследование экономической динамики России за 150 лет, выполненное несколько лет назад Клепачем и Курановым (результаты которого показаны на рис. 7), говорит о приблизительно 80-летнем длинном цикле хозяйственного развития России, который оказался близок к оценкам повторения российской истории по турбулентной модели.

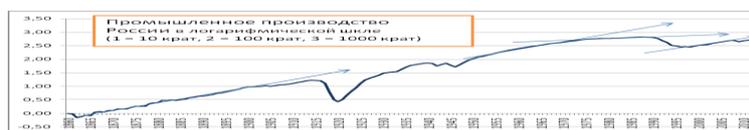

Рис. 7. Рост промышленного производства в России в логарифмической шкале (1861—2012)

Длинная 80-летняя волна российской истории выделяется на рис. 7 острыми периодами спада промышленного производства 1917—1930 и 1991—2005 гг. Им, как известно, предшествовали приблизительно такие же по длительности периоды политической нестабильности, имевшие место между войной с Японией 1904 г. и началом правления И. Сталина в 1924 г., а также между началом войны в Афганистане в 1979 г. и до появления В. Путина в Кремле в 1999 г.

Завершает череду волн политических и экономических кризисов России волна демографического спада (рис. 8).

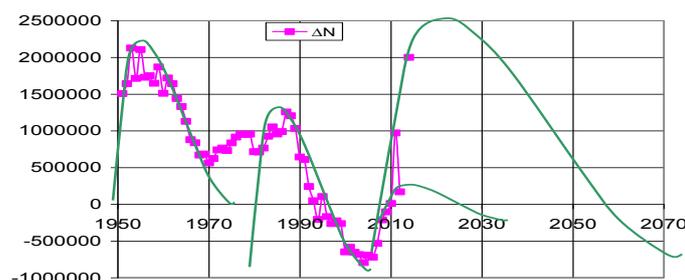

Рис. 8. Пассионарность (прирост населения) в сравнении с расчетом по турбулентной модели (в предшествующей истории страны видны волны в 25 лет (гармоники 75-летней волны — $75/3$))

Ее продолжительность можно оценить 17 годами (с 1989 по 2006 г.). Таким образом, мы можем констатировать, что максимальная длительность переходных процессов в российском обществе от начала политической нестабильности до восстановления экономики и начала позитивной демографической динамики складывается из трех последовательных волн и составляет около 27 лет ($1/3$ часть длинной волны России, продолжительностью в 80 лет).

Особенности нынешних переходных процессов в России показывает график неопределенности экономической динамики страны (рис. 9).

Рис. 9. Степень неопределенности экономической динамики России

Если оцененную таким образом неопределенность России сравнить с неопределенностью экономики США (рис. 4), то можно констатировать, что наша страна развивается в последние годы, хотя и очень неустойчиво, но закономерно (как и Америка от Кеннеди до Обамы). Поскольку уровень неопределенности и там и там не превышает по абсолютной величине 0,5.

На основе такого рода анализа российской истории мы можем сегодня рассчитывать на достаточно продолжительный (полувековой) период бурного социального и экономического развития страны в XXI в., который закономерно должен следовать вслед за 27-летней волной нестабильности.

Сопоставляя расчетные волны мировой и российского истории (фрагменты которых представлены на рис. 7, 10), мы обнаруживаем интересные особенности нашего времени. Мы видим, что Россия сегодня находится на подъеме пассионарности, как это уже было в ее истории и 160 лет назад во времена Золотого века российской культуры и политического влияния в мире (начало эпохи Николая I), и 80 лет назад во времена Серебряного века и начала становления сверхдержавы (начало эпохи Сталина).

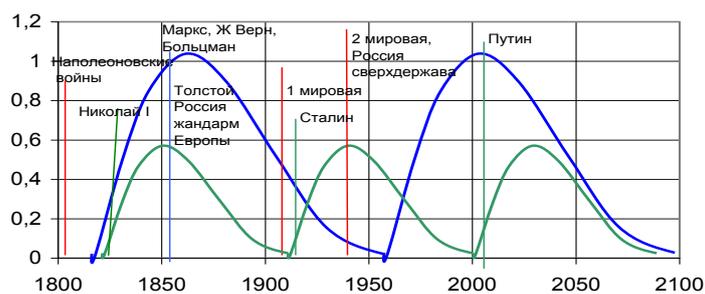

Рис. 10. Сопоставление расчетных по модели социальной турбулентности волн пассионарности мира и России

Хорошо видимый волнообразный характер развития страны говорит о том, что лет через 20 вслед за духовным подъемом последует мощный экономический рост (как это было уже в российской истории), завершающийся достижением стратегических целей развития и социальным благополучием. Основываясь на этих волновых закономерностях истории, мы можем представить последовательность основных этапов большой российской волны XXI в., которую можно назвать «Пятой Россией» (табл. 4).

Таблица 4

Основные этапы большой российской волны XXI в.

Фаза	Год	Содержание
0	1996—2000	Начало цикла, перерождение
1/8	2006—2010	Поиск целей развития
1/4	2016—2020	Начало восхождения
1/2	2036—2040	Достижение цели и закрепление результатов (кризис целей)
2/3	2046—2050	Достижение социального благополучия
3/4	2056—2060	Начало системного кризиса и поиска путей его преодоления
7/8	2066—2070	Перелом
1	2076—2080	Начало следующей большой волны

Наиболее драматичными в российском будущем могут оказаться 2056—2060-е и 2076—2080-е гг. (табл. 4). Источники кризисного состояния страны в это время можно обнаружить в динамике мировой истории. Поскольку именно на эти годы приходится окончания глобальных 140-летних волн, инициированных войнами 1914—1920-х и 1939—1945-х гг.

Однако повторение истории полуторавековой давности может и не случиться. Поскольку пик российской пассионарности в XXI в. приходится на переломный момент всемирной истории — 2030-е гг. Или, говоря современным языком, на точку ее бифуркации, выбор путей развития в которой определяется малыми параметрами — пассионариями, которые выражают дух своего времени. Поэтому нельзя исключить появление на гребне российской волны 2030-х гг. исторической личности (такой как Колумб, неожиданно появившийся в Порту-

галии за 560 лет до этой даты), которая позже откроет «Новый свет». Откроет его в тот самый момент в 2052 г., всего через два года после которого могла бы начаться новая мировая война, или, образно говоря, конец света. И это не фантастический сценарий, поскольку такой ход мировой истории однажды имел уже место быть, причем строго за 560-лет до обсуждаемых событий. В 1492 г. от Рождества Христова (или в 7000 г. от сотворения Мира) действительно ждали конца света, по крайней мере в России. Но события стали развиваться таким чудным образом, что кончился не старый свет, а открылся новый. Тогда это была Америка.

И сегодня мы находимся в окрестностях такой же точно особой точки мировой истории, от действия в которой зависит будущее. Причем зависит не столько от силы наших действий, сколько от их своевременности и дальновидности.

Это кажется невероятным, что от нас, от нашего ума и мужества, вдруг, стал зависеть мир. Особенно после двух десятилетий, в течение которых Запад был для нас бесспорным примером во всем.

И тем не менее это так.

Более того, совершенно прозрачная периодика духовных волн жизни подсказывает нам, что нынешний поворот к восхождению России был предопределен задолго до сегодняшних событий. В нем заложена энергия 30-летнего сжатия пружины русского духа, которая не сломалась, как на то рассчитывали на Западе, и начинает сегодня распрямляться. И как Советская Россия стала через 30 лет после сжатия в 1904—1930-х гг. сверхдержавой, так и нынешняя Россия начинает восхождение в нарождающийся на наших глазах мир глобальных держав XXI в.

Остановить такой инерционный процесс, начавшийся много десятков лет назад, трудно. Об этом говорит и неудачная попытка Германии (со всеми ресурсами Европы) предотвратить 75 лет назад становление Советской сверхдержавы. И рождение в ритмах российской истории, 80 лет спустя после Циолковского и Ленина, новой генерации пассионариев, таких как Путин.

Оглядываясь на нашу историю XX в., мы можем также предположить, что на вершины национального благополучия Россию выведут соотечественники, родившие в конце XX в. Так же как предшествующую волну (Советскую Россию) вывели в космос и сделали сверхдержавой люди, родившиеся в начале XX в. Среди которых были Косыгин (1904), Брежнев (1906), Громыко (1909), Устинов (1908), Королев (1906), Курчатov (1903) и многие, многие др.

Ну а практические шаги по преодолению возможного в России во второй половине XXI в. кризиса сможет совершить только еще нарождающаяся генерация граждан России. Особенно, если мы сможем передать им понимание того, что такое *хаос* и что *преодолен он может быть прежде всего в наших умах и душах*.

С.А. ДАВЫДОВ, Е.Е. ТОРАНДО

Редистрибуция и формирование планового хозяйства в Древнем Египте

Аннотация. Возникновение механизма редистрибуции стало важным фактором формирования планового хозяйства в Древнем Египте. С его помощью были созданы структурные и институциональные предпосылки для роста производительности труда на основе формирования централизованной системы управления хозяйством на берегах Нила. Тем самым были созданы условия для формирования политического строя Древнего Египта.

Ключевые слова: Древний Египет, разделение труда, социальная структура, производительность, редистрибуция, раннее государство.

Abstract. Origin of the redistribution mechanism becomes a key factor in forming of the planed economic system in Ancient Egypt. It makes a structural and institutional prerequisites for the growth of labor productivity on the basis of formation of a centralized system of economic management on the banks of the Nile. This created conditions for the formation of the political system of ancient Egypt.

Keywords: Ancient Egypt, division of labor, social structure, productivity, redistribution, early state.

В философии хозяйства одно из центральных мест занимает проблема выбора обществом меры централизации хозяйственной жизни. В настоящее время, что отрадно, она постепенно уходит с арены непримиримой догматической борьбы между сторонниками плановой и рыночной экономики и приобретает иное звучание. Сегодня исследователь, способный воспринимать хозяйственные практики во всем их многообразии, уже едва ли станет отрицать ту роль, которую в определенных исторических условиях сыграли и продолжают играть институты планового хозяйства. Скорее он сфокусирует свой исследо-

вательский интерес на вопросе о том, почему общество делает выбор в пользу институтов плановой экономики, и как это происходит.

В поиске ответов на этот вопрос исследователю нелишне будет обратить свой взгляд к древнему обществу.

Действительно, на заре цивилизации процесс формирования принципов хозяйственной жизни еще не находился под гнетом той институциональной и культурной нагрузки, которая нередко предопределяет траекторию ее развития в наш просвещенный век, «путая пасьянс» при анализе (см.: [6]). Следует полагать, что при формировании первых моделей производящего хозяйства древние люди обладали весьма значительной свободой в проектировании таких форм организации экономики, которые были наиболее адекватны социальным и природным вызовам. Неслучайно, именно эта эпоха подарила нам удивительное многообразие форм культурно-хозяйственной жизни, в силу чего и получила название «периода экспериментов» [18, 35].

Многие из подобного рода экспериментов оказались нежизнеспособными и не оставили о себе памяти. Но ряд из них дал толчок формированию институтов, которые эффективно работают и поныне. Хорошим примером такого «успешного» социально-экономического эксперимента является опыт формирования экономики на берегах неолитического Нила. Взгляд на нее может быть удобен тем, что процесс ее институционализации находился под влиянием сильно выраженных социальных, культурных и биосферных факторов, а результатом его реализации явилось создание завершенных форм планового хозяйства.

Сегодня в науке все еще не выработано единого понимания причин, определивших возникновение того специфического облика, который придали своей хозяйственной жизни протоегиптяне. Но, основываясь на современных научных знаниях, можно предположить, что одной из таких причин стало развитие на берегах Реки практик редиистрибуции.

Вероятно, впервые на существование прямой зависимости между объемом полномочий субъекта управления хозяйством в древнем обществе и уровнем развития института редиистрибуции обратил внимание еще М. Салинз в середине 1960-х гг. [21, 294]. И нет оснований считать, что зависимость эта не обнаруживала себя в процессе формирования хозяйственной культуры Древнего Египта.

Действительно, на протяжении всего периода времени до начала иссушения климата в Сахаре и Сахеле (10000—5500 лет до н. э.) общество кочевников не испытывало потребности в применении редиистрибутивных практик [2, 86 — 101]. Однако в связи изменением климата и

по мере роста демографической нагрузки на пригодную для жизни территорию древние общества встали перед лицом дефицита средств жизнеобеспечения [1, 129 — 131].

Следует иметь в виду, что ни экономическая теория, ни социология не утверждают, что увеличение числа людей, населяющих территорию, обязательно должно приводить к падению их жизнеобеспеченности. Напротив, обеспеченность людей ресурсами может даже повышаться — но при условии опережающего роста производительности труда. Определены сегодня и два основных пути решения этой задачи. К ним относятся развитие средств производства и разделение труда.

Первый из них связан с совершенствованием орудий труда, открытием новых материалов, новых технологий их обработки и способов присвоения ресурсов. Но у нас нет оснований думать, что в своем переходе к производящему хозяйству протоегиптяне имели возможность встать на этот путь. Уровень производительных сил обитателей берегов Нила был в ту пору невысоким, и оттого не мог обеспечить скачка «производящих» технологий. Например, если историки полагают данными о постоянном совершенствовании технологий индивидуального труда собирателя и охотника на берегах Реки, то у них нет свидетельств того, что аналогичными темпами совершенствовались технологии ведения протоегиптянами коллективного производящего труда. В частности, известно, что в VI тыс. до н. э. в пойме Нила наблюдалось постоянное усовершенствование способов и средств рыбной ловли [17], в то время как не было зафиксировано видимых изменений средств труда, которые могли использоваться людьми при ведении сельского хозяйства и животноводства. Показательно в связи с этим отсутствие в культуре Буто-Маади, относящейся к IV тыс. до н. э. и непосредственно предшествовавшей возникновению государства в Египте, признаков использования в хозяйственной деятельности серпа [20].

Рост производительности труда протоегиптян на основе развития средств производства не могли обеспечить и технологии, которыми располагали их соседи. Например, культура раннего Хартума, созданная на пойменных территориях долин в слиянии Голубого и Белого Нила [16, 281 — 362], которая, по мнению ряда исследователей, и является предтечей неолита на Ниле, также не была еще в полной мере «производящей». Населявшие эти земли люди, по всей видимости, вели полуседлый образ жизни, размещая свои сезонные стоянки на пойменных землях в сезон между разливами реки [12, 145 — 166]. Тем самым, археологические данные не дают оснований считать, что куль-

туре берегов Нила и окружающих его территорий был свойствен производящий характер и что присущие ей средства труда и технологии могли обеспечить рост производительности труда на территории будущего Египта.

Не имея возможности ответить на вызов демографической нагрузки качественным технологическим скачком, протоегиптяне, вероятно, гипотетически могли бы встать на альтернативный путь повышения производительности труда — на путь его глубокого разделения. Действительно, современная экономическая теория и социология исходят из того, что «объединенные усилия более эффективны и производительны, чем изолированная деятельность самодостаточных индивидов» [4, 129], и указывают на позитивную функцию разделения труда — вызываемый этим процессом рост производительности. Важно отметить при этом, что предпосылки для инициирования этого процесса на берегах неолитического Нила имелись, поскольку плотность населения и накал борьбы за жизнь на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта росли, а, согласно Эмилю Дюркгейму, «всякое уплотнение социальной массы, особенно если оно сопровождается ростом населения, с необходимостью вызывает прогресс разделения труда» [3, 250]. Но вот только сценарий, по которому процесс профессиональной дифференциации протекал на берегах Реки, существенно отличался от того, что был описан в классических работах экономистов и социологов позапрошлого столетия.

Вспомним, к примеру, как разделение труда в каменном веке представлял себе Адам Смит. Действуя в рамках европейской научной парадигмы и основываясь на знаниях своей эпохи, Смит объявлял разделение труда стихийным самоорганизующимся процессом. Он рассуждал так: «Склонность к обмену породила первоначально... разделение труда. В охотничьем или пастушеском племени один человек, например, выделывает луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот и дичь; в конце концов, он видит, что может получить таким образом больше скота и дичи, нежели охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает изготовление луков и стрел своим главным занятием и становится таким образом своего рода оружейником... Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый — кожевником или дубильщиком шкур или кож, главных частей одежды дикарей» [10, 490].

Впрочем, современный социолог и антрополог скорее посчитают, что описанная классиком модель дифференциации видов хозяйственной деятельности едва ли могла воплотиться на берегах неолити-

ческого Нила. Прежде всего, потому что великий британский теоретик XVIII в., вероятно, совершил ошибку уже в своих исходных допущениях, наделив первобытных людей чертами, свойственными людям его времени и его культуры: эгоизмом, рационализмом, склонностью к инновациям, независимостью в принятии решений. Напротив, скорее следует согласиться с Марселем Моссом, который писал, что в первобытном обмене отнюдь «не индивиды, а коллективы... являются юридическими лицами: это кланы, племена, семьи, которые встречаются и сталкиваются друг с другом группами либо непосредственно, либо через посредничество своих вождей, либо обоими способами одновременно» [5, 88—89].

Более того, современная антропология выдвигает гипотезу о том, что первые обменные операции имели не столько экономическую, сколько общественную природу. Так, один из родоначальников экономической антропологии Карл Полаanyi отмечал, что «обмен... возник из потребностей разросшейся семьи, члены которой первоначально сообща пользовались вещами, которыми сообща и владели. Когда их численность возросла и они были вынуждены поселиться порознь, то вдруг обнаружилось, что им не хватает каких-то вещей, которыми они ранее пользовались сообща и которые теперь приходится получать друг у друга. В результате они стали делиться друг с другом. Короче, взаимность такой помощи достигалась в форме бартера. Отсюда — обмен» [7, 43]. Принимая во внимание, что смитовский образ «экономического человека», вероятно, мог только отдаленно походить на действительный портрет протоегиптянина, выразившего в своих действиях не столько собственные интересы, сколько интересы своей группы, несложно понять, что основанный на самоорганизации механизм разделения труда в условиях неолитического Египта лишился бы своей энергии — индивидуализма и эгоизма независимых хозяйственных агентов — и попросту не смог бы работать.

Более адекватное представление о процессе дифференциации видов деятельности в обществе протоегиптян может проистекать из понимания того, какое именно благо рассчитывал бы получить человек, специализирующийся на оказании какой-либо услуги, в качестве вознаграждения. Очевидно, что при отсутствии денег желательным для него стало бы благо, обладающее одновременно высокой потребительской ценностью и относительной редкостью. Ясно также, что в эпоху каменного века и в условиях дефицита пищевых ресурсов место такого блага должна была занимать еда. Таким образом, можно предположить, что на берегах неолитического Нила механизм разделения

труда был теснейшим образом связан с механизмом распределения пищевых ресурсов.

Но могли ли пищевые ресурсы распределяться протоегиптянами в ходе обменных операций в качестве платы за оказанную услугу, как об этом говорил Смит? Наверяд ли. Дело в том, что практически во всех исследованных культурах, предшествующих цивилизации, на торговлю пищей накладывался запрет. В большинстве примитивных обществ еда имела сакральное значение, а ее передача являлась символическим средством выражения дружелюбия, а иногда подчинения, и оттого не могла рассматриваться в качестве средства платежа.

Например, согласно Гиффорду, в исследованных им племенах обмену или продаже подлежали только изделия ручного ремесла, но никак не пища. Она могла преподноситься лишь в дар, передаваться родственникам или даже чужакам как знак добрых намерений и благожелательности [14, 287—390]. Аналогичные наблюдения фиксировали Кребер, исследовавший культуру индейцев Калифорнии [15], Филипп Драккер, изучивший быт и обычаи племени толова-тутутни [13, 221—300], Хортенс Поудермейкер, описавший культуру племени лезу [19, 195], и многие другие. Обменные операции с едой не поощрялись даже в обществах с весьма сложной социальной структурой и развитой торговлей. Подтверждения этому мы можем найти у Роберта Спенсера, отмечавшего, в частности, что эскимосы Аляски, подобно менее развитым племенам лесов жаркого пояса, старались исключить пищу из торговли и даже в ходе торговых операций обменивались ею только как подарками для закрепления сделок [22, 204—205].

Не имея веских оснований полагать, что общество протоегиптян было исключением из представительного списка первобытных обществ, где правил императив запрета на обменные операции с едой, несложно предположить, что на вмещающем ландшафте будущего Древнего Египта дифференциация видов деятельности должна была поддерживаться механизмом распределения еды, не основанном на обмене.

И такой механизм в первобытных племенах был выработан. Маршалл Салинз называл его механизмом редистрибуции, или «сбором с членов группы, часто идущим в одни руки, с последующим перераспределением в пределах той же группы» [9, 173]. Сбор этот производился вождями, располагавшими для этого всеми необходимым полномочиями, средствами социального контроля и аппаратом принуждения [21, 298].

Результаты наблюдений антропологов за редистрибутивными практиками племен говорят о том, что вожди имели не только права по

отношению к участникам возглавляемой ими группы, но и обязанности. Получив в свое распоряжение пищевые ресурсы, вождь, как правило, распоряжался ими во благо всей группы, стремясь поддерживать достаточный уровень жизнеобеспечения ее членов. В свою очередь лица, передававшие вождю жизненные ресурсы, не требовали ничего взамен, напротив лишая такую транзакцию какого-либо «коммерческого» смысла и, следовательно, не противопоставляя ее существовавшим в первобытных племенах культурным императивам. Делая подношения, они лишь символически подтверждали легитимность института вождества и выражали свою готовность разыгрывать отведенные им социальные роли.

Несложно догадаться, что подобная форма отношений представляла собой своего рода реципрокный обмен, в ходе которого все его участники получали свое: вожди — знаки подтверждения своей власти и относительно постоянный состав группы, а участники группы — относительно стабильную обеспеченность жизненными благами. И если такая форма объединения в действительности имела место в племенах протоегиптян, то она стала бы хорошей иллюстрацией справедливости теоретических построений Поланьи, отмечавшего: «Реципрокность как форма интеграции становится значительно более мощной в силу своей способности использовать перераспределение и обмен в качестве вспомогательных методов. Она может достигаться посредством распределения трудового бремени в соответствии с определенными правилами перераспределения. Аналогично реципрокность иногда достигается посредством обмена в установленных пропорциях который выгоден партнеру, испытывающему необходимость в чем-либо, — это один из фундаментальных институтов обществ Древнего Востока. В результате в нерыночных экономиках две формы интеграции — реципрокность и перераспределение — работают вместе...» [8, 72].

Создание на берегах Реки механизма интеграции, основанного на генерализованной реципрокности, приводило к двум важным последствиям.

Прежде всего, в рамках вертикально-интегрированного общества становилось возможным повысить уровень согласованности действий домохозяйств, производящих жизненные средства. Ведь координация могла бы «оказаться непростым делом при независимости управления отдельными стадиями производства» [11, 48]. И оттого в условиях повышения демографической нагрузки на территорию и вызванного ею дефицита жизненных ресурсов можно было бы считать естественным отход протоегиптян от «мелкой анархичности домашних

производственных групп» и их выбор в пользу «более мощных сил и более крупных организаций, институтов социально-экономического характера, которые связывают один дом с другим и подчиняют все их общему интересу» [8, 97].

Вторым важным следствием создания реципрокности на основе централизованного распределения было то, что она способствовала росту структурной и функциональной дифференциации неолитического общества. Как отмечал Поланьи, «реципрокность обозначает перемещения между соответствующими точками в симметричных группах; перераспределение представляет собой акты “стягивания” товаров центром с их последующим перемещением из центра... Следовательно, реципрокность предполагает наличие симметрично расположенных групп; перераспределение зависит от существования в группе определенной степени централизованности [8, 69]. Принимая такую логику, можно заключить, что, «если некая группа вознамерится построить свои экономические отношения на реципрокной основе, (то) для достижения своих целей она должна будет разбиться на подгруппы, члены которых смогут идентифицировать друг друга в качестве таковых» [8, 71]. При этом, «...чем более тесны связи в рамках более крупной единицы, тем более разнообразны подгруппы, в которых может эффективно действовать система перераспределения» [8, 73]. Действие описанного Поланьи механизма структурно-функциональной дифференциации в условиях политической централизации, имманентно свойственной вождеству, дополнялось силовым давлением аристократии неолита. Вожди имели необходимые социальные ресурсы для того, чтобы «сделать для человека службу другому человеку сутью своего статуса (путем применения уже) не экономической, а политической власти» [7, 29].

Используя свои ресурсы, вожди ломали автономию домохозяйств в сфере собственности и тем самым ускоренно вовлекали их в процесс разделения труда. Убедительные свидетельства этому содержат результаты антропологических исследований современных нам племен. Например, Салинз, сравнивая относительно «передовые» формы организации общественной жизни в Полинезии с относительно «отсталыми» формами социальной интеграции Меланезии, отмечал: «Более высокий потенциал полинезийских вождей в точности соответствует большему давлению, которое они способны осуществить на производство семейного хозяйства одновременно увеличивая прибавочный продукт и направляя его на более широкое разделение труда, совместное строительство, масштабные церемониальные и военные акции. Полинезийские вожди были более эффективным инструментом

общественного сотрудничества на экономическом, политическом, да на самом деле и на всех культурных фронтах» [21, 303].

Несложно понять, что увеличение производительности труда, обеспеченное ростом централизации политической власти нильской аристократии, с неизбежностью должно было сопровождаться процессом вертикальной дифференциации общества протоегиптян, увеличением социальной дистанции между представителями различных социальных страт, возникновением практик принуждения к труду. Завершенной формой воплощения этой тенденции на берегах Нила стала мобилизационная экономика, основанная на обязательном участии людей в периодически сменяющих друг друга видах сезонных работ и приводящаяся в движение не эгоизмом независимого хозяйственного агента, а его установками на исполнение служебного долга, подкрепленными силой идеологического и административного давления.

Вероятно, не следует считать, что неолитические племена поймы и дельты Нила сознательно выбрали для себя подобный путь развития. Наш анализ показывает, что племена эти были все же весьма ограничены в своих стратегических решениях, которые во многом были предопределены характером климатических, биосферных и демографических процессов, протекавших на берегах Нила, а также на окружающих его территориях Северной Африки в VIII—VI тыс. до н. э. Находясь под прессом демографической нагрузки на территорию и оказавшись перед лицом голода, протоегиптяне в ходе неолитической революции нашли едва ли не единственный возможный выход из социально-экономического кризиса. Они создали новый тип социальной солидарности, основанный на императиве исполнения служебного долга, предполагавший перераспределение ответственности за принятие хозяйственных решений от домохозяйств в пользу менеджеральной аристократии и требовавший широкого распространения практик обязательного участия в общественных работах всех слоев населения, контролируемых вновь созданным классом государственных управленцев.

Литература

1. *Давыдов С.А.* Зарождение мобилизационного императива в хозяйственной культуре Древнего Египта: гипотеза демографического давления // *Обсерватория культуры.* 2014. № 5.
2. *Давыдов С.А.* Принципы социетальной экономики: прошлое и будущее // *Общество и экономика.* 2014. № 1.

3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Наука, 1996.
4. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. М.: Социум, 2012.
5. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: Восточная литература, 1996.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.
7. Поланьи К. Аристотель открывает экономику // Истоки: экономика в контексте истории и культуры. Вып. 5 / Под ред. Я.И. Кузьмина; В.С. Автономова; О.И. Ананьина и др. М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2004.
8. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. Т. 3. 2002. № 2.
9. Салинз М. Экономика каменного века. М: ОГИ, 1999.
10. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962.
11. Уильямсон О. Вертикальная организация производства: Соображения по поводу неудач рынка // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995.
12. Arkell, A.J., Ucko, P.J. Reviews of Predynastic Development in the Nile Valley. *Current Anthropology* 6. 1965.
13. Drucker P. The Tolowa and their Southwest Oregon Kin. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology 1937.
14. Gifford E.W. Clear Lake Pomo Society. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1926.
15. Kroeber A.L. Handbook of the Indians of California. Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin 78. Wash., U.S. Government Printing Office. 1925.
16. Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan. In Williams, M.A.J., Faure, H. The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa. Rotterdam: Balkema, 1980.
17. Midant-Reynes B. The Prehistory of Egypt: From the First Egyptians to the First Pharaohs. Oxford: Blackwell Publishers. 2000.
18. Özdoğan M. Anatolia from the Last Glacial Maximum to the Holocene Climatic Optimum: Cultural Formations and the Impact of the Environmental Setting. *Paléorient* 23/2, 1997.

19. *Powdermaker H.* Life in Lesu. N.Y.: Norton, 1933.
20. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988.
21. *Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia // *Comparative Studies in Society and History*. 1963. Vol. 5. No. 3.
22. *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: A Study in Ecology and Society. Wash.: U. S. Government Printing Office, 1959.

References

1. *Davydov S.A.* Zarozhdenie mobilizacionnogo imperativa v hozjajstvennoj kul'ture Drevnego Egipta: gipoteza demograficheskogo davlenija // *Observatorija kul'tury*. 2014. No. 5.
2. *Davydov S.A.* Principy societal'noj jekonomiki: proshloe i budushhee // *Obshhestvo i jekonomika*. 2014. No. 12.
3. *Djurkgejm Je.* O razdelenii obshhestvennogo truda. M.: Nauka, 1996.
4. *Mizes L.* Chelovecheskaja dejatel'nost': traktat po jekonomicheskoi teorii. M.: Sotium, 2012.
5. *Moss M.* Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arhaicheskikh obshhestvakh // *Moss M. Obshhestva. Obmen. Lichnost'*. M.: Vostochnaja literatura, 1996.
6. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. M.: Fond jekonomicheskoi knigi «NACHALA», 1997.
7. *Polan'i K.* Aristotel' otkryvaet jekonomiku // *Istoki: jekonomika v kontekste istorii i kul'tury*. Vypusk 5. / gl. red. Ja.I. Kuz'minova; zam. gl. red. B.C. Avtonomova; red. O.I. Anan'ina i dr. M.: Izd. dom GU-VShJe, 2004.
8. *Polan'i K.* Jekonomika kak institucional'no oformlennyj process // *Jekonomicheskaja sociologija*. T. 3. No. 2. 2002.
9. *Salinz M.* Jekonomika kamennogo veka. M., 1999.
10. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. M.: Socjkgiz, 1962.
11. *Uil'jamson O.* Vertikal'naja organizacija proizvodstva: Soobrazhenija po povodu neudach rynka // *Teorija firmy* // V.M. Gal'perina, SPb., Jekonomicheskaja shkola, 1995.
12. *Arkell A.J., Ucko P.J.* Reviews of Predynastic Development in the Nile Valley. *Current Anthropology* 6. 1965.

13. *Drucker, P* The Tolowa and their Southwest Oregon Kin. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1937.
14. *Gifford E.W.* Clear Lake Pomo Society. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1926.
15. *Kroeber A. L.* Handbook of the Indians of California. Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology Bulletin 78. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1925.
16. Late Quaternary Depositional History of the Blue and White Nile Rivers in Central Sudan. Williams, M.A.J., Faure H. The Sahara and the Nile: Quaternary Environments and Prehistoric Occupation in Northern Africa. Rotterdam: Balkema, 1980.
17. *Midant-Reynes B.* The Prehistory of Egypt: From the First Egyptians to the First Pharaohs. Oxford: Blackwell Publishers. 2000.
18. *Özdoğan, M.* Anatolia from the Last Glacial Maximum to the Holocene Climatic Optimum: Cultural Formations and the Impact of the Environmental Setting. *Paléorient* 23/2, 1997.
19. *Powdermaker H.* Life in Lesu. N. Y.: Norton. 1933
20. *Rizkana I., Seeher J.* Maadi II: The Lithic Industries of the Predynastic Settlement. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1988.
21. *Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief; Political Types in Melanesia and Polynesia, In: Comparative Studies in Society and History. Vol. 5. No. 3. 1963.
23. *Spencer R.* The North Alaskan Eskimo: A Study in Ecology and Society. Wash.: U.S. Government Printing Office, 1959.

Л.К. ЧУЛКОВ, Г.М. ПУРЫНЫЧЕВА

Соборность в контексте хозяйствования русского народа

Аннотация. В статье рассмотрен феномен соборности в контексте хозяйствования русского народа. Предложены понятия «православная соборность» и «светская соборность». Выявлены три воплощения соборности в истории России, оказавшие значительное влияние на хозяйственную жизнь нашей страны: крестьянская поземельная община, старообрядческая земледельческая община и община православного монастыря. Особое внимание уделено раскрытию соборности русской крестьянской поземельной общины на основе анализа, во-первых, трудового процесса общинников, во-вторых, согласования

интересов внутри общины и, в-третьих, общинного землепользования и землевладения.

Ключевые слова: соборность, крестьянская поземельная община, старообрядческая земледельческая община, община православного монастыря, хозяйственная деятельность.

Abstract. The paper examines sobornost (collegiality) in context of management of the Russian people. The authors suggest the conception of Orthodox sobornost and the conception of temporal sobornost. Peasant land community, the Old Believers' agricultural community and Orthodox cloisters' community are revealed as three embodiments of the sobornost (which have greatly exerted on the Russian economy) in the Russian history. Particular attention is focused on detection of the sobornost of the Russian peasant land community on basis of analysis firstly of working process, secondly of agreement on internal communal interests, and third of communal land use and communal land tenure.

Keywords: sobornost, peasant land community, the Old Believers' agricultural community, Orthodox cloisters' community, economic activity.

Современная индустриальная цивилизация породила ряд проблем, среди которых можно указать неограниченный рост искусственно навязанных людям потребностей, все возрастающие темпы роста производства и порожденные этим экологические проблемы, замену традиций и моральных запретов ощущением свободы и кризис идентичности членов общества. Для решения данных проблем целесообразно обратиться к историческому опыту хозяйственной деятельности различных народов, в том числе русского народа, и попытаться проследить, почему они не возникали при традиционных формах хозяйствования. Важное место при этом должно быть уделено особенностям национального сознания, задействованным в процессе хозяйственных отношений людей. На наш взгляд, применительно к русскому народу одной из таких особенностей является соборность.

Существует несколько подходов к определению понятия «соборность». Одни ученые (Е.С. Троицкий) рассматривают его как синоним коллективизма, соединенного с духовностью [12, 39 — 40]. Другие (А.Н. Лазарева) — трактуют как характерную черту общества, построенного на принципах христианства (православия) [8, 6 — 7]. И наконец, третьи исследователи (С.Л. Франк, Ф.А. Степун, В.И. Холодный) видят в соборности некую духовную основу, которая обуславливает саму возможность существования конкретного общества: в любом обществе в той или иной степени присутствует соборность; исчезнове-

ние соборности в обществе ведет к его распаду [13, 60; 11, 250; 14, 27]. Различие второго и третьего подходов состоит в том, что представители второго подхода признают наличие соборности только в обществе, члены которого исповедуют христианство (православие), в то время как представители третьего подхода считают, что соборность может присутствовать в обществе независимо от конфессиональной принадлежности его членов.

На наш взгляд, между указанными двумя позициями нет противоречия, поскольку здесь выявлены два вида соборности. Первый вид соборности можно назвать «православной соборностью», а второй — «светской соборностью». Для обозначения второго вида соборности В.И. Холодный предложил понятие «секулярная соборность», или «мирская соборность» [14, 7]; однако данная терминология представляется не совсем удачной, ибо первое понятие содержательно ассоциируется со свободой от религиозного влияния (а не с многомерностью понимания мироздания, какой смысл хотел вложить в этот термин В.И. Холодный [14, 13 — 14]), а второе — прочно связано с «миром» как крестьянской общиной.

Под соборностью мы будем понимать такое единство людей, при котором они сохраняют свою свободу и индивидуальность. В соборности можно выделить два вида: православную соборность и светскую соборность. Соборность первого вида присутствует в обществах, члены которого исповедуют православие; православие в данной ситуации выполняет функцию источника, из которого черпаются, с одной стороны, идеи необходимости единения людей, а с другой — идеи свободы человека как величайшей ценности. Соборность же второго вида является характерной чертой многих обществ, где религиозная составляющая не играет доминирующей роли. Здесь функцию идеологического обоснования соборности выполняют некие архетипические ценности, присущие людям как частям человеческого рода независимо от их религиозной принадлежности.

Анализ литературы показал, что феномен соборности рассматривается в онтологическом, гносеологическом, антропологическом и социальном аспектах [5, 175; 16, 84]. Социальный аспект соборности связан с историческими формами общественной жизни, т. е. с проявлениями соборности в жизни конкретных народов. Для русского народа исторической формой воплощения соборности стал феномен общинности. Остановимся на нем более подробно.

Самым известным случаем реализации общинности в истории Руси можно считать крестьянскую поземельную общину. Отечественный историк Л.В. Милов считает, что возникновение сельской общины

в России было связано с необходимостью занятия земледелием в тяжелых природно-климатических условиях. Большая часть России лежит в зоне рискованного земледелия, поэтому, по мысли исследователя, русским крестьянством для выживания был создан институт поземельной общины [9, 417]. Однако другие авторы полагают, что экологический фактор не был единственной причиной возникновения и прочного укоренения на территории России института крестьянской общины. В не меньшей мере это было обусловлено той социальной функцией, которую приняла на себя крестьянская община: с христианизацией Руси крестьянская община стала тем институтом, который воплотил в себе христианские идеи помощи окружающим людям (помощь семьям, попавшим в бедственное положение; вспомоществование бедным, вдовам, сиротам) [6, 115]. Получается, что распространению сельской общины на Руси способствовали экологический и религиозно-этический факторы.

В.П. Данилов и Л.В. Данилова среди характерных черт крестьянской общины русских указывают, во-первых, совместное выполнение работ, непосильных одной семье; во-вторых, сотрудничество и взаимопомощь; в-третьих, определенную степень уравнительности в обеспечении всех семей землей и другими объективными условиями хозяйствования и в-четвертых, наличие страхового фонда на случай природных бедствий [4, 25]. Однако в сельской общине коллективизм не подавлял индивидуализма ее членов: в крестьянской общине и коллективизм, и индивидуализм имели место и уравновешивали друг друга. Согласно М.А. Вылцану, коллективизм русского крестьянина проявлялся в положительном отношении к соседу (что ученый назвал «миниколлективизмом») и в признании крестьянского самоуправления, «мира»; а индивидуализм — относился к трудовому процессу и результатам труда [9, 337, 339]. Другими словами, в крестьянской общине существовал некий баланс между отдельными интересами ее членов и общим интересом всех ее членов. С одной стороны, каждая крестьянская семья сама возделывала отведенный ей общиной участок земли и самостоятельно распоряжалась результатами своего труда. Но, с другой стороны, та же крестьянская семья, выступая субъектом хозяйственной деятельности, признавала наличие интересов у других крестьянских семей, что делало реальным саму возможность нахождения компромисса между экономическими интересами отдельных крестьянских семей. Вдобавок ряд вопросов касался всех членов общины и выносился для решения на крестьянский сход. Постановления же схода крестьянской общины ее членами воспринимались как обязательные для исполнения.

Важная особенность крестьянской общины на Руси заключалась в верховенстве коллективной общинной собственности на землю над собственностью семейно-индивидуальной [4, 27]. Отношение же крестьян к частной собственности на землю было негативным, что в частности нашло отражение в Крестьянском наказе Учредительному собранию, составленном на основе 242 местных крестьянских наказов (август 1917 г.) [3, 341]. Русский крестьянин полагал, что каждый человек имеет право на труд на земле и для этого он может пользоваться землей. Присвоение земли крестьянином для ведения сельскохозяйственных работ на ней происходило опосредованно через институт сельской общины. Причем наличие земельных переделов между членами одной крестьянской общины не является неотъемлемой чертой общинного землепользования. Как отмечается в литературе, в средневековой Руси земельные переделы внутри крестьянской общины были не правилом, а исключением [4, 28]. Данная практика, получившая распространение в сельских общинах России с середины XVIII в., стала защитной реакцией общины на начавшийся массовый процесс обезземеливания. Именно поэтому после отмены в нашей стране крепостного права, когда многие крестьянские общины лишились части тех земель, которыми они пользовались до 1861 г., практика земельных переделов между членами общины не исчезла, а, наоборот, усилилась. В условиях острой нехватки земли земельные переделы и чересполосица явились теми механизмами, которые были выработаны в рамках общинного землепользования для выживания всех (или, по крайней мере, большинства) домохозяйств конкретных сельских общин [3, 340].

Таким образом, крестьянская поземельная община стала в России одним из воплощений соборности, что отразилось в двух моментах. Во-первых, крестьянская община не вмешивалась в трудовой процесс своих членов и позволяла им распоряжаться результатами своего труда по собственному усмотрению. (Каждый член общины входил, как правило, в состав семьи и трудился в рамках домохозяйства, т. е. семейно-трудового коллектива. Отдельные домохозяйства вместе составляли сельскую общину.) Однако члены общины признавали и учитывали не только свои собственные интересы и интересы своего домохозяйства, но и интересы других домохозяйств, а также интересы всей общины. Получается, что крестьянская община явилась тем социальным и хозяйственным институтом, в котором свобода и самостоятельность ее членов сочетались с осознанием общины как единого целого и с реальными механизмами реализации этой целостности (посредством общинного схода). Во-вторых, общинное землепользование,

которое, с одной стороны, закрепило главенство коллективной общинной собственности на землю не только над частной собственностью, но даже над собственностью семейно-индивидуальной, с другой стороны, было направлено именно на реализацию права каждого крестьянина-общинника трудиться на земле. И в этом случае имеется некий баланс между свободой членов общины и их единством в рамках общины. Так как русские крестьяне в большинстве своем исповедовали православие, то и внутриобщинная жизнь протекала под огромным влиянием христианских ценностей. Поэтому крестьянская община русских представляла пример реализации православной соборности.

Действительно, как отмечалось выше, в России соборность воплотилась в крестьянской поземельной общине. Но были и другие проявления соборности в нашей стране, среди которых укажем на те, что оставили большой след в хозяйственной жизни русского народа: старообрядческие земледельческие общины и общины православных монастырей. По хозяйственному и семейному быту старообрядческие общины очень похожи на крестьянские поземельные общины. Это было обусловлено не только принадлежностью членов указанных двух форм общины к одному этносу (русскому народу) и одной конфессии (православию), но также общностью хозяйственной деятельности (основными занятиями выступали пашенное земледелие и скотоводство). Главной чертой старообрядческой земледельческой общины, отличающей ее от крестьянской поземельной общины, стала более значительная роль коллективизма во внутренней жизни общины, при сохранении в то же время свободы общинников (особенно в хозяйственной сфере). Это усиление коллективизма явилось следствием гонений со стороны государства, которые, с одной стороны, породили чувство враждебного окружения, а с другой — консолидировали старообрядцев перед лицом постоянной внешней угрозы. Также в старообрядческих земледельческих общинах (по сравнению с крестьянскими поземельными общинами) чаще встречались большие (патриархальные) семьи, особенностями которых были почитание родителей, подчинение жен мужьям, младших членов семьи старшим, неукоснительное исполнение каждого члена семьи своих обязанностей, дисциплина и строгая регламентация домашнего быта [7, 226]. Однако следует отметить, что с XIX в. в старообрядческой среде начинается процесс постепенного уменьшения количества больших семей и замены их малыми семьями, т. е. семьями, состоящими из двух поколений: родителей и детей [2, 13 — 14]. Хозяйственные функции исчезающих больших семей (в первую очередь, оказание трудовой помощи) стали выполнять находящиеся по соседству малые семьи. При этом степень консолида-

ции в старообрядческой земледельческой общине при замене больших семей малыми не уменьшился, поскольку она в отличие от крестьянской поземельной общины являлась еще и религиозной общиной [15, 164]. Высокая степень единения внутри старообрядческих общин позволила им выжить не только на малозаселенных территориях России, но и за пределами нашей страны (в Китае, Канаде, США, Южной Америке, Австралии) [1, 77 — 78]. В какой бы стране ни селились русские старообрядцы, везде они объединялись в общины [1, 71 — 72].

В общинах православных монастырей России коллективистский элемент был представлен еще сильнее, чем в старообрядческих земледельческих общинах, причина чего лежала в религиозном факторе: люди уходили в монастыри чаще всего по религиозным соображениям и при посвящении в монахи (монахини) давали Богу три обета: безбрачия, нестяжания и послушания. Труд воспринимался монахом как исполнение данного Богу обета послушания — послушания настоятелю монастыря. Основными занятиями насельников монастыря, помимо участия в богослужениях, были сельскохозяйственные работы, причем (в отличие от старообрядческих и крестьянских общин) обрабатываемые угодья и земледельческий инвентарь являлись коллективной собственностью монастыря. Поскольку монахи были обязаны строго соблюдать обет нестяжания, они не могли пользоваться результатами своего труда, которые становились достоянием всей общины монастыря [10, 164 — 175]. Однако указанный коллективизм в хозяйственной жизни все же оставлял каждому монаху определенную свободу: это касалось, прежде всего, выбора монахом того, чем он будет заниматься в своей келье в отведенные уставом монастыря часы. Поэтому общины православных монастырей России тоже можно считать проявлением соборности.

Итак, в данной статье рассмотрен феномен соборности в контексте хозяйствования русского народа. При этом мы руководствовались определением соборности как такого единства людей, при котором они сохраняют свою свободу и индивидуальность. Нами предложены названия двум видам соборности: «православная соборность» и «светская соборность». Выявлены три воплощения соборности в истории России, оказавшие значительное влияние на хозяйственную жизнь нашей страны: крестьянская поземельная община, старообрядческая земледельческая община и община православного монастыря. Во всех этих трех реализациях соборности имеется сочетание коллективизма с индивидуализмом, однако степень коллективизма в них разная: в указанных трех проявлениях соборности наименьшая степень коллективизма — в крестьянских поземельных общинах, наибольшая степень

— в общинах православных монастырей. С другой стороны, все три воплощения соборности имеют много общих черт, что обусловлено, во-первых, принадлежностью членов указанных трех форм общины к одной конфессии (православию), а во-вторых, общностью хозяйственной деятельности (главными занятиями выступали пашенное земледелие и скотоводство). Основное внимание было уделено раскрытию соборности русской крестьянской поземельной общины на основе анализа (с точки зрения присутствия элементов индивидуализма и коллективизма) трудового процесса общинников, согласования интересов внутри общины и общинного землепользования и землевладения.

Литература

1. *Аргудяева Ю.В.* Русские старообрядцы в Маньчжурии: новые материалы // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 2011. № 18 (2).
2. *Аргудяева Ю.В.* Численность и структура старообрядческой семьи на юге Дальнего Востока России // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местные традиции. Русские и зарубежные связи: материалы второй международной конференции (г. Владивосток, 6 — 10 сентября 1999 г.). Владивосток: Издательство дальневосточного университета, 2000.
3. *Вылцан М.А.* Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.): материалы международной конференции (г. Москва, 14—15 июня 1994 г.). М., 1996.
4. *Данилов В.П., Данилова Л.В.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX — XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996.
5. История русской философии: учебник для вузов / Б.В. Емельянов и др. М.; Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005.
6. *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XXI в.). М.: ИЭА РАН, 2008.
7. *Куприянова И.В.* Старообрядцы Алтая в первой трети XX века. Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2010.
8. *Лазарева А.Н.* Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. М.: ИФ РАН, 2003.
9. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.

10. *Смолич И.К.* Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988 — 1917 гг.) // Смолич И.К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988 — 1917 гг.). Жизнь и учение старцев (Путь к совершенной жизни). М.: Православная энциклопедия, 1997.

11. *Степун Ф.А.* О свободе (демократия, диктатура и «Новый град») (1938) // Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999.

12. *Троицкий Е.С.* Российское общество, природа и космос в свете русской соборности. М.: Граница, 2010.

13. *Франк С.Л.* Духовные основы общества. Введение в социальную философию (1930) // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.

14. *Холодный В.И.* А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспективы соборной феноменологии. СПб.: Академический проект, 2004.

15. *Чегин Г.Н.* Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхоямья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992.

16. *Шишкина В.И., Пурынычева Г.М.* История русской философии (XI — начало XX вв.): учебник для вузов. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1997.

References

1. *Argudiaeva Yu.V.* Russkie staroobradci v Man'chzhurii: novye materialy [The Russian old-believers in Manchuria: new materials] // Izvestija Vostochnogo instituta Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceeding of East Institute of Far East State University]. Vladivostok, 2011. № 18(2).

2. *Argudiaeva Yu.V.* Chislennost' i struktura staroobradcheskoj sem'i na jube Dal'nego Vostoka Rossii [Number and structure of old-believer family on the south of the Far East of Russia] // Staroobradchestvo Sibiri i Dal'nego Vostoka. Istorja i sovremennost'. Mestnye tradicii. Russkie i zarubezhnye svjazi: materialy vtoroj mezhdunarodnoj konferencii (g. Vladivostok, 6—10 sentjabrja 1999 g.) [Siberia and Far East Old Belief. History and modernity. Local traditions. Russian and foreign connections: proceeding of the second international conference (6—10 September 1999, Vladivostok, Russia)]. Vladivostok, 2000.

3. *Vylcan M.A.* Individualizm i kollektivizm krest'jan [Peasant individualism and collectivism] // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX —

XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii (g. Moskva, 14—15 ijunja 1994 g.) [Mentality and agrarian development of Russia (XIX—XX): proceeding of international conference (14—15 June 1994, Moscow, Russia)]. Moscow, 1996.

4. *Danilov V.P., Danilova L.V.* Krest'janskaja mental'nost' i obshhina [Peasant mentality and community] // Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX — XX vv.): materialy mezhdunarodnoj konferencii (g. Moskva, 14-15 ijunja 1994 g.) [Mentality and agrarian development of Russia (XIX-XX): proceeding of international conference (14—15 June 1994, Moscow, Russia)]. Moscow, 1996.

5. *Istorija russoj filosofii: uchebnik dlja vuzov* [History of Russian philosophy: textbook for institutes of higher education] / by B.B. Emel'janov et al. Moscow; Ekaterinburg, 2005.

6. *Kuznecov S.V.* Hozjajstvennye, religioznye i pravovye tradicii russskih (XIX — nachalo XXI v.) [Economic, religious and legal traditions of the Russian (XIX — the beginning of XXI)]. Moscow, 2008.

7. *Kuprijanova I.V.* Staroobryadci Altaja v pervoj treti XX veka [The Altai old-believers in the first third of XX century]. Barnaul, 2010.

8. *Lazareva A.N.* Idei sobornosti i svobody v russoj religioznoj filosofii [The idea of sobornost and the idea of freedom in Russian religious philosophy]. Moscow, 2003.

9. *Milov L.V.* Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [Great Russian ploughman and features of Russian historical process]. Moscow, 1998.

10. *Smolich I.K.* Russkoe monashestvo. Vozniknovenie, razvitie i sushhnost' (988-1917 gg.) [Russian monkhood. Origin, development and essence (988-1917)] // *Smolich I.K.* Russkoe monashestvo. Vozniknovenie, razvitie i sushhnost' (988—1917 gg.). Zhizn' i uchenie starcev (Put' k sovershennoj zhizni) [Russian monkhood. Origin, development and essence (988—1917). Live and learning of elders (Way to perfect live)]. Moscow, 1997.

11. *Stepun F.A.* O svobode (demokratija, diktatura i «Novyj grad») [About freedom (democracy, dictatorship and «Novyj grad»)] // *Stepun F.A.* Chaemaja Rossija [Expected Russia]. St. Peterburg, 1999.

12. *Troickij E.S.* Rossijskoe obshhestvo, priroda i kosmos v svete russoj sobornosti [Russian society, nature and cosmos from a position of the Russian sobornost]. Moscow, 2010.

13. *Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshhestva. Vvedenie v social'nuju filosofiju [Spiritual bases of society. Introduction in social philosophy] // *Frank S.L.* Duhovnye osnovy obshhestva [Spiritual bases of society]. Moscow, 1992.

14. *Holodnyj V.I.* A.S. Homjakov i sovremennost': zarozhdenie i perspektivy sobornoj fenomenologii [A.S. Homjakov and modernity: origin and prospects of sobornost phenomenology]. Moscow, 2004.

15. *Chagin G.N.* Tradicionnye svjazi duhovnoj kul'tury sem'i i obshhiny russkogo starobryjadcheskogo naselenija Verhokam'ja [Traditional bonds of spiritual culture of family and community of High Kama Russian old-believer population] // Tradicionnaja duhovnaja i material'naja kul'tura russkikh starobryjadcheskikh poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki [Traditional spiritual and material culture of Russian old-believer settlements in countries of Europe, Asia and America]. Novosibirsk, 1992.

16. *Shishkina V.I., Purynycheva G.M.* Istorija ruskoj filosofii (XI — nachalo XX vv.): uchebnik dlja vuzov [History of Russian philosophy (XI — the beginning of XX): textbook for institutes of higher education]. Yoshkar-Ola, 1997.

А. П. НИКИТИН

Прагматические аспекты семиозиса денежных знаков*

Аннотация. Рассматривается прагматическая концепция значения денежных знаков. Показаны основания прагматического подхода и его содержательные следствия. Выявлены логические противоречия прагматической интерпретации денежных знаков, в соответствии с которой значением денежных единиц является то, что на них покупается. Статья развивает положения, высказанные в работе «Семиозис денежных знаков как проблема социальной философии».

Ключевые слова: деньги, денежный знак, семиозис денежных знаков, прагматика, язык, экстенционал, референция.

Abstract. The article deals the pragmatic conception of the denotation of monetary signs. Here shows the foundation of a pragmatic approach and his meaningful results. Identified logical contradictions in the pragmatic interpretation of monetary signs, according to which the denotation of monetary units is what on them was bought. The article develops the points made in the «Semiosis of monetary signs as a problem of social philosophy».

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-03-00163.

Keywords: money, monetary sign, semiosis of monetary signs, pragmatics, language, extensional, reference.

Представленная на страницах журнала «Философия хозяйства» попытка освещения проблемы семиозиса денежных знаков в социально-философском аспекте [3] показала существенную неопределенность в установлении экстенционала словосочетаний типа «сто рублей», «пятьдесят долларов», «двадцать евро» и т. д. Доминирующей позицией по этому вопросу, остается подход, в соответствии с которым значение денежных знаков определяется субъектом в процессе их интерпретации, т. е. подход, который семантику и синтактику символа ставит в зависимость от его прагматики.

Своеобразие данного подхода хорошо иллюстрируется примером, приведенным В.А. Лукиным: «Когда человек тратит деньги, он делает выбор в пользу одного из равноценных объектов, входящих в экстенционал денежного знака. Так, скажем, на Великолукском железнодорожном вокзале в 2011 году за 50 рублей можно было купить либо бутылку пива, либо пачку сигарет, либо дешевый детектив. Тот объект, который владелец 50 рублей выбирает из ряда других, включенных в экстенционал банкноты, и в обмен на который отдает ее, — референт данного денежного знака» [1, 277]. Экстенционалом знака «50 рублей», таким образом, является все то, что можно купить за 50 рублей, а референт знака определяет человек в процессе покупки чего-то, что не стоит более указанной суммы.

Целью настоящей работы является определение эвристических последствий прагматического подхода с установлением его содержательных преимуществ, с одной стороны, и логических противоречий — с другой. Но, прежде всего, необходимо реконструировать основания самой прагматической позиции и ее аргументацию.

Фундаментом прагматического объяснения сущности денежных знаков является признание того факта, что любой предмет, вне зависимости от его качественного своеобразия, либо обладает стоимостью, либо может обладать ею в перспективе. Иными словами, в арсенале человеческого отношения к миру существует возможность ранжировать все объекты путем установления цены на них. Как метафорично выразился С. Московичи, «деньги — это наш Сократ. Платон говорил о философе, своем учителе: “Что подумал бы Сократ о том или другом вопросе?”. Точно так же, как только мы видим предмет или слышим о нем, мы спрашиваем: “Сколько он стоит?”» [2, 371].

Важным моментом здесь является ситуация приписывания цены объектам людьми в противовес ситуации, когда объекты сравниваются

в соответствии с физическими и химическими свойствами. Стоимость выстраивает предметы по своей шкале, которая не имеет отношения к реальному порядку. Она создает барьер между вещественным миром и человеком, преодоление которого связано с практикой обмена. Процесс включения предметов в мир стоимости расширяется вширь и вглубь, охватывая не только материальные предметы, но и сферу идей, знания, чувств и эмоций, всего спектра существования человека и мира. Конструируется, тем самым, всеобъемлющий «мыслительный горизонт», являющийся трансцендентной математической матрицей, все исчисляющей и на том основании сравнивающей. Как отмечает М.А. Румянцев, «деньги есть феномен внешний и запредельный по отношению к естественной, органической хозяйственной жизни... Деньги как бы “посланы” в хозяйство из области внехозяйственного или сверххозяйственного, из области трансцендентного» [5, 168].

Человечество, таким образом, имеет количественно выраженную форму осознания мира наподобие кантовских априорно заданных структур (что делает деньги в определенном смысле трансцендентальными, а не трансцендентными). Но эта структура оказывается столь подвижной и динамичной, что схема распределения предметов в ней редко бывает устойчивой даже в самые короткие сроки и не является равнозначной в социальном пространстве. То есть цена одного и того же предмета может варьироваться в зависимости от времени и места его продажи и весьма существенно, чему мы все являемся свидетелями. Думается, к примеру, что бутылку пива на Великолукском вокзале в 2016 г. не удастся купить за 50 р., хотя это убеждение, безусловно, требует эмпирического подтверждения.

Все вышеизложенное еще не является аргументацией в пользу того, чтобы считать значением денежных знаков предметы, которые можно на них купить. Аргументация выстраивается по принципу аналогии с семантикой естественного языка. В естественном языке значение отдельных семантических единиц устанавливается в процессе их употребления членами единой общности, скрепленной коммуникативными потребностями. Есть знаки (слова), объекты, которые ими обозначаются, и субъекты, которые обозначают знаками объекты. Соответственно в мире товарно-денежных отношений стоимость на отдельные товары определяется в процессе их производства, распределения, обмена и потребления членами единой общности, скрепленной потребностями в денежном обороте. Существуют денежные знаки, товары, которые можно на них купить, и субъекты, которые покупают за деньги товары. Подставляем вместо знаков естественного языка денежные знаки, вместо денотатов слов товары, субъект в обоих слу-

чаях один — человек-интерпретатор, и проблема семантики денежных знаков разрешена!

Однако на пути этой аналогии встает вышеуказанный факт активной динамичности в изменении цен на товары. Сторонников прагматического подхода это отпугивает, поскольку «просто невозможно представить себе язык, состоящий из знаков-переменных» [1, 278]. Отсюда и возникает искушение объявить референтом денежного знака то, что конкретно покупается индивидом, а не то, что в принципе можно купить. Семантика знака «пятьдесят рублей» определяется в тот момент, когда мы прощаемся с ними, т. е. прагматически.

Прагматическая концепция семиозиса денежных знаков, в итоге, может быть выражена в следующих пунктах: 1) предметы становятся товарами благодаря их оценке в денежном эквиваленте так же, как предметы осмысливаются благодаря их выражению в языке; 2) соответственно языковое выражение предмета и денежное оценивание предмета аналогичны и производятся в процессе социальной коммуникации; 3) денежное оценивание происходит стохастически и спорадически; 4) в связи с предыдущим пунктом необходимо считать значением денежных знаков только те товары, которые приобретаются здесь и сейчас конкретным человеком.

Содержательно эта концепция богата на различного рода следствия, на которых стоит остановиться более подробно. Во-первых, сущность денег в ней выражается семиотически: деньги — это знаки. Как под словом «язык» подразумевается знаковая система, так и словом «деньги» обозначаются денежные единицы. Это важно, поскольку позволяет расстаться с различными теориями товарного происхождения денег. Во-вторых, мир самих товаров в этой концепции приобретает не менее важную значимость, чем мир денотатов для естественного языка. Вместе с тем взаимосвязь товаров и денег, как и взаимосвязь предметов с языком, обеспечивается человеком, который оказывается вершиной двух треугольников: объекты действительности — человек — символы и товары — человек — деньги. «В обоих случаях связь референта и знака, а также товарного мира и денег опосредованы человеком, его сознанием, что еще раз подчеркивает знаковую природу денег» [8, 77]. В-третьих, акцент здесь делается на коммуникативной функции денежного обращения — как язык способствует оптимизации коммуникации, так и деньги способствуют оптимизации транзакций — «...если главной функцией денег является создание оптимальных условий обмена товаров, то главной функцией языка — создание оптимальных условий обмена информацией» [6, 44].

В принципе такое толкование денег мы можем принять как некоторую научную программу, используя ее в различных направлениях, вплоть до конкретных эмпирических исследований в области изучения финансовых потоков и экономической социологии. Тем не менее существуют серьезные сомнения в отношении ее логической и содержательной непротиворечивости, также требующие экспликации и обоснования.

Прагматическая концепция семиозиса денежных знаков начинается с утверждения, что денежные единицы не могут иметь свою устойчивую семантику, поскольку это знаки с переменным значением, что отличает их от знаков естественного языка, значение которых зафиксировано. Если под словом «дождь» нами всегда подразумевается соответствующий вид атмосферных осадков, то покупательная способность ста рублей является непредсказуемой.

В таком доводе не учитывается, что слова, на самом деле, также могут менять свое референтное поле, что не мешает считать их языковыми единицами. В философии языка известны гипотетические примеры У.В.О. Куайна, Н. Гудмена, Х. Патнема, когда слово «кролик» может означать правый бок кролика или его цвет, предикат «зеленый» может быть приложим к вещам, которые в перспективе становятся голубыми, слово «вода» указывает на жидкость, идентичную воде во внешних свойствах, но имеющую иной химический состав, чем H_2O , и т. д. «Любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления» [7, 12] — сегодня под дождем мы понимаем атмосферные осадки в виде капель или струй воды, завтра оппозиционный митинг.

Указание на переменчивость покупательной способности денежных знаков, таким образом, ничего не дает в плане их сравнения с языковыми обозначениями. Чтобы быть последовательным в этом вопросе, необходимо либо признать прагматичность самого языка (его вариативность в различных контекстах употребления), либо отказаться от идеи ситуационного значения денежных единиц.

Более существенным для критики прагматической концепции является наличие в ней смешения субъектного и предикационного уровней референции. Сама идея того, что словосочетания «бутылка пива» и «пятьдесят рублей» указывают на один и тот же предмет в случае, если бутылка пива стоит 50 р., чисто интуитивно кажется странной. Формально-логическое рассмотрение только доказывает эту «странность».

К примеру, возьмем совокупность всех товаров, которые стоят 50 р., обозначив их существование высказыванием типа $\exists xA(x)$ —

«есть такое x , при котором $A(x)$ » — «существуют такие товары, которые стоят 50 рублей». Предположим, что словосочетание «товары стоимостью 50 р.» и предикат «стоять 50 р.» обозначают один и тот же класс предметов, тогда получаем выражение $\exists x A(x) = A(x)$. Далее абстрагируем стоимость в понятие «пятьдесят рублей» и получаем формулу прагматической интерпретации $\exists x A(x) = A(x) = A$. В грамматическом контексте это возможно: мы можем смотреть на красивый цветок и произносить слова «какой красивый» или «красота», подразумевая мысль «этот цветок красивый». Но даже грамматическое употребление вызывает чувство интеллектуального «неудобства» — представим теперь, что мы купили розу за 100 р., смотрим на нее и произносим словосочетание «сто рублей», подразумевая, по всей видимости, мысль «эта роза стоит сто рублей».

Но, что возможно грамматически, не всегда адекватно с логической точки зрения. Противоречиво ставить знак тождества между обозначением предмета и его свойства, тем более, что в нашем случае это свойство приписываемо. Нельзя также ставить знак тождества между обозначением предмета и понятием, полученным в результате абстрагирования какого-либо свойства предмета, т. е. $\exists x A(x) \neq A(x) \neq A$.

У прагматического подхода есть существенный контраргумент. Фраза «товары стоимостью 50 р.» является неопределенной дескрипцией, такой же как словосочетания «красивые цветы», «люди, занимающиеся спортом», «электропроводные вещества» и т. д. Но последние словосочетания отличаются тем, что мы не можем взять и обменять красоту на цветы, спорт на людей, электропроводность на вещества и т. д., по одной простой причине: красоты, спорта и электропроводности нет как субстанции. А товары стоимостью 50 р. легко можно поменять на 50 р., ибо 50 р. и есть их стоимость, следовательно, $\exists x A(x) = A$.

Здесь приходит на ум такой пассаж: если мы обмениваем дачу на автомобиль, значит ли это, что понятия «дача» и «автомобиль» тождественны, учитывая появившуюся на горизонте фразу «некоторые дачи стоят один автомобиль»? «Автомобиль» в этом случае, помимо своего прямого значения, приобретает еще функциональное значение, а именно, что за него можно приобрести дачу, не более того. Денежные знаки, таким образом, будучи самореферентными, также являются функциональными, выражая стоимость товаров и услуг, но не сами предметы и действия. Как отмечает Ю.М. Осипов, деньги — с одной стороны цифры и шифры, а с другой — «...особого рода цифры-шифры, которые признаны всем однеженным сообществом хозяйственных субъектов именно за денежные цифры, выполняющие особую социо-хозяйственную роль» [4, 150]. Этой ролью и является вы-

ражение цены. Прагматика денежных знаков лишь увязывает их наличие с возможностью их использования: если у нас есть N денежных единиц, то у нас есть возможность приобрести что-то, что не стоит более N . Этот трюизм еще раз подчеркивает характер денежной экономики как экономики возможностей, шансов и рисков, и именно в этом необходимо искать продуктивное начало для прагматического анализа семиозиса денежных знаков.

Литература

1. *Лукин В.А.* Семиотика денег и семиотические аспекты экономического кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 1 (51).
2. *Московичи С.* Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.
3. *Никитин А.П.* Семиозис денежных знаков как проблема социальной философии // Философия хозяйства. 2015. № 4.
4. *Осипов Ю.М.* Деньги // Антология современной философии хозяйства: Т. 2. М.: Магистр, 2008.
5. *Румянцев М.А.* Трансцендентное в мире денег // Антология современной философии хозяйства: Т. 2. М.: Магистр, 2008.
6. *Селищев А.С.* «Язык» и «деньги»: сравнительный анализ двух категорий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83).
7. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск, ТГУ, 2008.
8. *Фетисов С.К.* Семиотическая сущность денег // Экономический журнал. 2010. № 18.

References

1. *Lukin V.A.* Semiotika deneg i semioticheskie aspekty ekonomicheskogo krizisa [Semiotics of money and Semiotic aspects of the economic crisis] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of Orel State University]. 2013. No. 1 (51).
2. *Moskovichi S.* Mashina, tvoryashchaya bogov [The machine that creates gods]. M., 1998.
3. *Nikitin A.P.* Semiozis denezhnyh znakov kak problema social'noj filosofii [Semiosis of monetary signs as a problem of social philosophy] // Filosofija hozjajstva [Philosophy of Economy]. 2015. No. 4.

4. *Osipov Ju.M.* Den'gi [Money] // Antologija sovremennoj filosofii hozjajstva: T. 2 [Anthology of modern philosophy of Economy. Vol. 2]. M., 2008.
5. *Rumjancev M.A.* Transcendentnoe v mire deneg [Transcendental in the world of money] // Antologija sovremennoj filosofii hozjajstva: T. 2 [Anthology of modern philosophy of Economy. Vol. 2]. M., 2008.
6. *Selishev A.S.* «Yasyk» i «den'gi»: sravnitel'nyi analiz dvuh kategorii [«Language» and «Money»: comparative analysis of two categories] // Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta [Bulletin of Saint-Petersburg State University of Economics]. 2013. No. 5 (83).
7. *Surovcev V.A., Ladov V.A.* Vitgenshtejn i Kripke: sledovanie pravilu, skeptičeskij argument i točka zrenija soobshhestva [*Wittgenstein* and *Kripke*: following the rule, the skeptical argument and the point of view of the community]. Tomsk, 2008.
8. *Fetisov S.K.* Semiotičeskaya sushhnost' deneg [Semiotic Essence of Money] // *Èkonomičeskij žurnal* [Economic Journal]. 2010. No. 18.

О.Р. ЧЕПЬЮК

**Энтропия в экономической науке:
предвестник конца или нового начала?**

Не уставай искать ответа
на то, на что ответа нет.
В неотвечаемости этой
уже содержится ответ.

Евг. Евтушенко

Аннотация. Энтропия была и остается понятием-инструментом (феноменом и порождением второго закона термодинамики), использование которого позволяет проникнуть в глубинные вопросы социальных и экономических наук. Растущая энтропия является не столько показателем, сколько символом — роста сложности, хаоса, разнообразия естественных и социальных систем. Рост энтропии как синоним обреченности, временности, конечности, заставляет задуматься о том, насколько подвластны человеку экономические системы, запрограммированные на принципах методологического индивидуализма. В по-

пытках вписать человека в систему («молекула», сингулярность, рациональный эгоист), навязывая ему модели экономического поведения (в том числе, через образовательную среду), сама система теряет свой неэнтропийный ресурс, который спасает ее от неизбежного исхода. Однако гуманитарный взгляд на человека не укладывается в картину рационального наблюдателя. Он сложен в описании, а значит — неуправляем, непознаваем. Отказываясь видеть человека, личность, экономика теряет свою онтологическую основу, колеблясь между когнитивными и математическими науками, и переживает кризис не только на практике, но и в контексте собственной эпистемологии.

Abstract. Entropy remains a concept-tool, which we can use to provide insights into the underlying problems of modern science. Increasing entropy is not only a numerical measure, but also a symbol. It shows the growth of complexity, chaos, and a variety of natural and social systems. Rise of entropy could be a symbol of doom, temporality or fatality. It makes us thinking if it is possible to manage the economic system, programmed on the principles of methodological individualism. In an attempt to enter the person into the system («molecule», singularity, rational egoist), forcing him to model economic behavior (including via the educational environment), and the system loses its negentropic resource that saves her from the inevitable outcome. However, the humanitarian view of man does not fit into the picture of rational observer. It is difficult to describe, so - uncontrollable, unknowable. Refusing to see the person, the personality, the economy loses its ontological basis, fluctuating between cognitive and mathematical sciences, and going into crisis, not only in practice but also in the context of its own epistemology.

Keywords: entropy, synergy, social philosophy, the economic crisis, the end of science, postmodernism.

Смена естественнонаучной картины мира неизбежно ставит ученого, представителя конкретной науки, перед весьма острыми эпистемологическими проблемами. При этом переход науки в статус «учителя», или «оракула» наших дней, происходит путем вытеснения, выживания, а иногда прямого вторжения на территорию метафизики. Не построив полноценный диалог с многовековой традицией философии, современная научная парадигма вторгается в гуманитарные научные области. То усилие, с которым происходит ее экспансия, напоминает борьбу за существование. Методами борьбы становятся конструирование и творчество новых концептов и даже формирование синтетических подходов, претендующих на статус новой объединяю-

щей все и вся философской парадигмы (синергетика). Различным направлениям гуманитарной и общественной научной мысли прививаются понятия, которые ранее входили в понятийный аппарат естественных и точных наук.

Таковым, например, является *энтропия* — дефиниция, вокруг которой не стихли споры даже в родной, физической, научной среде. Если проследить за эволюцией («мутацией») понимания энтропии и того контекста, в котором оно стало постепенно употребляться, то можно увидеть, как энтропия сцепилась с парой хаоса и порядка. С энтропией косвенно связана теория их взаимодействия, постулируется идея творческой природы хаоса, из которого в *диссипативных структурах* может быть «нарожден» новый порядок [6, 54]. Однако это сцепление беспорядка и энтропии было выведено позже, а сама энтропия «родилась» в контексте вопроса другой природы, не менее захватывающего, — проблемы времени.

Автора формулы термодинамической энтропии, Людвиг Больцмана, изначально волновала проблема необратимости, наблюдаемая в мире, в том числе условие разделения прошлого и будущего. Изучение тепловых процессов привело физиков конца XIX в. (Кельвин, Гельмгольц, Ренкин) к формулировке гипотезы «тепловой смерти» Вселенной. Энтропия (понятие введено Рудольфом Клаузиусом [6, 15]) и беспорядок были связаны через понятие вероятности в целях формулировки изящного математического доказательства того ужасного ореола второго начала (термодинамики), который прогнозировал конечность мира, его «дамоклов меч». Вооружившись ими, Больцман дал свое объяснение необратимости, которое принесло ему мировую славу и одновременно стало надгробной эпитафией. Суть доказательства сводилась к следующему: энтропия прямо пропорциональна логарифму числа микросостояний, совместимых с макросостоянием. Ось времени направлена таким образом, что наблюдаемая система стремится к наиболее вероятному состоянию, т. е. к такому варианту, при котором у нее есть наибольшее количество вариантов «состояться». Если идеальный газ распределяется по сосуду, то существует гораздо больше вариантов его равномерного распределения, чем образования отдельных сгустков.

Социально-экономическая система, лишившись благодаря К. Марксу (А. Смит, Фейербаху) щита сакральной неприкосновенности, стала одним из наиболее вероятных векторов приложения объясняющей силы «энтропии». Однако, чтобы сделать этот следующий шаг и перенести понятие энтропии в другие науки, стоит задаться вопросом: является ли тройственная связь между временем, вероятностью и бес-

порядком (хаосом) незыблемым свойством нашего мира или это вспомогательная математическая операция, которая понадобилась для наблюдения условия истинности научного знания? Сам Людвиг Больцман утверждал, что не претендует на создание универсального знания, а лишь рассуждает о газах [1, 18]. Следует согласиться, что прямое копирование законов, усматриваемых в естественных науках, в область наук гуманитарных, может оказаться лишь «игрой ума», «собранием фактов» и привести к заблуждениям. Сила естественных наук состоит в комбинировании мощи математики и качественного (экспериментального) анализа явлений. Однако известно, что открытия естественных наук изначально жидились на разрешении вопросов бытия: только пропущенное через фильтр философского аппарата знание может транслироваться в другие области науки. При этом речь идет не о копировании усматриваемых закономерностей (как это понимается некоторыми авторами, создающими собственные концепты в рамках синергетической парадигмы), а о строгом философском анализе всех допущений и предпосылок, из которых они складываются.

Проблема необратимости и «тепловой смерти», которую со своей стороны выявляет энтропия, не может быть просто отвергнута, если ей не находится окончательного доказательства и объяснения в категориях физических наук. Ее необходимо понять, истолковать не только в существующих явных заблуждениях или слабых сторонах, но и в содержании, которое через нее «просвечивает». Если правильно определить место энтропии в социальной онтологии, то ее идеологический потенциал позволит объяснить многие спорные социально-экономические проблемы, такие как проблема устойчивого роста, причины возникновения кризисов в экономике, тотального распространения экономической идеологии, и даже поставить вопрос о том, грозит ли экономике смысловой коллапс, или «конец науки». Энтропия как понятие может рассматриваться как символ «конечности», «временности», «обреченности». Эти процессы в социально-экономических системах нами наблюдаются, но не поддаются наименованию. Таковыми являются процессы растущей сложности экономики, тотальной экономизации человеческих отношений, циклических кризисов и кризиса идей управления экономикой в целом.

Быстро развивающийся аппарат статистики, теории вероятности и тех успехов, которые показала математика в естественных науках, подавали большие надежды в решении затруднительных экономических вопросов. На первых порах краеугольным камнем стала антропоцентрическая модель, или концепт человеческого поведения, описывающего экономические поступки индивида. Экономическая теория в

последнее столетие росла, опираясь на «каменный уступ» так называемого «методологического индивидуализма» [4, 9]. Она долго находилась в поисках своего человека (*homo economicus*), а вернее — модели человека, безликого «репрезентативного агента». Примечательно, что понятие «*homo economicus*», введенное Адамом Смитом, сначала подразумевало не человека в целом, а лишь форму его поведения, которая проявлялась в экономическом пространстве. В других условиях тот же человек мог превратиться из эгоистического в альтруистического: тем самым подчеркивались различные мотивы его поведения. Создание универсальной модели «рационального и всеведущего эгоиста» стало результатом переработки идеи Адама Смита в работах его последователей.

Кто-то сравнивал его с моделью свободного атома, кто-то — с машиной удовольствия [11, 15], или эволюционирующим организмом. *В литературе мы встречаем множество описаний экономического человека. Это может быть человек, который максимизирует положительные ощущения и избегает наказания, т. е. «машина удовольствия» (англ. «pleasure machine»), как ее обозначает в своих работах Френсис Эджуорт. Это удовольствие может принимать не только физические формы, но также ментальные и духовные, как на это указывает Дж. Миль. Дж. М. Кейнс увидел в человеке склонность к сбережениям и «денежным иллюзиям», М. Фридмен и Э. Фелпс обнаружили «адаптивные ожидания», в то время как Р. Лукас, Т. Сарджент и Н. Уоллес считали, что для индивида характерны «рациональные ожидания» [8, 182]. Большинство современных исследований опирается на портрет рационального эгоиста [8, 182], занятого исключительно удовлетворением потребностей. Таким субъектом в экономике могут быть признаны и отдельные фирмы, и институты, и даже государство. Все они «становятся отправной точкой теоретического анализа» [10, 36]. Эта модель является базовой для неоклассической экономической школы, которая остается в авангарде современной экономической мысли.*

Настойчивость таких «диогиновых» поисков не случайна. Если бы можно было предсказывать поведение «экономического человека», мы бы могли выводить макрособытия из микроэкономических закономерностей. Это позволило бы экономике не просто заниматься предсказанием (неотъемлемая часть современной системы управления), но обрести свою онтологическую целостность. Мы смогли бы под новым углом рассмотреть проблему «экономического материализма», дополнив дедуктивную роль «экономического базиса» К. Маркса [2, 278], индукцией — событие совершается вследствие одинаково запрограм-

мированных действий людей, и в целом историей развития производительных сил.

Антропоцентрический подход и методологический индивидуализм спроецировали в экономику того человека, поведение которого весьма напоминает модель свободного газа Больцмана. «Человек-молекула» стал не только удобным макетом для прогнозирования макрособытий. Он превратился в идеологию западного общества, основанного на «механистической картине» мира, как верно подмечал С. Кара-Мурза, предрекая еще в 1990 г. опасность копирования этой модели в процессе реформирования молодой российской экономики [3, 5]. Экономизацию гуманитарного пространства можно рассматривать и как еще одно проявление постмодернизма. «Человек-субъект превращается в сингулярность, некую доиндивидуальную, хотя выделяемую из тотальности бытия единицу», пишет В.А. Кутырёв [5, 48]. Допущения о микросостояниях экономического мира стали не просто попыткой усреднения и упрощения мира реального, они превратились в вопросы природы поступков человека, свободы этих поступков, а также ценности этой свободы. Это традиционно исключало экономику из истинных, фундаментальных, онтологических процессов. Такая «молекулярная» экономика наиболее близка к свободе случайностей, в которой экономические поступки людей разнонаправлены. Они ведомы сугубо эгоистическими устремлениями и исключительно рациональными ожиданиями ее индивидуумов. Человек в такой экономике столкнулся с одиночеством, в нем выработалось стойкое неприятие любых изменений внешней среды, т. е. рисков, которые видятся абсолютно случайными, посягая на абсолютную свободу индивида. В целях защиты от рисков стали возводить стены институтов страхования и хеджирования, где первые — приводят к транзакционным издержкам, а вторые перекладывают риски на других участников (субъектов) экономической системы (см.: [9]).

Человек, с его микрокосмосом, пал жертвой «аппаратного наблюдения»: с помощью матрицы экономических отношений стали оценивать его социальное, культурное, политическое поведение. В таком контексте человеку приходится по-новому бороться за существование, так как в рамках рационального мира истинно только то, что может соответствовать математическому рациональному знанию. Отсюда человек либо белковое углеродное существо (химическая мощь), либо набор психологических характеристик, или компетенций (новая образовательная модель). В любом случае, чтобы «быть» человеку необходимо создавать свою виртуальную проекцию. В этом смысле преобразуется понимание свободы: мы лишаемся свободы

быть неопознанным «цифрой», невнесенным в базы данных (базы клиентов, поставщиков, базы рекрутов для агентств по поиску персонала). Немалую роль здесь играет качество экономического образования. Ментальные установки методологического индивидуализма (все люди — эгоистичные рациональные потребители) навязываются в рамках традиционного курса «экономической теории».

Как мы человека исследуем, так он и начинает себя вести. Возвращаясь к модели газа в исследованиях Больцмана, энтропия экономической системы растет, так как сама система склоняется к наибольшему числу вариантов «состояться», т. е. к наибольшему своему разнообразию (или хаосу, в зависимости от трактовки «энтропии»). Идейная «ловушка» экономической энтропии заключается в намеренном программировании параметров системы, к которым причисляется человек. Его поведение трактуется либо как случайно-определенное, либо непознаваемое, но в любом случае — стимулирующее «рассейание», застывание системы. С точки зрения философии, интерес представляют не «хронические болезни» экономики, а то, что несмотря ни на что, она продолжает существовать и видоизменяться, становясь сложнее как в содержательном смысле, так и в смысле управления.

В неустанных попытках преодолеть многовековой комплекс «бытийной неполноценности», человек в экономике остается всегда позади (или внутри) системы. Экономика, подобно персонажу комедийной пьесы, пытается услужить двум господам: то господствующей царице наук — математике [7], то растущим в популярности — когнитивным наукам. Не вид собственности, не механизмы управления, секреты рыночного сегментирования или позиционирования товаров определяют эффективность хозяйственных решений, а личность человека, которая управляет хозяйствующим субъектом. Однако личность — это слишком человеческая, гуманитарная величина, а потому — непонятная, не поддающаяся изучению в терминах современной парадигмы рационалистического знания, или постмодернизма. Экономическая и энтропийная система оценки человека как бы заведомо исключает культуру, духовность из системы активных факторов, влияющих на онтологию. Это, в конечном итоге, приводит к интенсификации процессов дегуманизации и, следовательно, усиливает энтропийные процессы.

Литература

1. *Больцман Л.* Второй закон механической теории тепла // Больцман Л. Статьи и речи. М.: Наука, 1970.

2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // Булгаков С.Н. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1.
3. Кара-Мурза, С.Г. Наука и кризис цивилизации // Вопросы философии. 1990. Т. 9.
4. Кирдина С.Г. К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН, 2013.
5. Кутырёв В.А. Философия постмодернизма: Научно-образовательное пособие для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2006.
6. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
7. Тутов Л.А., Рогожникова В.Н. Экономика и математика: возможности и границы взаимодействия // Философия хозяйства. 2015. № 6.
8. Худокормов А.Г. Экономическая теория: Новейшие течения Запада: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009.
9. Чельюк О.Р. Общество рисков: от синергетического к гуманитарному подходу (опыт философского анализа) // Ценности и смыслы. 2015. № 6 (40).
10. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2010.
11. Edgeworth F.Y. Mathematical Psychics. L.: C. Kegan Paul & Co, 1881.

References

1. Boltzmann, L. The second law of thermodynamics [Vtoroj zakon mehanicheskoy teorii tepla] // the publications and speeches. М.: Nauka, 1970.
2. Bulgakov S.N. Philosophy of economy [Filosofija hozjajstva] // Collected works in two volumes. Vol. 1.
3. Kara-Murza S.G. Science and the Crisis of Civilization [Nauka i krizis civilizacii] // Philosophical problems [Voprosy filosofii]. 1990. Vol. 9.
4. Kirdina, S.G. By rethinking the principle of methodological individualism [K pereosmysleniju principa metodologicheskogo individualizma]. Institute of economics of Russian Academy of Science. М., 2013.
5. Kutyrev, V.A. Philosophy of postmodern-time [filisofia postmodernizma]: manual for masters and PhD-students. Volgo-Vyatskaya academy of government state management. Nizhny Novgorod, 2006.

6. *Prigozhin, I., Stengers, I.* Order out of chaos: man's New Dialogue with Nature [Porjadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoy]. M.: Progress, 1986.

7. *Tutov, L.A. Rogozhnikova V.N.* Economy and mathematic sciences: opportunities and borders for interaction [Jekonomika i matematika: vozmozhnosti i granicy vzaimodejstvija] // Philosophy of economy [Filosofija hozjajstva]. 2015. No. 6.

8. *Hudokormov, A.G.* Economic Theory: the latest trends of the West [Jekonomicheskaja teorija: Novejshie techenija Zapada]. The teaching training manual. M.: INFRA-M, 2009.

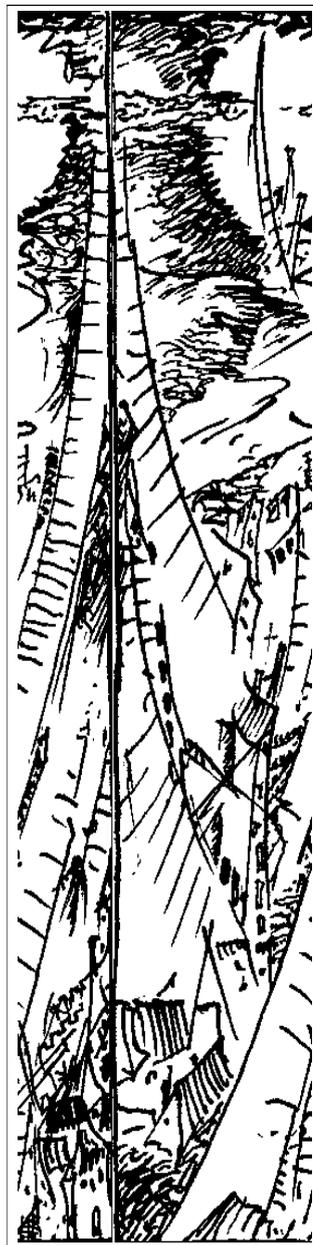
9. *Chepyuk O.R.* Risk Society: from the synergetic approach to the humanitarian (philosophical analysis) [Obshhestvo riskov: ot sinergeticheskogo k gumanitarnomu podhodu (opyt filosofskogo analiza)] // Values and senses [Cennosti i smysly]. 2015. No. 6 (40).

10. *Shastitko A.E.* New Institutional Economics [Novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija]. M.: TEIS, 2010.

11. *Edgeworth F.Y.* Mathematical Psychics. L.: C. Kegan Paul & Co, 1881.

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

С.С. СЛЕПАКОВ

**Четверть века России в новом времени:
общественные интересы, глобальная конкуренция
и стейкхолдер-менеджмент**

Аннотация. Причина социальной и экономической дисфункции институтов управления развитием современной России состоит в конфликте интересов ее правящих и бизнес-«элит» с общественными интересами. Следуя в русле глобальной политики, российские элиты сформировали и эксплуатируют в собственных интересах систему институтов, не приспособленную к реализации общественных интересов. Прогрессивное социально-хозяйственное развитие общества и государства требует институционализации общественных интересов.

Ключевые слова: общественные интересы, глобальная конкуренция, стейкхолдер-менеджмент, институты, политика, неопатримониальная система, монополизм, доминирование, деструкция, реформа, рента-налог.

Abstract. The cause of social and economic dysfunction of the institutions of development management in modern Russia is in the conflict between the interests of its ruling and business elite with the public interest. Following in line with global policy, the Russian elite have formed and operate in their own interests a system of institutions adapted to the realization of public interests. Progressive socio-economic development of society and the state requires the institutionalization of public interests.

Keywords: public interest, global competition, stakeholder management, institutions, politics, patrimonial system, monopolism, domination, destruction, reform, rent-tax.

Четверть века России в «новом времени» ознаменовалась углублением неадекватности структурной организации и недопустимо высоким уровнем импортозависимости ее национального хозяйства. Главный порок новой хозяйственной системы видится в *патологической социальной и экономической дисфункции институтов управления* ее развитием. Причина состоит в асинкретичности (в значении рассогласованности, нестыковки, разрыва) [10] и конфликте интересов пра-

вящих и бизнес-элит с общественными интересами (сродни конфликту, уничтожившему СССР). Движущей силой новой власти в обществе служит доминирующий, «заточенный» на маргинальный результат, собственный интерес — *симулякр* [1] функции эффективного социального представительства. Новые власть и бизнес-элиты сформировали и эксплуатируют в собственных интересах действующую систему институтов, не приспособленную к реализации общественных интересов. Тем самым надежно блокирована сама возможность проведения в России эффективной и социально ответственной государственной хозяйственной политики.

Поскольку политика — это способ согласования интересов в социально-экономическом процессе, прежде всего, определимся с понятием «экономический интерес». Ключевыми моментами в раскрытии его сущности служат осознание и принятие следующего непротиворечивого утверждения: *активную позицию в отношении к миру материальных и духовных ценностей людей предопределяет их стремление к поддержанию и возобновлению собственной жизни*. Имманентно присущая обществу, его ассоциированным субъектам и индивидам *функция воспроизводства собственной жизнедеятельности* служит выражением сущности интересов. Данная функция в силу своего всеобъемлющего, определяющего значения (лат. interest — иметь значение) приводит людей в движение. В *интересе* реализуется *функциональная зависимость уровня и качества жизнедеятельности каждого субъекта от характера и результатов его участия в общественном воспроизводственном процессе*.

Предложенное определение интересов существенно отличается от традиционно используемых, трактующих экономические интересы как стремление к присвоению прибыли, удовлетворению потребностей, как мотивы, стимулы, побуждающие субъектов-носителей к определенному поведению в хозяйственной системе. Не входя в более чем полувековую дискуссию, укажем лишь на то, что каждое из понятий (прибыль, потребность, стимул, мотив) обладает самостоятельным значением. Однако ни одна из названных категорий, подобно интересу, не обладает значением смыслотворческой силы, приводящей в движение общество и его субъектов как участников общественного воспроизводства. Они не менее, но и не более чем средства обеспечения жизнедеятельности.

Каждый интерес субъектен: принадлежит определенному носителю, — и субъективен, т. е. выражает функцию воспроизводства собственной жизнедеятельности субъекта (индивида, семьи, фирмы, корпорации). Сегодня в России, как и во всем мире, общепризнаны при-

существование и жизнедеятельность субъектов экономики микроуровня (в отличие от СССР). Однако в отношении к *общественным* интересам (опять же, в отличие от СССР) характерна позиция непризнания и отрицания. Господствующая в России неоклассическая концепция регулируемой экономики исходит из системообразующей роли и приоритетной значимости для общества интереса свободного экономического индивида (*homo economicus*) — торжествующего эгоиста. Концепция исключает саму возможность существования общественного, национально-государственного интереса [7; 8].

Характеризуя специфику социально-экономической жизнедеятельности современной России в контексте глобальной конкуренции, примем за основу следующее утверждение: возможности создания условий эффективного социально-экономического развития страны (общества и государства) могут сложиться лишь в хозяйственной системе, которая служила бы реализации ее *национально-государственных, общественных интересов*, объединяющих и согласующих интересы общества, его ассоциированных и индивидуальных субъектов.

Представим *общественный интерес как функцию эффективного воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности субъекта — национального сообщества*. Речь идет о функциональной зависимости его уровня развития от характера и результатов участия в макроэкономическом воспроизводственном процессе. Реализация общественного интереса должна означать перманентное решение системной задачи экономически и социально эффективного освоения всего набора ресурсов, находящихся в распоряжении национального сообщества. Маржинальный результат, безусловно, значим, но не является единственным и доминирующим критерием успешного социально-экономического развития.

Общественным интересам в современном мире *активно противостоят интересы глобального центра*. Реализация последних построена на императиве доминирования над национально-государственными интересами. Глобальная конкуренция является наиболее значимым экзогенным фактором, разрушающим и подчиняющим национально-государственные, социально-экономические системы с целью освоения и эксплуатации принадлежащих им ресурсов. Одной из таких систем, функционирующих в орбите интересов глобального центра, является Россия.

Данная посылка не может быть воспринята как принципиальный отказ от концепции прогрессивной роли конкуренции в социально-экономическом развитии. В общем перечне *ресурсов конкуренто-*

способности не вызывает сомнений безусловная, непреходящая ценность противоборства в применении новейших технологий и материалов, рациональных и модернизационных моделей организации и управления, высокого и нового качества продукции, повышения эффективности труда, производства и реализации товаров, работ, услуг, высокоразвитого рынка, обеспечивающего общественное производство и потребление и проч. «Гимн во славу конкуренции» заслужен и уместен, но лишь там, где он оправдан ее целями, средствами и результатами.

Наряду с драйверами конструктивного свойства, в конкурентном процессе существует и активно используется *широкий спектр дискриминационно-деструктивных драйверов*, применяемых в отношении конкурентов (по В.И. Ленину, «от простого платежа отступного, до американского применения к конкуренту динамита» [5]). В числе таковых драйверов широко используется практика причинения вреда конкурентам, создания им многообразных проблем (вызовов): хозяйственных, технико-технологических, институциональных, криминальных, межнациональных, межконфессиональных, социально-политических, с провоцированием вооруженных конфликтов, применением мер недобросовестной конкуренции и пр. Чем более дифференцированы потенциалы конкурирующих сторон, тем шире фронт и эффективнее ресурсы поглощения и эксплуатации слабых контрагентов сильными.

Деструкция как способ воздействия наиболее адекватно выражает характер конкурентной политики, реализуемой глобальным центром. В его арсенале присутствуют и активно применяются в отношении государств-конкурентов в любой точке мира (долларового пространства) такие инструменты и механизмы внешнего экономического и политического воздействия, как:

- деструкция национальных отраслей и кластеров, предприятий и организаций с целью освобождения рынков для ТНК;
- деструктивный консалтинг с насаждением профессионально и идеологически подготовленного менеджмента, реализующего в переходных экономиках под видом (симулякры) рыночно-демократических реформ деструктивные программы развития;
- организация и нагнетание на территориях и объектах, принадлежащих конкурентам, конфликтных ситуаций;
- ограничение условий и возможностей реализации международных хозяйственных связей, договорных отношений с зарубежными партнерами;

- формирование и поддержка в столицах и на периферии агрессивных по отношению к власти оппозиций;
- подготовка и проведение «цветных» революций;
- прямое уничтожение под надуманными предложениями неугодных режимов и правительств, с проведением прямой военной агрессии силами оппозиций, международных военных блоков, военной агрессии глобальных игроков;
- насаждение марионеточных правительств и проч.

Любыми средствами, как правило, под видом симулякров защиты прав человека и демократических ценностей, глобальный центр фактически реализует *определяющий принцип — достижения собственного подавляющего доминирования.*

Как отмечалось, Россия является одним из акторов процесса глобальной конкуренции. При этом ее богатейшие ресурсы существенно превосходят ее же политический и социально-экономический потенциалы в глобальном мире. Этот дисбаланс расценивается лидерами глобального конкурентного процесса как слабость России (ее хроническая неспособность к эффективному освоению собственных ресурсов). Данное состояние воспринято глобальными лидерами-игроками как нетерпимое, как безусловный повод стремиться к овладению и распоряжению ресурсами России в своих интересах. Проблематика имеет многовековую историю, но накал противостояния в XX—XXI вв. опять доведен до предела.

Узловым моментом на пути к достижению этой цели претендентам на российские ресурсы и рынки видится *распад России*. В новейшей истории к «крушению империи» (по Е.Т. Гайдару [3]) системно приближали деструкции: социалистической системы, Варшавского договора, СССР, как следствие, вопреки заверениям, выход НАТО к границам России.

В пореформенный период (с начала 1990-х гг.) путь к *разрушению российского общества и государственности мыслился через деструкцию ее национальной экономики и традиционных ценностей. В результате внедрения с начала 1990-х деструктивных институтов и моделей развития, соответствующих принципам Вашингтонского консенсуса; приватизации и акционированию крупнейших государственных монополий; ликвидации ведущих отраслей обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, системы профобразования и проч., был причинен существенный ущерб ресурсам жизнедеятельности и национальной безопасности России.*

Однако через 25 лет реформ выяснилось, что, *даже развиваясь в институциональных условиях деструктивной природы, с задачей саморазрушения Россия не справляется.* Динамика экономико-хозяйственного распада в России приняла затяжной характер, а политический курс приобрел отчетливые черты автономности, проявляющейся в достаточно жестком отстаивании Россией своих национально-государственных интересов, в ее сопротивлении интересам и дискриминационной политике глобального центра.

Данные обстоятельства стали препятствием в реализации политики глобальных игроков и вызвали к жизни спровоцированные и организованные США события, в числе которых: противостояние, разрыв отношений и война с Грузией в 2008 г.; глобальный разрыв прежде единой социальной, хозяйственной, территориально-экономической системы и конфликт между Россией и Украиной с фактическим переводом последней в дефолтное состояние и режим внешнего управления с полной утратой самостоятельности; гражданская война на Юго-Востоке Украины с абсурдным выставлением России в роли агрессора и воюющей стороны; разжигание и нагнетание новой «холодной войны» с Западом; информационная война США, широкого круга стран Европы и мира с Россией, демонизация образов России и ее руководства, унижительные для России ревизия и обструкция российской и мировой истории, политики и идеологии, часто за гранью не только разумного, но и элементарных приличий; системные, целенаправленные ограничения (санкции и пр.), направленные на разрушение хозяйственной жизнедеятельности и изоляцию России.

Реализации политики доминирования глобального центра в экономической и социальной жизнедеятельности современной России служит функционирование ее властной элиты [4].

Во власти концептуально господствует порядок, более всего напоминающий стейкхолдер-менеджмент [10]. Стейкхолдеры (в буквальном переводе «держатели стейков») — юридические или физические лица (покупатели, клиенты, поставщики, производители, потребители, сопровождающие стороны, ликвидаторы, регуляторы, инспекторы, создатели, и пр.), которые реализуют собственные интересы. Жизнедеятельность в данном алгоритме вполне адекватна в рыночной среде, но не за ее пределами. Так, утвердившись во власти, стейкхолдеры неминуемо рассматривают вверенные им участки работы, свои права и полномочия как ресурсы собственного бизнеса. Они суть заказчики, исполнители, контролеры, а главное, бенефициары (выгоды-

приобретатели) результатов своей деятельности. Общий принцип стейкхолдер-менеджмента во власти конституирует асинкретичность интересов общества и правящих элит, а вместе с ней хозяйственную и социальную неэффективность институтов. Политико-экономический смысл воспроизводственного процесса для стейкхолдеров во власти состоит в монопольном, централизованном управлении производством, присвоением, перераспределением и потреблением ренты-налога. Процесс проходит в обстановке ожесточенной борьбы между организованными участниками за присвоение вотчин и преференций, открывающих доступ к определенным долям ренты-налога.

Общественный интерес не может быть реализован стейкхолдерами, управляющими общественными процессами. Ими не осознаются и не воспринимаются интересы сообществ (национально-государственных, региональных, муниципальных и проч.). По этой причине обеспечение жизнедеятельности сообществ и индивидов стейкхолдеры во власти полностью относят к сфере их же собственной ответственности.

Не воспринимая реальности, роли и значимости общественных интересов, стейкхолдеры во власти в качестве наиболее массовых организованных субъектов политико-экономического рынка позиционируют *группы интересов* [10], создающие группы давления, т. е. организации, не претендующие на высшую политическую власть, которые пытаются влиять на власти в целях обеспечения собственных интересов. В числе таковых: профсоюзы; фермерские (крестьянские) организации и союзы; профессиональные ассоциации предпринимателей; феминистские, экологические, правозащитные, пацифистские и т. п. движения; союзы ветеранов; философские клубы и общества и пр.

В современной, преимущественно неопатримониальной и олигархической России энерго-сырьевая модель развития себя полностью исчерпала [2; 6; 9]. Несоответствие интересов власти общественным интересам стало причиной ее органической неспособности в четвертьвековой реформационный период даже приступить к решению макроэкономической проблемы перехода России к прогрессивной модели хозяйственного развития. В своих попытках противостоять современному кризису правительство РФ пытается изыскать средства покрытия бюджетного дефицита за счет наращивания «таргетируемой» инфляции, приватизации государственных корпораций, секвестирования социальных расходов бюджета. В итоге, в 2013 г. доход ниже прожиточного минимума, по информации Росстата, был у 12,5 млн человек. На конец 2015 г., по российской статистике, к числу бедных относились 22 млн человек, сообщила в интервью телеканалу «Россия-24»

вице-премьер РФ по социальной политике Ольга Голодец, т. е. налицо почти двукратный рост бедности за последние два года. Аналитики АЦ и РАНХиГС отмечают, что в рядах бедных в обозримом будущем рискуют оказаться от 30 до 50% жителей России [13].

Знаменем XXI в., ключевым принципом при определении цели развития любого государства (России, в частности), следует считать решительный отказ от использования в качестве таковой (цели) победу рынка либо государственного управления, демократии либо тоталитаризма. Императивом прогрессивного развития мирового сообщества должен послужить перевод борьбы за победы идеалов социализма, равно как и капитализма, из настоящего времени в прошедшее, осознание глубокой бессмысленности и пагубности для общества утверждения в качестве путеводных звезд ортодоксальных идей. В каждом случае подобная приверженность к праздным безднам дает в результате пирровы победы.

Любая институциональная конструкция, будучи продекларирована и применена в виде мировоззренческой и социально-хозяйственной доминанты (догмы), неминуемо превращается в *институт деструкции*, в химеру (симулякр), в погоне за которой системные девакации (разрушения) в социально-экономическом развитии неизбежны. Широко известных, убедительных подтверждений деструктивной роли целеполагающих переходов (переломов) от капитализма к социализму, равно как и в обратном направлении, от тотального плана к тотальному рынку и обратно, от диктатуры к демократии и от демократии к диктатуре, в мировой социальной и хозяйственной практике было и существует великое множество.

Институты (рынка, государства, права и проч.) могут и должны работать во благо общества, но лишь в системном единстве, разумно используемые не в качестве доминирующих целей социально-экономического развития, а как средства, механизмы, инструменты и применяться рационально, строго по назначению.

Новая Стратегия национальной безопасности России (п. 56, 57) к ключевым угрозам относит низкую конкурентоспособность экономики страны, неэффективность государственного управления в экономической сфере [14; 15]. Становление в стране диверсифицированной, высокотехнологичной экономики, производящей конкурентоспособную продукцию, требует признания и институционализации национально-государственных, общественных интересов.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000.
2. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.
3. *Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2007.
4. *Деягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского, до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
5. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27.
6. *Масловский М.В.* Веберовская концепция патримониализма и ее современные интерпретации // Социологический журнал. 1995. № 2.
7. *Мюллер Д.С.* Теория общественного выбора // URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=./school/pubchoice/lectures/pubchoice_11.txt&img=brief.gif&name=pubchoice.
8. *Нуреев Р.М.* Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=./in/buchanan/works/buchanan_w4_0.txt&img=works.jpg&name=pubchoice.
9. *Фисун А.* Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. № 6 (39).
10. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1024126>.
11. <http://fb.ru/article/142656/steykholder---eto-kto-takoy>.
12. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/gruppy-interesov>.
13. http://inosmi.ru/country_russia/20160106/234990400.html.
14. <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
15. <http://www.kommersant.ru/doc/2896030>.

References

1. *Bodriyyar ZH.* V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo. Ekaterinburg, 2000.
2. *Veber M.* Izbrannoe. Obraz obshchestva. M., 1994.
3. *Gajdar E.* Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoj Ros-sii. M., 2007.
4. *Delyagin M.* Svetochi t'my. Fiziologiya liberal'nogo klana: ot Gajdara i Berezovskogo, do Sobchak i Naval'nogo. M., 2016.

5. *Lenin V.I.* Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma // *Lenin V.I. Poln. sobr. soch.* T. 27.
6. *Maslovskij M.V.* Veberovskaya koncepciya patrimonializma i ee sovremennye interpretacii // *Sociologicheskij zhurnal.* 1995. № 2.
7. *Myuller D.S.* Teoriya obshchestvennogo vybora // http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=/school/pubchoice/lectures/pubchoice_11.txt&img=brief.gif&name=pubchoice;
8. *Nureev R.M.* Dzhejms B'yukenen i teoriya obshchestvennogo vybora, http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn_newlife.pl?type=school&links=/in/buchanan/works/buchanan_w4_0.txt&img=works.jpg&name=pubchoice.
9. *Fisun A.* Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genezis, osobennosti, tipologiya // *Otechestvennye zapiski.* 2007. № 6 (39).
10. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1024126>.
11. <http://fb.ru/article/142656/stezholder---eto-kto-takoy>.
12. <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/gruppy-interesov>.
13. http://inosmi.ru/country_russia/20160106/234990400.html.
14. <http://www.rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html>.
15. <http://www.kommersant.ru/doc/2896030>.

И.В. ПШЕНИЦЫН

О природе денег

Аннотация. Рассматривается экономическая природа современной мировой валюты. Раскрывается ее принципиальное отличие от российской национальной валюты.

Ключевые слова: денежный товар, металлические деньги, обменный рынок, мера стоимости, масштаб цен, товарные деньги, рыночная система, кредитные деньги, основной экономический оборот, покупательная способность.

Abstract. Economic nature of the contemporary world currency is explored. Its principle difference from the Russian national currency is disclosed.

Keywords: money commodity, coinage, exchangeable market, measure of value, measure of prices, commodity money, market system, fiduciary currency, leading economic turnover, purchasing power.

Для понимания природы денег важно не терять представление об объекте, изучением которого мы занимаемся, говоря о деньгах. Если полагать, что исследуемым объектом являются сами деньги или даже обмен товаров, а не развитая рыночная инновационная капиталистическая экономика, то понятие денег не возникнет. Невозможно будет показать отличие денег от тех конкретных форм, которые им придают, а значит, не ясно будет, почему общепринятые ранее формы денег сменяются новыми. Для раскрытия природы денег необходимо, прежде всего, отличать деньги от разнообразных конкретных форм, которые выполняли и выполняют функции денег в обращении. Критерием совершенства той или иной формы денег, является ее соответствие денежной природе, потребностям функционирования развитой рыночной капиталистической экономики.

С прекращением практики обмена бумажных денег на золото и освобождением от золотого стандарта проблема природы денег в рыночной экономике приобрела новое звучание. Несоответствие металлических денег денежной природе разрушило концепцию *товарных денег* и основательно подорвало понимание денег как *меры стоимости*. Оказалось, что деньги в развитой рыночной капиталистической экономике по своей природе не являются особым товаром, имеющим стоимость, и что товар не может быть еще и деньгами, хотя веками различные товары, прежде всего, золото и серебро, выполняли функции денег. Становилось все очевиднее, что природе денег лучше соответствует некая «искусственная институциональная форма». Выявилась «неспособность экономической теории объяснить природу денег как особого товара, обладающего свойством всеобщей обменяемости» [1, 41].

Деньги все больше походили на интеллектуальный продукт, представляли некие знаки, а без определенной связи бумажных денег со стоимостью золота не было ясно, знаками чего они являются. Считать же их просто знаками — все равно что в картине художника видеть одни только краски. Хотя в любой картине видны только краски, если рассматривать ее вблизи, так сказать, на микроуровне. Так и деньги совсем не то представляют на микроуровне, когда выполняют в ограниченном пространстве-времени свои функции, чем в эволюции капиталистической рыночной экономики. Связь с развитием капиталистической экономики придает деньгам некий таинственный неуловимый смысл, не ограничиваемый осознанием, средством чего они являются в обмене. Однако экономическая теория не раскрывает природу денег и ограничивается, по сути, простым суждением: Деньги — это

то, что выполняет функции денег, включая и некую меру ценности, а по существу — масштаб цен. Мировой финансовый кризис в очередной раз подтвердил актуальность проблемы денег и вновь остро поставил вопрос об основании мировой денежной системы.

Возникновение денег связано, по всей видимости, с проблемой излишков продукции, возникающих из-за роста продуктивности хозяйствования. Владелец излишков стремился обменять их на продукты, лучше хранимые или более полезные. Очевидно, что возникновение обменных рынков связано с поиском таких благ.

При непосредственном обмене благ необходимо случайное совпадение, поскольку каждый участник сделки должен в данный момент, в данном месте иметь продукт, нужный партнеру в определенном количестве. Возникновение рынка, как общего места для всех торгующих, облегчало обмен. Однако оставалась проблема одновременности появления на рынке обмениваемых товаров. Как обменивать товары, которые появляются на рынке в разное время? Эту проблему естественно решать посредством товара, который *всегда имеется на рынке*. Противоречия обмена породили *обращение товаров* посредством некоего особенного товара, всегда имеющегося на обменном рынке. Чтобы товар всегда был на рынке, его запас не должен исчезать, потребляться. Создание такого непотребляемого запаса предполагает превышение производимого количества товара над потребляемым количеством. Пока промышленная революция не привела к резкому росту производительности и кризисам перепроизводства, превышение производства над потреблением было характерно для товаров, не потребляемых ни людьми, ни природой, т. е. не портящихся и не вступающих в какие-либо химические реакции. Такими особенными товарами были драгоценные металлы. Поэтому естественно, денежным товаром на обменных рынках стали драгоценные металлы. Так возникли металлические деньги. В результате одномоментный бартер для каждого товаровладельца распался на два разнесенных во времени акта. Товар обменивался на денежный товар, продавался, с тем, чтобы затем когда-нибудь можно было купить нужный товар. Посредством денежного товара разрешались противоречия обмена.

Выделившийся из мира товаров особенный товар должен был выполнять ряд функций, необходимых для нормального протекания процесса обращения. О преимуществах драгоценных металлов перед другими товарами в выполнении функций денег хорошо известно. Их достоинства были так велики, что долгое время казалось, что золотые монеты и есть деньги по своей природе. Тем не менее эволюция капиталистической экономики выявила существенный недостаток золотых

денег: эти деньги обладали присущей любому товару внутренней стоимостью.

Как у любого товара, эта стоимость пропорциональна затратам рабочей силы при их производстве и обратно пропорциональна производительности этого производства. Однако в отличие от стоимости обычных товаров массового потребления, стоимость золота почти не зависела от изобретения орудий труда. Поэтому фактором, определяющим величину стоимости золота, является его природная *редкость*. Со временем затраты рабочей силы при добыче грамма золота почти не снижаются.

В результате этого способность золота обмениваться на обычные товары, его *меновая стоимость*, увеличивалась со временем из-за роста производительности процессов производства обычных товаров по сравнению с производительностью добычи золота. Владелец золота, сберегая его, получал возможность со временем из-за относительного роста производительности других товаров, приобретать их больше и становился фактически богаче. Это *самовозрастание меновой стоимости золота* придавало ему фантастическую притягательную силу.

Между тем свойство непреодолимой техническим прогрессом природной редкости золота препятствовало выполнению золотыми монетами функций денег в развивающейся капиталистической экономике. Денежный товар на обменном рынке был мерой для всех товаров, т. е. *естественной* мерой стоимостей этих товаров, поскольку приравнивал стоимости обмениваемых товаров. Причем эта естественная, внутренняя для обмена товаров мера *изменялась с ростом производительности*.

Поясним это изменение на простом примере. Предположим, на рынке обмениваются четыре товара одинаковой стоимости, один из которых — золотая монета определенного веса — является деньгами. Со временем производительность в создании каждого обмениваемого товара возрастает, а производительность добычи золота не изменяется. Допустим, при создании второго товара она возрастает в 2 раза, третьего — в 3 раза, а четвертого — в 4. Индивидуальные стоимости товаров уменьшаются пропорционально производительности. Соответственно должна уменьшиться и мера стоимости, нужная для обмена. Та золотая монета, которая выполняла раньше роль денег, не может быть мерой при обмене товаров, так как обладает слишком большой стоимостью. Необходимая для обмена товаров новая монета должна уменьшиться в весе в 12 раз. В этом случае второй товар стоит шести таких монет, третий — четырех, а четвертый — трех, и обмен может

состояться. Таким образом, вместо одной монеты на рынке обращаются 12 монет того же названия, но в 12 раз меньшего веса.

Конечно, вес золотой монеты можно уменьшать, но только до определенной величины, необходимой для изготовления монеты. Количество добываемого золота почти не увеличивается за счет *чистого* прироста производительности (т. е. без прироста затрат), поэтому хотя субстанцией стоимости и являются затраты рабочей силы, стоимость золотой монеты определяется, прежде всего, природной редкостью золота. Это свойство сохранения золотом естественной внутренней стоимости препятствует выполнению золотыми монетами функции *меры стоимости* для уменьшающихся в силу роста производительности, стоимостей товаров массового потребления. Рост общественной производительности приводит к гораздо большему снижению стоимостей товаров, чем стоимости золота. В результате такой динамики возникает проблема соизмеримости при обмене относительно устойчивой внутренней стоимости золота с по-разному уменьшающимися стоимостями товаров. На практике эта проблема решалась изменением формы денег, заменой золотых денег в обращении на их знаки, металлические и бумажные, которые фактически выполняли функцию обращения товаров.

Рассмотренная функция меры стоимости мира товаров тесно связана с функцией масштаба цен, которая необходима для выражения цен. Поскольку на рынке необходим общий для всех торговцев измеритель стоимости, единица меры стоимости устанавливалась властью. Иначе говоря, власть задавала масштаб цен. Если рассматривать короткий интервал времени, то показать отличие естественной меры стоимости от масштаба цен, задаваемого властью, почти невозможно. Между тем по своей природе естественная мера стоимости и масштаб цен принципиально различны. В истории экономической мысли это различие выразилось в разграничении *металлической* и *номиналистической* концепций денег. При этом взаимосвязь изменения количества золотых монет с выполнением золотом функции меры стоимости товаров на рынке послужила основанием для возникновения *количественной* концепции природы денег. С уменьшением естественной меры стоимости, количество монет, необходимое для обмена товарной массы, увеличивается. Поскольку название монеты, несмотря на уменьшение ее веса, сохранялось, казалось, что установление меновых пропорций зависит только от количества монет. В приведенном выше примере первоначально обмен на рынке осуществлялся одной монетой большой массы. А в конце рассматриваемого периода обмен тех же товаров осуществлялся уже двенадцатью монетами того же названия,

но массой $1/12$ от первоначальной. Таким образом, именно с количеством монет связана новая мера стоимости, равная $1/12$. Эта связь интуитивно учитывалась сторонниками количественной теории денег при объяснении их природы. Именно изготовление из той же массы золота нужного количества денег позволяет деньгам выполнять функцию меры стоимости при обмене товаров. Таким образом, масса денег определяется суммой стоимостей обмениваемых товаров, а количество золотых монет при этом определяет естественную меру стоимости, необходимую для обмена. Это количество денег определяется не властью, а рыночной экономикой, и в современной экономической теории получило название *денежного спроса*. Теория денежного спроса выражает естественную меру стоимости через определение необходимого для развития экономики количества денег.

В первом томе «Капитала» К. Маркс анализировал естественную меру стоимости мира товаров, но не рассматривал ее изменение с ростом общественной производительности. При анализе капиталистического производства Маркс рассматривал только золотые деньги, обладающие стоимостью, и не стал отделять функцию масштаба цен от функции меры стоимости, не стал подчеркивать роль рыночной власти в определении масштаба цен, на чем основана номиналистическая концепция денег. Эта особенность анализа Марксом денежной формы стоимости была обусловлена уровнем развития экономики и мировой денежной системы в его время, становлением системы золотого монетализма. Произшедшая за последующие сто лет поэтапная отмена золотого стандарта изменила форму привязки денег к золоту. Осуществление обмена денег на золото теперь осуществляется на мировом рынке золота. Эта пропорция изменяется в зависимости от фазы промышленного цикла, что выражается в изменении цены золота. Связь с золотом бумажной массы стала гибкой, определяемой не фиксированными пропорциями, а рыночной ценой золота.

Развитие капиталистической экономики, основанное на безусловном росте производительности труда, выявило несостоятельность денежной системы золотого монетализма. Владелец золотых денег становился богаче и без их инвестирования, поскольку из-за неизбежного со временем падения цен в золотых деньгах мог покупать больше товаров. Это служило рациональным основанием объяснения накопленного богатства бережливостью собственника. Вместе с тем при золотых деньгах и падающих ценах время прохождения новыми капиталами общего оборота велико, и нововведения, как правило, не окупались до очередного промышленного кризиса перепроизводства, что увеличивало риск для инвесторов. Сбережения, или прошлый,

накопленный труд, в такой экономике господствует над ее развитием, процесс накопления общественного капитала преобладает над его воспроизводством. Попытки восстановления государством системы золотого стандарта приводили к сокращению чистых инвестиций и застою в развитии производительности, к длительной депрессии и вынужденной безработице.

Важнейшим условием экономического развития является создание новых капиталов, обеспечивающих прирост производительности и максимизацию эффективности. Однако для создания новых капиталов в условиях периодических кризисов перепроизводства инвесторы должны быть уверены в прохождении новыми капиталами общего оборота, когда первоначальные авансы возвращаются, проценты по кредитам полностью выплачиваются, и начинает поступать *чистая прибыль*.

Если увеличение предложения продукции, вызванное появлением более производительных капиталов, сопровождается падением рыночной цены в золотых деньгах, как это происходит при росте производительности с индивидуальной стоимостью товара, то время, необходимое для прохождения новыми капиталами общего оборота, увеличивается. Тогда очередной кризис перепроизводства разорит не только неэффективных собственников, но и инвесторов предпринимателей-новаторов. Конечно, с общественной точки зрения разорение инвесторов высокоэффективных капиталов приведет только к перераспределению собственности, и новые предприятия будут приносить их новым владельцам чистый доход. Однако угроза потери собственности при инновациях сделает инвесторов осторожными, уменьшит побуждение к инвестированию, что создаст объективное основание для депрессии. Кроме того, в условиях общего снижения цен происходит уменьшение денежной заработной платы, а значит, становится затруднительным экономически обоснованное замещение дешевающей рабочей силы капиталом и рост производительности. Таким образом, цены, адекватные внутренним стоимостям товаров, уменьшающимся с ростом производительности, препятствуют инновациям и научно-техническому прогрессу экономики. Готовность к инновациям предполагает сокращение времени общего оборота капитала, что невозможно при падающих ценах в золотых деньгах.

Между тем с развитием капиталистического производства, созданием «огромных скоплений товаров» или их *непотребляемых запасов*, порождающих рынки отдельных товаров и рыночную систему, драгоценные металлы утратили свое первоначальное естественное преимущество обязательного присутствия, которым они обладали на

обменном рынке. Не могли они быть и естественной мерой стоимости при порождающем капиталистическую экономику бурном росте производительности, что предполагало рост относительных цен товаров (см. пример), в то время как сохранение стоимости золота вследствие его редкости уменьшало количество золота, обмениваемое на товар, т. е. золотые цены падали.

Развитие капиталистической экономики массового товарного производства создавало принципиально отличные по своей природе от товарных денег, кредитные деньги, порождаемые товарным кредитом, вызванным перепроизводством товаров за счет роста производительности. Реализация чистого прироста продукта в оптовой торговле осуществлялась посредством товарного кредита. Поставщик товаров получал от посредника вместо товарных денег частное долговое обязательство, заверенное властью, вексель. Развитие массового товарного производства, создание непотребляемых запасов товаров и рынков отдельных товаров сопровождалось усиленным обращением частных векселей. При этом каждая передача векселя означала переоформление долга на другое лицо, заверенное банком. Издержки по переоформлению частных векселей породили банкноты, которые выпускались не торгующими, как частные векселя, а самими банками. Банкноты представляли собой принципиально новый по своей природе вид бумажных денег, основанный не на торговле излишками товаров, как товарные деньги, а на перепроизводстве товаров и товарном кредите. Владелец банкноты являлся поставщиком товара, и его банкнота была обеспечена произведенными им товарами. В отличие от золотых товарных денег кредитные деньги основаны на перепроизводстве товаров и обозначают покупательную способность этих товаров. Кредитные деньги — деньги развитой рыночной капиталистической инновационной экономики.

Поскольку для осуществления деньгами обращения товаров в любой момент необходимо сохранять покупательную способность до этого момента, деньгам присущи и функция обращения, и функция сохранения покупательной способности, что и делает их *действительными деньгами*. Природа денег раскрывается через их основные функции — функцию обращения и сбережения покупательной способности. Деньги в равной мере должны выполнять эти независимые друг от друга функции. Совмещение этих функций придает деньгам специфическое свойство ликвидности, способности осуществлять обращение товаров в любой момент. Деньги — внутренняя естественная мера стоимости мира товаров, обладающая ликвидностью. Поэтому золото — не деньги.

В отходе капиталистической экономики от золотого стандарта проявилась *природа денег как формы развивающей общественную производительность*. Когда Кейнс утверждал, что сберегать можно, только инвестируя, он подразумевал изменение формы денег, уменьшающее предпочтение ликвидности и увеличивающее побуждение к инвестированию.

Помимо сокращения времени общего оборота капитала, для нормального циклического развития экономики необходимы относительно стабильные цены. При золотом стандарте из-за роста производительности цены невозможно стабилизировать. Это вытекает, прежде всего, из различий в изменении затрат рабочей силы при производстве товаров массового потребления и добыче золота; а также из различного с ростом общественной производительности изменения стоимостей самих товаров.

Одним из существенных преимуществ бумажных денег, свободных от золотого стандарта, является достижение соизмеримости стоимостей любых товаров увеличением количества бумажных денег в сфере обращения. Изменение количества денег, естественно, не может создать абсолютную стабильность цен, поскольку различие влияния роста общественной производительности на стоимости товаров остается. Однако изменяется характер движения цен относительно стоимостей. В течение цикла цены более стабильны и изменяются с ростом общественной производительности в сторону увеличения, что благоприятно влияет на ход инвестиционного процесса. Если цены растут, то новый капитал быстрее осуществляет общий оборот, не снижая цены, не подрывая рынок. Возникающая экономия рабочей силы направляется не на ценовую конкуренцию, а на повышение качества товаров и создание новых, более высоких, потребностей.

Чтобы обеспечивать устойчивость цен, необходимую для новых инвестиций, денежная единица не должна обладать собственной стоимостью. В этом заключается рациональный смысл отрицания нейтральности денег в экономике.

Для понимания природы современной мировой валюты необходимо уточнить, знаком чего она является, раз она не является как казначейский билет, знаком определенного количества золота, настоящих денег, которое невозможно превратить в монету в силу его малости. Для этого важно условие, при котором кредитным деньгам, первоначально представляющим собой отсрочку платежа, не требуется превращения в товарные деньги, основанные на золоте. Таким условием является полное погашение долгов по товарному кредиту. Если экономика развивается так, что выдаваемые по товарному кредиту частные

векселя (банкноты) погашаются, то обращения к товарным деньгам (золоту) не требуется. Если вместо частных векселей обращаются банкноты, полное погашение векселей означает минимальный уровень естественной инфляции в экономике. Это означает, что в основании развитой рыночной экономики лежит функциональная взаимосвязь между производством, обращением и потреблением, представляющая собой экономический оборот (рис. 1).

Рис. 1. Основной экономический оборот

Стрелки показывают процесс воспроизводства рабочей силы. При производстве товаров рабочая сила расходуется так, что создает условия воспроизводства рабочей силы. Получаемая заработная плата, составляющая в развитой экономике от 2/3 до 3/4 национального дохода, расходуется на воспроизводство рабочей силы. Воспроизведенная рабочая сила нанимается на работу на рынке труда, и оборот продолжается. Основной экономический оборот связывает производство и потребление так, что делает рыночную экономику самодостаточной, поскольку она воспроизводит расходуемую при производстве товаров рабочую силу. Этот оборот гарантирует покупательную способность мировой валюты и обосновывает доверие к ней граждан других стран. Критерием развитости национальной экономики является наличие на территории страны общего экономического оборота. На территории России такого оборота нет и, по всей видимости, не будет, поэтому рубль никогда не станет мировой валютой. В связи с этим для сохранения целостности страны при рассмотрении развития экономики важно контролировать соотношение внутренних и внешних экономических связей.

Литература

1. *Усоскин В.М.* Проблемы денег в экономической теории Запада // Харрис Л. Денежная теория. М.: Прогресс, 1990.

References

1. *Usoskin V.M.* Problemy deneg v ehkonomicheskoy teorii Zapada // Harris L. Denezhnaya teoriya. M.: Progress, 1990.

К.В. МОЛЧАНОВ

О категориальной недоопределенности стоимости

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые актуальные положения концептуального определения стоимости. Современная политическая экономия обозначила новое понимание теоретических подходов к анализу экономики и социально-экономического развития, и проблема стоимости встала как никогда остро. Современная политическая экономия углубляет и расширяет базовые теоретические представления, включая фундаментальные категории, одной из которых, несомненно, является стоимость. С одной стороны, стоимость недостаточно исследована в экономической науке. С другой стороны, стоимость является основой актуального понимания экономики и социально-экономического развития общества. В целом обсуждаемая тема обозначает следующий вывод современной политической экономии: понимание стоимости ведет к переосмыслению капитала. Этот вывод в свою очередь дает основания для изменения способов его применения и функционирования экономики. Это не меняет сути экономики и ее мотивов и целей. Наше исследование дает понимание новых экономических реалий и возможностей, включая «новые правила игры». Это, кроме того, ведет к переосмыслению и даже к новому развитию «Капитала» К. Маркса, экономической теории и даже новых представлений о социально-экономическом развитии обществ. Основным результатом исследования является выявление принципа современного определения стоимости. Он также актуален для современного понимания капитала. Результаты исследования могут быть использованы для определения путей социально-экономического развития.

Ключевые слова: современная политическая экономия, диалектика, стоимость, современное мышление.

Abstract. The article discusses some of the actual provisions of the conceptual definition of (economic) value. The modern political economy has defined the new understanding of theoretical approaches to the analysis of the economy and the socio-economic development, and the problem of value has risen more than ever. The modern political economy deepens and extends the basic theoretical concepts, including fundamental categories, one of which, certainly, is value. On the one hand, value is not studied sufficiently in economics. On the other hand, value is the basis of the current understanding of the economy and the socio-economic development of society. In general the discussed subject indicates the following conclusion of modern political economy — understanding of value leads to a rethinking of the capital. This conclusion in turn gives the basis to change the ways of its application and the functioning of the economy. This does not change the gist of economy and its motives and goals. Our research provides an understanding of the new economic realities and opportunities, including «new rules of the game». This, furthermore, leads to the rethinking and even to the new development of K.Marx's «Capital», and the economic theory, and the new comprehensions of the socio-economic development of societies. The main result of the study is to identify the principle of the contemporary definition of value. It is also important for modern understanding of a capital. The results of the study can be used to identify the ways of socio-economic development.

Keywords: the modern political economy, dialectics, (economic) value, the contemporary thinking.

Совсем не случайно, что именно сейчас, когда в *современной политической экономии* [3] происходит осмысление новых теоретических подходов к анализу экономики и социально-экономического развития, вопрос о стоимости встал как никогда остро. В отличие от экономической науки современная политическая экономия активно углубляет и расширяет базовые теоретические представления, в том числе фундаментальные категории, одной из которых, несомненно, является стоимость. При этом главным становится осмысление *самой стоимости*, или стоимости как таковой, что является принципиально важным вопросом, так как это не только, как оказалось, в науках вообще не исследовано, но и, главное, является основой актуального понимания экономики и социально-экономического развития общества, причем именно в современных кризисных условиях.

Тут следует отметить, что для настоящей статьи важно то, что актуальная тема кризисов очень тесно связана с пониманием стоимости. Недаром К. Маркс, анализируя в своем «Капитале» природу и развитие кризисов, показал, что метаморфозы форм стоимости случаются перед кризисами в особенно больших размерах. Однако выявленная Марксом *стоимостная суть предкризисной ситуации почему-то утрачена в современной экономической теории*¹. Это, несомненно, является одной из причин того, что для экономистов, финансистов и политиков кризисы наступают фактически неожиданно, хотя *стоимостной дух экономического кризиса* выходит на просторы мировой экономики много ранее формирования его *кризисного бытия*. Но объективного начала кризисов экономисты, финансисты и политики, как показала многолетняя практика, не замечают, более того, они заняты анализом субъективных показателей и отдельных фирм и корпораций, пусть и трансконтинентальных. Но не их состояние влияет на кризисы, а предкризисная ситуация влияет на капиталы, в первую очередь, на особо крупные капиталы, что уже далее создает видимость их как причин кризисов.

Вопрос стоимости, который ставится с учетом указанных положений, да и сам по себе, — это вопрос и фундаментальный и многогранный. Например, когда К. Маркс размышлял о побудительном мотиве капиталистического способа производства — о *делании денег*, он, в частности, указал следующее: «все нации с капиталистическим способом производства периодически переживают спекулятивную лихорадку, во время которой они стремятся осуществлять делание денег без посредства производства» [2, т. 24, 67]. И хотя процесс производства он назвал необходимым (злом), но желание внепроизводственного делания денег не исчезает, а даже наоборот — получает новые предпосылки и возможности в условиях современных развитых финансовых инструментов.

И если предкризисная ситуация — это один из насущных теоретических социальных вопросов, то обозначенное К. Марксом положение: «делание денег без посредства производства» — это уже *для очень многих весьма интересный и важный личный практический вопрос*. При этом в обоих случаях важнейшую роль играет понимание капитала, которое в обозначенных случаях включает *опосредства-*

¹Это произошло, возможно, из-за неизбежного появления в рассуждениях прибавочной стоимости, которую К. Маркс связал с эксплуатацией, даже упоминание которой не присуще экономической науке в капиталистических странах.

ние (на само которое К. Маркс, кстати, отдельно обратил внимание) капитала, который рассматривается на основе стоимости.

В целом же обозначенный вопрос раскрывается в таком выводе современной политической экономии: *понимание стоимости ведет к переосмыслению капитала*², что в свою очередь дает основания для изменения способов его применения, значит, для возможностей определенного *изменения функционирования капиталистической экономики*. Это не значит изменение ее сути, мотивов и целей. Это означает учет и раскрытие новых экономических реалий и возможностей, в том числе всеми уже дано обсуждаемых «новых правил игры»³. А это, в свою очередь, ведет к переосмыслению и даже к развитию и «Капитала» Маркса, и экономической теории, и представлений о социально-экономическом развитии обществ...

К. Маркс много написал о стоимости, о том, как она образуется, какие формы имеет и т. д. Это все известно и обсуждать сейчас не стоит.

Также известна базирующаяся на экономическом анализе реальных производственных ситуаций буржуазная критика многих Марксовых представлений, основанных на его понимании стоимости, и его экономической теории в целом. (Наиболее хорошо известна критика со стороны О. Бем-Баверка, в основном изложенная в его известной книге «Критика теории Маркса» [1].) В СССР буржуазная критика попросту игнорировалась или часто голословно объявлялась несостоятельной. Но она была и до сих пор так и не получила обоснованного отпора со стороны марксистов, хотя содержит много теоретически важных положений, в том числе архиважных для решения современных насущных проблем. И, для разъяснения предмета статьи, следует

²Как мы уже писали в одной из наших статей, в этом случае акцентируется указанная К. Марксом особенность капитала, которая и позволяет говорить о рассмотрении его нового аспекта, понимаемого с учетом соответствующей гегелевской фигуры умозаключения, хотя и инициированного осмыслением современной экономической действительности. При этом речь идет уже о том, что получение выгоды возводится в принцип (инструмента, средства труда, капитала), т. е. ее следует понимать не только в качестве цели (производства, сбыта) и мотива, о чем писал К. Маркс.

³Эти вопросы тесно связаны с рядом новозэкономических положений, например, с *обращенным капиталом* и с *новой экономической максимой*, рассматриваемыми в современной политической экономии и уже оглашенными нами в ряде наших работ и в выступлениях на международных научных конференциях в МГУ имени М.В. Ломоносова в 2011 — 2015 гг.

остановиться хотя бы на одном положении критики Марксовой теории, связанном со стоимостью.

В третьем томе своего грандиозного труда К. Маркс пришел к выводу о том, что «только по отношению к капиталам *одинакового органического строения*... равновеликие капиталы в равные промежутки времени дают равные прибыли» (курсив наш. — *К.М.*) [2, т. 25, ч. 1, 167]. Но ведь не исключается и то, что равновеликие капиталы неодинакового органического строения дают различную прибыль. При этом, исходя из практики, на что особенно упирала буржуазная критика (о чем подробно писал и О. Бем-Баверк), известно, что капиталы одинаковой величины, причем независимо от их органического строения, дают равную норму прибыли. Да и сам К. Маркс пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что в действительности, если оставить в стороне несущественные случайные и взаимно уничтожающиеся различия, в разных отраслях промышленности не существует различия между средними нормами прибыли, да и не может существовать его без разрушения всей системы капиталистического производства. Таким образом кажется, будто теория стоимости не согласуется с действительным движением, не согласуется с действительными явлениями производства, и что потому приходится вообще отказаться от надежды понять эти последние» [2, т. 25, ч. 1, 167]. Обнаруженное противоречие он пытался объяснить несколькими строками ниже... издержками производства, в которых «исчезает различие между переменным и постоянным капиталом». Однако если учитывать такое объяснение, то не корректно исключается посылка вопроса — органическое строение капитала — и к тому же, главное, нарушается базовое Марксово допущение о норме прибавочной стоимости, которое Марксом в данном случае почему-то упомянуто не было, хотя оно влияет на норму прибыли. Кроме того, еще в первом томе «Капитала» Маркс писал (это буржуазная критика упустила из виду), что «каждый знает, что владелец хлопчатобумажной прядильной фабрики, который в процентном отношении ко всему применяемому капиталу применяет относительно много постоянного и мало переменного капитала, не получает от этого меньше прибыли, или прибавочной стоимости, чем хозяин пекарни, который приводит в движение относительно много переменного и мало постоянного» [2, т. 23, 316]. (При этом этот очевидный факт Маркс сам определил *противоречащим* одному из положений его теории, одному из ее законов (как оказывается, в свою очередь, противоречащему практике), тоже непосредственно связанному с отношением постоянного и переменного капитала: «производимые различными капиталами массы стоимости... прямо пропорциональны величинам

переменных составных этих капиталов» [2, т. 23, 316].) То есть уже в первой трети первого тома «Капитала» обнаружилось противоречие, которое наращивалось по мере развития Марксовой теории и вылилось в вопиющее противоречие в третьем томе и в ее несоответствие практике в ряде случаев (на последнее активно обращала внимания буржуазная критика и делала свои выводы, см. также ниже). Но (несмотря на то, что приводимые буржуазной критикой данные экономической практики реальны) Маркс назвал это противоречие в первом томе «Капитала» «кажущимся» и писал о неминуемом решении «этого кажущегося противоречия», для чего, правда, «требуется еще много промежуточных звеньев». Однако, как видно из третьего тома «Капитала», решить это противоречие своей теории Маркс не смог и даже пришел к его подтверждению.

Кстати, О. Бем-Баверк в своей книге «Критика теории Маркса» проводит другие рассуждения по поводу того, что капиталы одинаковой величины, причем независимо от их органического строения, дают равную норму прибыли, и тем самым обосновывает общеизвестный критичный для Марксовой теории вывод буржуазной политической экономии о том, что *либо товары обмениваются соответственно количеству заложенного в них труда, но тогда никакого выравнивания прибыли на капитал не может быть, либо выравнивание прибыли на капитал делает невозможным обмен товаров по заложенному в них труду*, в результате чего также обнаруживается противоречие Марксовой теории, однако уже затрагивающее и базовое Марксово положение об обмене товаров на основе меновой стоимости.

Одной, только одной из причин такого состояния обозначенного вопроса, в том числе критики Марксовой теории, является положение, ранее не акцентировавшееся в экономической теории, наверное, по причине того, что оно было надежно заслонено насущными для прошедшего столетия вопросами классовой борьбы и идеологии. Однако сейчас, в эпоху глобализации и усиления экономических кризисов и негативов, вопросы экономического развития или хотя бы прекращения ухудшения мировой финансово-экономической ситуации вышли на первый план. И *более приоритетными становятся не очевидные доводы западной экономической науки, лишь только констатирующей факты, а теоретические положения, которые могут служить осмыслению социально-экономических негативов и разработке путей преодоления общеизвестной сложившейся кризисной ситуации*. Это не значит, что политические игры отошли на второй план или что практические данные не актуальны. Это значит, что на первом плане оказалось гораздо больше вопросов, чем раньше, и одним из основных из

них стал экономический, вопрос современного экономического развития, который без адекватного современного теоретического политэкономического обеспечения решить нельзя. И вот тут — при осмыслении производства и путей развития экономики — на первый план выходит стоимость. Конечно же, не одна она оказывается в первых рядах, например, кто-то может говорить и о маржиналистской *предельной полезности*. Но и стоимость выходит на первый план, так как является категорией, требуемой для фундаментального безотносительного экономического анализа и прогнозирования. А вот с ней в экономической теории как раз не все в порядке. И вопрос даже не в буржуазной критике представлений Маркса. Вопрос в недоопределенности им этой архиважной категории, что привело не только к буржуазной критике и многочисленным весьма различающимся мнениям и спорам по поводу стоимости⁴, в том числе о прибавочной стоимости. К тому же вопрос еще и в парадоксах, связанных с определением и пониманием стоимости, существенно мешающим ее применению в экономическом анализе, что, кстати, могло стать существенной причиной игнорирования этой категории в экономической науке. Например, то, что стоимость есть овеществленный труд [2, т. 23, 206], — это и все такое известно. Однако, по Марксу, труд сам по себе есть имманентная мера стоимостей [2, т. 23, 547]. Тогда, в указанном ракурсе, будучи *мерой* некоторого качества и количества стоимости, труд в диалектическом смысле *является ее положением, а не предположением*, не посылкой, что определяет противоречие Марксовых рассуждений о стоимости. (Оно возникло, быть может, потому, что Маркс, как он сам написал, перевернул диалектику [2, т. 23, 21], а полученный *перевертыш* был методологически не способен решать образовавшиеся задачи...)

Итак, дело, как оказывается, не в указанных Марксом исходных для стоимости положениях, в частности, совсем не в том, что разделение труда на два вида — абстрактный и конкретный — ничего в обсуждаемом случае не дает. Да, стоимость образуется, но при этом на первый план выходит вопрос о том, что она есть такое как таковая категориально? И вот ответа на этот вопрос Маркс почему-то не дал. При этом идеологически забитые советские науки этой темы не исследовали — была *вера* в Маркса. А буржуазные науки даже и не подходили к этой теме, как одной из основ пролетарски ориентированного «Капитала». *Вот и осталась стоимость не определенной по существу, или категориально не определенной*. Иными словами, вопросы не

⁴Например, Ю.М. Осипов предположил, что стоимость есть основной хозяйствующий субъект [5, 257].

только в образовании стоимости, в ее проявлениях и т. п., а и в ее основании тоже. Можно даже сказать, что *обсуждение обычно связываемых со стоимостью вопросов должно было быть после определения ее самой как таковой, после определения ее категориально, непосредственно, а не в зависимости от чего-то*, например от труда. В результате переиначиваются, а, быть может, даже полностью отменяются и Марксов подход, и экономический подход к стоимости, что само по себе разумно, так как они не позволили не только внятно и однозначно определить стоимость и вопросы развития производства, но и понять хотя бы в целом подход к снятию пусть лишь части вопросов, образовавшихся у буржуазных экономистов к Марксовым рассуждениям. А ведь эти вопросы выливаются и в другие вопросы, например, в споры о кризисах, которые очень актуальны для современности, но так и не осмыслены, как показывает практика...

Таким образом, *вопрос стоимости — вопрос, в первую очередь, категориальный*, т. е. он заключается не в определении наличия или образования стоимости, что составляет отдельные предметы исследований, а в самой сути стоимости и далее — в возможности ее существования. В принципе, если использовать диалектическую терминологию, то можно сказать, что вопрос сводится к *идеи стоимости*; — правда, в таком случае к мистичной самой по себе стоимости прибавляется еще и мистичная для наук диалектика как идеи вообще, так и вполне понимаемой конкретной предметной идеи (стоимости). Однако, несмотря на мистичность слов «идея стоимости» для материализма в целом, в том числе для диалектического материализма, и для наук в частности, именно они достаточно понятно обозначают обсуждаемый вопрос, возникший в современной политической экономии в связи с исследованиями стоимости, причем в первую очередь в связи с Марксовыми неопределенностями и неточностями (неоднозначностями) при ее рассмотрении. При этом этот вопрос усложняется для наук еще и а) абстрактностью его соответствующего рассмотрения (что для диалектики, наоборот, определяют положения начала его исследований, а для политической экономии — возможность применения ее метода, указанного Марксом), и б) явным парадоксальным несоответствием первичной теоретической неопределенности надлежащего, нового рассмотрения стоимости и уже имеющейся богатой конкретики эмпирического материала как приведенного самим Марксом в его грандиозном труде «Капитал», так и обсуждаемого в экономической науке (но тут вопрос не в несоответствии цифр, теоретико-экономических выводов и т. п., что обычно рассматривается в науках).

Таким образом, обозначенный вопрос состоит не в известных спорах об образовании стоимости или о стоимости и цене, которые, несомненно, интересны и важны. Обозначенный вопрос затрагивает наиболее глубинные, трансцендентные положения, которые мистичны для наук. Отсюда, кстати, следует еще один из важнейших выводов, сделанных в ходе исследований стоимости в современной политической экономии: *стоимость, как оказалось, нельзя понять без трансцендентных осмыслений и без ряда требуемых для этого диалектических категорий, которые невозможны при эмпирическом подходе и, в частности, при экономическом подходе*. Поэтому-то стоимость и не могла быть фундаментально осмыслена ни в буржуазной экономической науке, ни в советской политической экономии.

При этом не только производство, не только экономика, но и другие сферы жизни общества оказываются вовлеченными в обозначенное рассмотрение, начатое вопросом категориальности стоимости. Тут пока можно ограничиться указанием на то, что вопросы производства и сбыта касаются обеспечения жизни людей и их доходов, причем указанная К. Марксом *жажда наживы* [2, т. 23, 632] часто не ставит жизнь многих людей ни во что, и ради прибыли совершаются преступления и даже разгораются войны. Так что исследование стоимости как таковой оказывается связанным и с экономикой, и с глобальными цивилизационными вопросами, и с морально-нравственными вопросами и др. Указание на связь стоимости с морально-нравственными вопросами в целом понятно, хотя можно говорить и о том, что не стоимость, а чаяния людей приводят к тем или иным социальным процессам, о чем и писал Маркс при определении основного закона капиталистического способа производства. Но, с другой стороны, не следует забывать и о трансцендентной сфере, в которой следует понимать стоимость, причем к этой же сфере относятся... и вопросы нравственности. Так что приведенные рассуждения не только возвращаются к теоретическим вопросам и погружаются в тему претворения стоимости, но и обращаются к трансцендентной сфере, которая не только требует для своего осмысления упомянутых выше *диалектических категорий*, но и сама по себе имеет различные реальные воплощения.

Таким образом, стоимость необходимо рассматривать не только в смысле вопросов труда и производства, но и с точки зрения ее природы и вопросов опосредствования, что, быть может, и понятно, однако последовательное выделение указанных аспектов *такого* рассмотрения стоимости было осуществлено только в современной политической экономии.

И, завершая изложение статьи, еще раз подчеркнем, что К. Маркс категориально не обосновал стоимость. Он также не дал ее категориального (сущностного) определения. Это очевидное и простое по своему существу положение, хотя и имеющее крайне важное значение, действительно могло быть не замеченным на фоне классовых вопросов, будоражащих в свое время умы людей, в том числе ученых, особенно революционно настроенных или идеологически одурманенных. Но именно это положение привело к ряду существенных вопросов буржуазных экономистов по поводу Марксовых представлений об экономической практике. Было и время *веры* в марксизм, когда любая его критика в некоторых странах была попросту недопустима, что значительно затормозило развитие экономической теории и экономики этих стран...

Отсюда становится понятным, что необходимы действия по *доопределению* и даже *выправлению* понятия стоимости, причем первым из них должно быть ее категориальное определение⁵.

При этом вопросы стоимости в современных условиях не следует сводить только к организации более эффективного ведения бизнеса и к спекулятивным и другим финансовым операциям, ибо понимание стоимости важно, в первую очередь, для актуального изменения структуры национальной стоимости, развития общественного капитала

⁵При этом — при категориальном рассмотрении стоимости — обнаруживаются, кстати, группы важных положений, в экономической науке и в политологии затрагиваемых и рассматриваемых спонтанно и не на фундаментальной основе. И для более полного разъяснения предмета статьи, все же следует сказать хотя бы о двух новодialeктических представлениях, наглядно показывающих прикладной характер категориального определения стоимости, о которых мы уже писали в ряде наших статей. Так, интересны возможности стоимостного развития частного бизнеса, в первую очередь, по сравнению с конкурентами, не использующими понятия стоимости. В этом смысле категориальная определенность стоимости оказывается одним из факторов, или даже оснований, успешного частного конкурентно выигрышного предпринимательства. Также обозначаются вопросы практической экономической деятельности с учетом новоэкономических диалектических знаний, причем, прежде всего, касающихся стоимости, или об исследовании и применении актуальных и принципиально новых экономических категорий и положений, которые можно и нужно использовать в качестве знаний в экономике — о новых экономических технологиях.

и для решения вопросов максимальной нормализации экономического функционирования отдельных стран⁶.

Таким образом, обозначаются не только (1) идея нового рассмотрения стоимости и практического применения знаний о ней, но и (2) посылка *нового представления об экономическом познании*⁷, которая (3) непосредственно связана со складывающейся в современном мире *макрополитэкономической ситуацией*, исследование которой, в свою очередь, необходимо *опять начинать* со стоимости, но уже в ее новом, современном понимании, причем разворачиваемом из трансцендентной глубины, или из ее категориального определения, что приводит к осмыслению (4) принципиально новых теоретических и прикладных положений (в том числе указанных в статье).

Литература

1. *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. М.; Челябинск: Социум, 2002.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд.
3. *Молчанов К.В.* Выявление современных парадигмально-гносеологических основ политической экономии. Автореф. дис. ...канд. эконом. наук. М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003.
4. *Молчанов К.В.* Феноменология капитализма. М.: Край, 2002.
5. *Осипов Ю.М.* Очерки философии хозяйства. М.: Юрист, 2000.

References

1. *Bjom-Baverk O.* Kritika teorii Marksa. M.; Cheljabinsk, 2002.
2. *Marks K., Jengel's F.* Soch.
3. *Molchanov K.V.* Vyjavlenie sovremennyh paradigmal'no-gnoseologicheskikh osnov politicheskoy jekonomii. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. M., MGU im. M.V. Lomonosova, 2003.
4. *Molchanov K.V.* Fenomenologija kapitalizma. M., 2002.
5. *Osipov Ju.M.* Ocherki filosofii hozjajstva. M., 2000.

⁶Основы указанных положений и новодialeктической теории современного капиталистического развития нами были изложены в одной из наших монографий [4].

⁷Тут немаловажным положением является адекватное методологическое обеспечение, в том числе осмысляющее Марксовы понимание и применение диалектики (но такого в экономической теории нет, и этот вопрос был поднят и решается только в современной политической экономии).

В.В. ПАЛОЧКИНА

**Многоканальное финансирование инвестиций
в развитие человеческого потенциала в различных моделях
социального государства**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению механизма многоканального финансирования сфер развития человеческого потенциала в моделях социального государства, исследованию динамики государственных и частных социальных расходов, реализуемых в различных моделях. Показана трансформация методики измерения индекса человеческого развития как показателя готовности стран к переходу на постиндустриальную модель развития, включая влияние неравенства на человеческое развитие.

Ключевые слова: человеческий потенциал, модели социального государства, многоканальное финансирование, государственные инвестиции

Abstract. The article deals with multi-channel financing of the human development spheres in the models of the welfare state, the analysis of the public and private social spending, implemented in the various models. In the paper it is shown the transformation of method for measuring human development index, as an indicator of countries' preparedness for the transition to a post-industrial model of development, including the impact of inequality on human development.

Keywords: human potential, model of the welfare state, multi-channel financing, public investment

В условиях постиндустриального общества для достижения роста и развития страны необходимо создание условий для формирования и реализации человеческого потенциала индивидов. Задачами развития становятся обеспечение высоких стандартов благосостояния человека, повышение уровня жизни, сокращение социально-экономического неравенства, достижение лидерства в сфере инноваций и высокотехнологичных разработок и предоставление индивидам доступа к получению качественных услуг. Странами используются различные механизмы проведения политики в социально-экономической сфере, меняются модели финансового обеспечения, реализуется принцип многоканального финансирования человеческого развития при сохранении существенных объемов государственных инвестиций в сферы формирования человеческого потенциала.

Развитие человеческого потенциала требует от самого человека и всего общества значительных и возрастающих затрат, что приводит к необходимости сочетания структурных реформ с изменением финансирования в сферах его формирования. Человеческий потенциал, включающий набор характеристик человека, физических, психологических, интеллектуальных способностей индивида, систему ценностей, культурное развитие, уровень образования и квалификации, становится интенсивным фактором экономического развития. Инвестирование в человеческий потенциал индивида должно сопровождаться созданием высококвалифицированных рабочих мест, соответствующих уровню развития человеческого потенциала, что позволит индивиду реализоваться и избежать миграции высококвалифицированных кадров [2, 18]. Финансирование сфер развития человеческого потенциала осуществляется на многоканальной основе. К субъектам, заинтересованным в привлечении средств в сферу человеческого развития, относятся как государство, так и бизнес-структуры, предприятия и организации, индивиды и домашние хозяйства, некоммерческие организации. Таким образом, реализуется многосубъектный подход к финансированию, при реализации которого необходимо согласовывать негосударственные инвестиции и бюджетные ассигнования [5, 80—84].

Оценка человеческого развития и сопоставление стран производятся в мировой практике на основании индекса человеческого развития, который рассчитывается с 1990 г. на основании данных об образовании, здравоохранении и уровне жизни населения. Расчет индекса человеческого развития производится в два этапа [11, 2]. На первом этапе данные показателей переводятся в форму индексов по элементам. Для этого по каждому показателю устанавливаются минимальные и максимальные значения по выборке стран, для которых производится расчет. Таким образом, определяется значение «желательных целей», представляющее максимальное значение показателя, и «естественных нулей», которые отражают минимальное значение. Значение индекса измерения каждого элемента рассчитывается путем деления разности значения показателя в стране и минимального значения компонента для выборки на разность максимального и минимального значений. На втором этапе расчетов происходит агрегирование полученных индексов для получения индекса человеческого развития, который является средним геометрическим индексов образования, здравоохранения и уровня жизни.

Трансформация методики измерения индекса человеческого развития позволила включить в расчет индекс социально-экономического неравенства. В 2010 г. был произведен расчет индекса

человеческого развития, скорректированного с учетом социально-экономического неравенства. Для расчета используется подход к измерению с использованием меры по неравенству Аткинсона [1, 202—208], в которой параметр, характеризующий отношение общества к неравенству, принимается равным единице, что означает, что общество осознает проблему неравенства и заинтересовано в ее решении.

Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства, вычисляется как среднее геометрическое значения индексов по элементам человеческого развития, скорректированных с учетом неравенства (1)):

$$IHDI^* = (I_{Health}^* * I_{Education}^* * I_{Income}^*)^{1/3}, \quad (1)$$

где $IHDI^*$ — индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства; I_x^* — индексы человеческого развития по элементам в области здравоохранения, образования и дохода (средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, продолжительность обучения и располагаемый доход или потребление на душу населения), скорректированные с учетом неравенства.

Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства, в целом для 188 стран мира, для которых было проведено сопоставление, составил в 2014 г. 0,548, что превышает уровень 2013 г., когда индекс был равен 0,541. Величина индекса человеческого развития, рассчитанного без учета неравенства, составившая 0,711 в 2014 г., существенно выше значения индекса человеческого развития с учетом неравенства. Потери индекса человеческого развития с учетом социально-экономического неравенства, рассчитанные как относительная величина соотношения индекса без учета неравенства и индекса, скорректированного с учетом неравенства, для стран «Большой семерки» и России представлены на рис. 1.

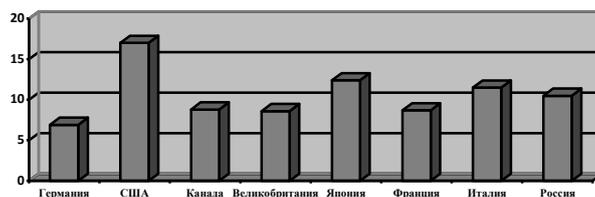

Рис. 1. Потери индекса человеческого развития с учетом неравенства в странах G7 и в России (2014), %, составлено автором по данным: [12, 216—219]

Совокупные потери индекса человеческого развития в мире с существованием неравенства составили в 2014 г. 22,8%. На совокупный уровень неравенства оказывает влияние неравенство для каждой из компонент индекса. Неравенство в ожидаемой продолжительности жизни в мире — 17,4%, неравенство в доходах — 24,0%. Наиболее существенное неравенство в мировой практике наблюдалось в образовании — 26,8%. Для стран с очень высоким уровнем человеческого развития, к которым относятся страны «Большой семерки», потери индекса человеческого развития с учетом неравенства составили 12,1%. Наиболее значительные потери в индексе человеческого развития с учетом неравенства несут США, они составляют 17,0%. В США значительно неравенство в доходах, которое равно 35,6%. В то же время неравенство в образовании и неравенство в ожидаемой продолжительности жизни значительно ниже средних мировых значений: соответственно 5,3% и 6,2%. Наименее значительные потери в странах «Большой семерки» от неравенства в Германии — 6,9%, страна занимает 6-ое место в мире по индексу человеческого развития со значением показателя 0,916. Для стран с высоким уровнем человеческого развития, к которым относится Россия, индекс человеческого развития составляет 0,798, а индекс, скорректированный с учетом неравенства, 0,714, потери же из-за неравенства соответствуют 19,4%. В России потери индекса человеческого развития, связанные с неравенством, равны 10,5%. Неравенство в доходах — наиболее существенная величина — 18,7%, неравенство в ожидаемой продолжительности жизни — 9,8%, наименее значительным является неравенство в образовании — 2,3%.

Важный фактор развития человеческого потенциала — инвестиции в социальную сферу, объемы которых в значительной мере зависят от реализуемой в стране модели социального государства. К основным моделям, предложенным Г. Эспинг-Андерсоном в 1991 г., относятся либеральная, социально-демократическая и консервативно-корпоративистская модели [10, 9 — 12]. *Либеральный тип*, основными странами-представителями которого являются США и Великобритания, характеризуется преобладанием умеренного социального страхования и небольших социальных трансфертов, оказания помощи на основании оценки нуждаемости. К *консервативно-корпоративистскому типу* были отнесены такие страны, как Франция, Германия и Италия. В этих странах степень предоставления государственной поддержки зависит от профессиональной деятельности индивида. К странам, реализующими *социально-демократическую модель*, относятся Швеция,

Финляндия, Дания. В данной модели государство является основным производителем всеобщего благосостояния и реализует принцип всеобщей солидарности. В начале XXI в. была выделена *южноевропейская модель*, а после присоединения к Европейскому союзу стран социалистического блока — *восточноевропейская модель*. В *южноевропейскую модель* входят Италия, Испания, Греция, Португалия. Данная модель характеризуется несбалансированностью социального обеспечения, некоторыми элементами реализации выборочного механизма субсидирования. К *восточноевропейской модели* относятся, такие страны, как Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, в которых проведение структурной модернизации сочетается с увеличением объемов социальной защиты населения. В настоящее время происходит процесс постепенного сближения различных моделей социального государства, под воздействие которого формируется *трансатлантическая модель социального государства* [4, 14].

Проведение социальной политики в различных моделях определяется обязательствами перед гражданами, взятыми государством, которые оказывают влияние на уровень государственных социальных расходов. Социальную поддержку могут получать пожилые люди, дети, многодетные семьи и домохозяйства с низким уровнем дохода, больные и нетрудоспособные граждане. Государственные социальные расходы осуществляются за счет бюджетных средств и контролируются государством. Частные социальные расходы могут включать частные пенсионные выплаты, социальные услуги и льготы, предоставляемые неправительственными организациями для наиболее нуждающихся групп граждан, в данном случае в частные социальные расходы не включаются расходы на образование, здравоохранение, осуществляемые индивидами из собственных средств [14, 6—7]. Во всех рассмотренных моделях существенные объемы социальных расходов осуществляются за счет бюджетных средств (рис. 2).

Наиболее существенные государственные социальные расходы осуществляются в *скандинавской модели*. *Англосаксонская модель*, нацеленная на развитие рыночных механизмов социального обеспечения, характеризуется наименьшим значением государственных социальных расходов и наибольшим значением частных социальных расходов. В южноевропейской и восточноевропейской моделях реализуются наименьшие частные социальные расходы. Минимальными значениями частных социальных расходов характеризуются такие страны, как Испания (168,7 дол. на душу населения), Словакия (237,4 дол. на душу населения) и Словения (328,5 дол. на душу населения). Наименьший разрыв между государственными и частными социаль-

ными расходами наблюдается для стран англосаксонской модели, для которых характерен низкий уровень декоммодификации, т. е. обеспечения вне рынка. Развитие рыночных механизмов в социальной сфере направлено на реализацию многоканального финансирования социальных расходов, привлечение индивидов, организаций, предпринимателей в осуществление социальных расходов.

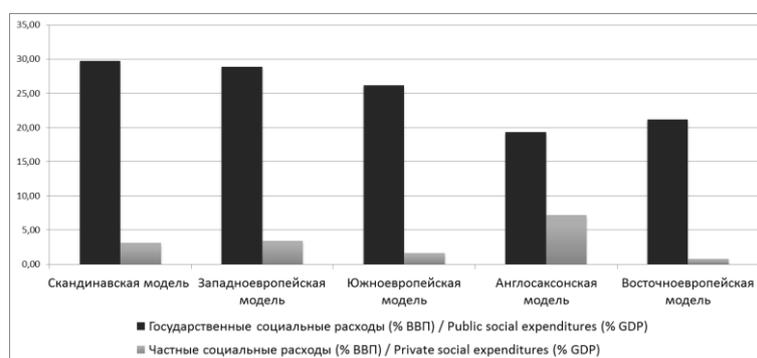

Рис. 2. Государственные и частные социальные расходы в различных моделях социального государства, % ВВП, составлено автором по данным: [13]

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. отмечается, что для перехода страны на инновационную модель развития необходима «успешная модернизация экономики и социальной сферы», реализуемая с помощью осуществления «структурной и технологической модернизация здравоохранения, образования и других отраслей социальной сферы» [3]. Реформа социальной сферы затронула как структурные переменные, так и финансирование оказания услуг в данных областях, которое нацелено на обеспечение большей автономии для учреждений в управлении средствами и повышение прозрачности предоставления бюджетных ассигнований.

Основные социальные программы, реализуемые в Российской Федерации, в рамках формирования федерального бюджета находятся в разделе «Новое качество жизни». Раздел содержит двенадцать федеральных программ, среди которых по уровню расходов федерального бюджета можно выделить программу социальной поддержки граждан, развития образования и здравоохранения. Динамика объемов бюджет-

ных ассигнований, направляемых на данные программы, связанные с человеческим развитием в Российской Федерации, представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Динамика ассигнований федерального бюджета
в сферы человеческого развития, млрд р.**

Программа	2013	2014	2015	2016	2017
Социальная поддержка граждан	925,5	1 088,7	1 161,2	1 178,1	1 257,1
Развитие образования 2013 — 2020	506,2	418,9	441,5	466,1	511,5
Развитие здравоохранения	-	357,2	260,5	262,9	263,3

Источник: составлено автором по данным: [6]

Наиболее значительные средства выделяются в рамках программы «Социальная поддержка граждан», основными задачами которой является создание условий для роста благосостояния граждан — получателей социальной поддержки и улучшения доступности социальных услуг. Планируемые ассигнования федерального бюджета в рамках данной программы составят 9472,8 млрд р. за восемь лет, в течение которых предполагается ее реализация. В рамках программы «Развитие здравоохранения» предусмотрены федеральные бюджетные ассигнования в объеме 2038,1 млрд р. Ожидаемые результаты данной программы содержат такие важные показатели для развития человеческого потенциала, как снижение смертности, увеличение ожидаемой продолжительности жизни и снижение заболеваемости. Достижение целевых значений данных показателей позволит продлить трудовую жизнь на фоне общей продолжительности жизни, а также снизить количество пропусков рабочих дней в связи с болезнью. Цель программы «Развитие образования», реализуемой в три этапа, состоит в повышении качества образования, формировании системы непрерывного об-

разования, нацеленной на развитие человеческого потенциала. Бюджетные ассигнования на данную программу составят 4134,3 млрд р. из средств федерального бюджета, из которых более 90% направлены на подпрограмму развития профессионального образования.

Показателем успешности программы «Развитие образования» может служить повышение рейтинга российских вузов в международных рейтингах мировых университетов. В рамках работы в данном направлении реализуется Программа 5-100 [7], в соответствии с которой перед вузами поставлена задача увеличения научно-исследовательского потенциала, приведения образовательных программ в соответствие с мировым уровнем, привлечения иностранных профессорско-преподавательских кадров, повышения качества образовательных услуг. На реализацию данной программы за весь период ее действия до 2020 г. предполагается выделение 60,5 млрд р. Одним из международных рейтингов высших учебных заведений, участвующих в программе, является рейтинг «Times High Education». В рейтинг лучших университетов Европы, опубликованный на сайте британского журнала «Times Higher Education», были включены пять российских вузов. МГУ имени М.В. Ломоносова находится на 79-м месте в рейтинге; во второй сотне представлены университеты, участвующие в Программе 5-100: Санкт-Петербургский политехнический университет (113-е место), Томский политехнический университет (136-е место), Казанский (Приволжский) федеральный университет (152-е место) и Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (164-е место) [15].

Повышение эффективности использования бюджетных средств осуществляется путем реализации механизма нормативно-подушевого финансирования, а также оказания государственных услуг (выполнения работ) на основании государственного (муниципального) задания. В рамках обеспечения финансово-хозяйственной самостоятельности и повышения независимости наряду с бюджетным финансированием высшего образования используется механизм создания эндаумент-фондов при высших учебных заведениях. Опыт создания эндаумент-фондов при университетах реализуется американскими и европейскими высшими учебными заведениями. Фонды финансируются за счет средств, поступающих от предприятий, организаций и частных лиц в качестве благотворительных взносов. В качестве целей деятельности фондов выступают увеличение научно-исследовательской деятельности, повышение качества оказания услуг, расширение материально-технической базы. В российской практике происходит постепенное внедрение опыта создания фондов развития. Фонд целевого капитала

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» был создан в 2007 г. с целью обеспечения опережающего развития и реализации конкурентных преимуществ университета в долгосрочном периоде [9]. Фонд управления целевым капиталом МГУ имени М.В. Ломоносова «Фонд развития МГУ» [8] был зарегистрирован 11 июня 2008 г. Средства фонда направляются на такие цели, как разработка образовательных программ нового поколения, внедрение передовых технологий в образовательный процесс, проведение научных конференций, обновление материально-технической базы и библиотечного фонда, выделение персональных грантов и именных стипендий.

Человеческий потенциал является важнейшим показателем конкурентоспособности национальной экономики в информационном обществе, определяет возможность инновационного развития страны, устойчивость экономического роста. Страны используют различные модели проведения социальной политики, которые имеют тенденцию к постепенному сближению и формированию единой модели, переходу от адресной поддержки индивидов к всеобщей поддержке посредством внедрения механизма предоставления гарантированного дохода. Привлечение средств предприятий и индивидов в сферы развития человеческого потенциала вместе с бюджетным финансированием, направленным на реализацию основных задач развития, позволяет осуществлять многоканальную модель финансирования социальной сферы. Задачами современного общества являются повышение благосостояния индивидов, снижение проблемы неравенства для повышения человеческого развития. Показатели измерения человеческого развития могут быть использованы для определения желательных масштабов финансирования программ человеческого развития, в целях структурной перестройки социальной сферы на национальном и региональном уровнях.

Литература

1. *Кадошцева С.В.* Государственные финансы: Учеб. пособ. М.: Инфра-М, 2009.
2. *Кадошцева С.В., Палочкина В.В.* Модели финансирования развития человеческого потенциала при переходе к информационному обществу // Социальная политика и социальное партнерство. 2016. № 3.
3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распо-

ряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

4. *Манахова И.В. Кадомцева С.В.*, Конвергенция моделей социального государства на новой технологической основе // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5 (59).

5. *Недоспасова О.П.* Многосубъектное инвестирование в накопление человеческого капитала: взгляд с позиций компетентностного подхода // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2014. № 1.

6. Портал государственных федеральных программ РФ // <http://programs.gov.ru>.

7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».

8. Фонд развития МГУ имени М.В. Ломоносова // <http://fund.msu.ru>.

9. Фонд целевого капитала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» // <https://endowment.hse.ru/about>.

10. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism // Published by Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1991.

11. Human Development Report 2014: Sustaining Human Progress, Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. Technical notes.

12. Human Development Report 2015: Work for Human Development. Published for the United Nations Development Programme. 2015.

13. Social Expenditure Update-Social Spending is Falling in Some Countries, but in many Others It Remains at Historically High Levels (November 2014). Report. OECD 2014.

14. OECD Social Expenditure Database // <http://stats.oecd.org>.

15. Times High Education Best Universities in Europe 2016 // <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/best-universities-in-europe-2016>.

References

1. *Kadomceva S.V.* Gosudarstvennye finansy: Ucheb. posob. M., 2009.

2. *Kadomceva S.V., Palochkina V.V.* Modeli finansirovaniya razvitiya chelovecheskogo potenciala pri perekhode k informacionnomu obshchestvu // Social'naya politika i social'noe partnerstvo. 2016. № 3.

3. Konceptiya dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda, utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r.

4. *Manahova I.V.*, *Kadomceva S.V.*, Konvergenciya modelej social'nogo gosudarstva na novej tekhnologicheskoy osnove // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ehkonomicheskogo universiteta. 2015. № 5 (59).

5. *Nedospasova O.P.* Mnogosub"ektnoe investirovanie v nakoplenie chelovecheskogo kapitala: vzglyad s pozicij kompetentnostnogo podhoda // Vestnik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk. 2014. № 1.

6. Portal gosudarstvennyh federal'nyh programm RF // <http://programs.gov.ru>.

7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maya 2012 g. № 599 «O merah po realizacii gosudarstvennoj politiki v oblasti obrazovaniya i nauki».

8. Fond razvitiya MGU imeni M.V. Lomonosova // <http://fund.msu.ru>.

9. Fond celevogo kapitala Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ehkonomiki» // <https://endowment.hse.ru/about>.

10. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism // Published by Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1991.

11. Human Development Report 2014: Sustaining Human Progress, Reducing Vulnerabilities and Building Resilience. Technical notes.

12. Human Development Report 2015: Work for Human Development. Published for the United Nations Development Programme. 2015.

13. Social Expenditure Update-Social Spending is Falling in Some Countries, but in many Others It Remains at Historically High Levels (November 2014). Report. OECD 2014.

14. OECD Social Expenditure Database // <http://stats.oecd.org>.

15. Times High Education Best Universities in Europe 2016 // <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/best-universities-in-europe-2016>.

А.М. ЦИКИН

**Особенности обеспечения конкурентоспособности
национальной экономики в условиях
санкционного режима**

Аннотация. В работе проанализированы особенности обеспечения конкурентоспособности национальной экономики в условиях ограничения доступа к мировым финансовым ресурсам и передовым технологиям зарубежных стран. Систематизированы введенные со стороны ведущих мировых экономик санкции против России и обозначены возможные эффекты от их применения. Предложены направления повышения конкурентоспособности национальной экономики путем развития импортозамещающих отраслей народного хозяйства. Результаты работы рассмотрены для газовой промышленности Российской Федерации.

Ключевые слова: конкурентоспособность национальной экономики, санкционный режим, газовая промышленность.

Abstract. This paper analyzes the characteristics of ensuring the national economy competitiveness in conditions of restricting access to the world's financial resources and advanced technologies of foreign countries. The sanctions imposed by the world's leading economies against Russia are systematized and the possible effects of their use are defined. Directions of improving the national economy competitiveness through the development of import-substituting industries are suggested. The results are considered for the gas industry of the Russian Federation.

Keywords: national economy competitiveness, sanctions regime, gas industry.

Современная экономическая ситуация характеризуется значительными вызовами конкурентоспособности национальной экономики России и экономики отдельных отраслей промышленности. Наибольшие угрозы связаны с изменением цен на нефть, следствием которого стало значительное ослабление национальной валюты и рост инфляции, и введенными в отношении России санкциями со стороны ведущих мировых экономик: США, стран Евросоюза и некоторых других стран — партнеров США и Евросоюза. В связи с этим очевидна необ-

ходимость обеспечения конкурентоспособности национальной экономики с учетом введенных против России ограничений.

Основные негативные последствия наложенных против России санкций для конкурентоспособности национальной экономики сосредоточены в запрете доступа к источникам кредитных ресурсов для отечественных компаний и передовым иностранным технологиям, оборудованию и материалам. В газовой промышленности санкции затронули практически всю российскую газодобычу [4]. Основные введенные ограничения связаны с поставками оборудования для разработки глубоководных месторождений, а также на арктическом шельфе. Следует отметить, что правительство США предпринимает меры для ограничения поставок таких услуг и технологий даже через компании являющиеся посредниками, но не резидентами США или стран Евросоюза [1].

Российская газовая отрасль оказалась практически не готова к введению подобных ограничений. Во многих областях сложилась высокая зависимость от импортных объектов, в частности, большая доля импортного оборудования используется в узлах учета, ИТ-оборудовании и программном обеспечении, поточном аналитическом и калибровочном оборудовании, оборудовании и средствах связи. Основными причинами увеличения доли импортных объектов на предприятиях отечественной газовой отрасли являлись утрата промышленного и научного потенциала в конце XX в., неготовность машиностроительной промышленности к освоению современных технологий, отсутствие заинтересованности в металлургии и других отраслях в производстве новых материалов. Попадание критичного для технологического процесса оборудования в список санкционного создает угрозу осуществлению основной производственной деятельности газовых компаний и может повлечь фактическую остановку добычи, транспорта и переработки газа.

Несмотря на то, что введенные санкции существенно снижают конкурентоспособность отечественной газовой отрасли, они могут ускорить развитие импортозамещающих отраслей народного хозяйства. Ускоренный их рост должен компенсировать падение конкурентоспособности попавших под санкции отраслей и стать локомотивом развития национальной экономики в целом. Для этого процесса существуют все предпосылки. В частности, крупнейший российский производитель и экспортер газа ПАО «Газпром» принимает существенные меры по минимизации импортных закупок и созданию преференций отечественным производителям. Недавно компания внедрила новую схему сотрудничества с российскими поставщиками. Речь идет о взаи-

модействии на основе долгосрочных договоров, которые предусматривают организацию серийного производства импортозамещающей продукции под гарантированные объемы закупок будущих лет и расширенную гарантию со сроком, превышающим гарантию на импортные аналоги [2].

Ускоренное развитие импортозамещающих отраслей необходимо стимулировать за счет активизации отечественной прикладной науки, развития инжиниринговых центров, подготовки кадров необходимой квалификации, кооперации разработчиков и потребителей НИОКР. Для реализаций этих подходов и повышения конкурентоспособности национальной экономики в России принят ряд программ, в том числе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» [3, 49], «Экономическое развитие и инновационная экономика» [3, 46], «Развитие внешнеэкономической деятельности» [3, 75] и «Развитие образования» [3, 11].

Таким образом, обеспечение конкурентоспособности национальной экономики должно базироваться на ускоренном развитии импортозамещающих отраслей. Необходимо отметить также необходимость реализации уже подписанных контрактов с зарубежными партнерами, не вводившими санкции, и заключения новых договоров. Развитие и поддержка в рамках таких организаций, как БРИКС, ШОС и ЕАЭС, будут дополнительной поддержкой в условиях санкций со стороны западных стран. Изменившаяся государственная политика в области поддержки отечественных производителей позволяет надеяться на обеспечение конкурентоспособности национальной экономики и экономический рост в условиях санкционного режима.

Литература

1. Владимир Оленченко: Европейское предназначение антироссийских санкций // Официальный сайт информационного агентства «REGNUM», 1999—2015 // URL: <http://regnum.ru/news/polit/1801227.html> (дата обращения: 14.10.2015).
2. «Газпром» продолжит сокращение доли импортной продукции в закупках // Официальный сайт ПАО «Газпром», 2003—2015. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2015/october/article/249332/> (дата обращения: 15.10.2015).
3. Информация по итогам экспертизы государственных программ Российской Федерации // Официальный сайт счетной палаты Российской Федерации, 2015 // URL: <http://www.ach.gov.ru/upload/uf/>

48d/48dc10e1cd66a78f8a212f03eb96a0c0.pdf#5 (дата обращения: 20.10.2015).

4. Санкции США ударили по 90% российских нефтегазовых компаний // Официальный сайт информационного агентства «РосБизнесКонсалтинг», 1995—2015 // URL: <http://www.rbc.ru/economics/12/09/2014/948761.shtml> (дата обращения: 12.10.2015).

References

1. Vladimir Olenchenko: Evropejskoe prednaznachenie anti-rossijskih sankcij // Official website of «REGNUM» information agency, 1999—2015. URL: <http://regnum.ru/news/polit/1801227.html> (use date: 14.10.2015).

2. «Gazprom» prodolzhit sokrashhenie doli importnoj produkcii v zakupkah // Official website of PJSC «Gazprom», 2003—2015. URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2015/october/article249332/> (use date: 15.10.2015).

3. Informacija po itogam jekspertizy gosudarstvennyh programm Rossijskoj Federacii // Official website of the Accounts Chamber of the Russian Federation, 2015. URL: <http://www.ach.gov.ru/upload/uf/48d/48dc10e1cd66a78f8a212f03eb96a0c0.pdf#5> (use date: 20.10.2015).

4. Sankcii SShA udarili po 90% rossijskih neftegazovyh kompanij // Official website of «RosBusinessConsulting» information agency, 1995—2015. URL: <http://www.rbc.ru/economics/12/09/2014/948761.shtml> (use date: 12.10.2015).

Е.В. КОНОВАЛОВА, В.В. МАТЕРШЕВА, В.В. ЧЕКМАРЕВ

Семейный капитал как экономическая категория

Аннотация. В статье предложено обоснование развития методологии экономического анализа в рамках экономической теории семьи как раздела общей экономической теории. Раскрыта сущность категории «семейный капитал», аргументировано повышение качества исследований проблематики экономической теории семьи. Обоснована роль образования в формировании семейного капитала. Семейный капитал рассмотрен как категория экономической теории семьи и экономической теории образования.

Ключевые слова: экономическая теория семьи, методология экономического исследования, институт семьи, семейный капитал, социальный капитал, человеческий капитал, экономическая теория образования.

Abstract. The article prompted study of the methodology of economic analysis in the framework of the economic theory of the family as a section of the general economic theory. The essence of «family capital» category, argued to improve the quality of research of economic theory family issues. Substantiates the role of education in the formation of family capital. Family capital is considered as a category of the family's economic theory and economic theory of education.

Keywords: economic theory of the family, the methodology of the economic research institute of the family, family capital, social capital, human capital, economics of education.

Капитал как экономическое понятие по мере развития хозяйственных процессов и явлений стал трактоваться расширительно. В экономической теории капиталом называют все то, что приносит доход. Расширительное понимание содержания понятия «капитал» стало источником идентификации различных типов капитала, например: финансовый, человеческий, социальный, интеллектуальный, культурный и другие типы и виды капитала [1; 3; 5]. В силу определения семьи как объекта нашего исследования и субъекта экономических отношений, как уровня экономического анализа полагаем продуктивным рассмотрение такого вида капитала, как семейный капитал. Наше видение базируется теоретически на использовании пространственного подхода, а методологически на использовании системного и институционального анализа.

Исходя из вышеизложенного, представляется возможным рассмотреть семейный капитал не только как понятие экономической науки, но и как экономическую категорию. Предложим свое понимание сущности категории «семейный капитал». Полагаем, что экономическая категория «семейный капитал» с позиций новой политической экономии — это отношения, которые возникают как внутри семьи, так и семьи с иными хозяйствующими субъектами по поводу реализации экономических интересов. Использование семейного капитала как экономической категории при анализе явлений и процессов на микроуровне (экономика семьи), а также на макроуровне с использованием междисциплинарного подхода (социология семьи, демографические проблемы, формирование трудовых ресурсов и прочее) расширяет

возможности экономического анализа и прогнозирования долгосрочных состояний экономики с помощью логических операций и математических методов (топология). Так, например, проблемы инновационной деятельности в сфере образования традиционно сводятся всего лишь к изменению образовательных технологий (нам не известны публикации, в которых бы проблемы инновационного образования начинались на уровне экономики семьи). В то же время в современных условиях роль семьи не сводится только к функции воспитания и/или просвещения. Можно полагать, что при наличии семейного капитала ситуация значительно изменяется в направлении повышения социально-экономической роли семьи в обществе. Экономике семьи следует рассматривать и как особую сферу общественного воспроизводства, имеющую фазы производства, распределения, обмена и потребления части совокупного общественного продукта, и как сферу социальной деятельности и семейных отношений на различных территориально-пространственных уровнях экономической, социальной и культурно-нравственной жизни человека.

Переосмысление роли и места семьи, семейного капитала как отношений общественного воспроизводства, воспроизводства человеческого потенциала происходит с учетом общего тренда эволюции современного общества в сторону социально-ориентированного и в то же время инновационного, основанного на знаниях. Предлагаемый подход позволяет выделить исследование института семьи в число приоритетных в современной экономической науке. В контексте такой постановки вопроса вполне объяснимым и закономерным стало выдвижение института семьи в качестве предмета, а семейных ресурсов — объекта экономической теории семьи.

Экономическая теория семьи формирует свой категориальный аппарат и методологию экономического исследования [4]. Переплетение и использование таких понятий, как человеческий капитал, семейный капитал, человеческий потенциал, семейный ресурс, дают понимание области проблемы, определяют ее теоретическую глубину и социальную значимость, однако не дают четкого видения сущности и всей структуры семейного капитала как экономической категории [5; 8].

Хотя понятие «семейный капитал» в экономической науке сегодня не новое, детальное изучение сущности и структуры семейного капитала позволяет выявить его роль и функции в воспроизводстве человеческого капитала семьи и человеческого капитала на национальном уровне, т. е. общества в целом. Такой подход также приводит к определению взаимосвязи между различными видами капитала се-

мы: человеческого, социального, культурного, что дает возможность идентифицировать зависимость социально-экономических характеристик ресурсов семьи от институциональных барьеров. Понятие «семейный капитал» рассматривал Дж. Коулман. Согласно его концепции, семейный капитал представляет собой разные виды ресурсов родителей: доходы семьи, образование родителей, социальный и культурный капитал семьи [3]. Понятие «семейный капитал» используют и наши отечественные экономисты. Я.М. Рощина, Д.С. Попов, Ю.А. Тюменева, Г.С. Ларина [7; 8] рассматривают семейный капитал как важнейший ресурс и фактор образовательных возможностей детей и самих родителей.

На наш взгляд, семейный капитал необходимо рассматривать отдельно на микро- и макроуровне. В рамках ресурсного подхода семейный капитал — ресурс не только семьи, но и общества, он приводит к повышению уровня благосостояния, имея ценность с позиции решения экономических проблем. Так, благодаря семейному капиталу как экономическому ресурсу можно решить проблему инвестирования в образование детей семей разных возможностей.

Рассмотрим подробнее все составляющие семейного капитала как экономической категории.

Отметим, что экономический (материальный) капитал семьи включает в себя все виды доходов семьи: факторные, трансфертные платежи, теневые доходы. Совокупный доход, который в отечественной практике является основным показателем материальной обеспеченности семьи, включает все виды денежных доходов, а также стоимость натуральных поступлений, полученных от личного подсобного хозяйства. Реальные денежные доходы семьи являются важнейшим обобщающим показателем уровня жизни семьи, в большей мере характеризующим изменение потребительских возможностей семьи, т. е. ее фактического материального положения. В современной России существуют большие различия между семьями как по размерам доходов, так и по характеру их источников. В анализе доходов и их источников приходится учитывать наряду с легальными и нелегальные доходы.

В России наблюдается своя специфика факторов, вызывающих неравенство доходов. Во-первых, при ограниченной мобильности трудовых ресурсов сохраняется значительная межрегиональная дифференциация доходов. Во-вторых, весьма существенна и продолжает увеличиваться межотраслевая дифференциация заработной платы. В-третьих, в структуре доходов семьи зачастую значительна доля случайных заработков, разного рода частных услуг. Источники таких до-

ходов отличаются неустойчивостью и нередко связаны с риском. Неравномерность поступления доходов придает семейной экономике характер дискретности, неупорядоченности [4].

Экономический капитал семьи характеризуется также уровнем материальной обеспеченности: наличием (и размером) жилплощади (своей комнаты у каждого члена семьи) и других объектов собственной недвижимости, бытовой техники, персонального компьютера, выхода в интернет и обучающих компьютерных программ. Все это позволяет сделать вывод, что экономический капитал семьи — основа всех других видов капитала, так как обеспечивает непосредственный доступ без каких-либо вторичных затрат к большинству благ (товаров и услуг). Однако есть блага, которые семья может получить только при посредстве человеческого и социального капитала, долгосрочных инвестиций в образование, общение.

В современной экономической науке имеют место противоположные взгляды на функционирование капитала и превращение одного его вида в другие. На одной стороне представители так называемого экономизма, рассматривающие капитал как исключительно стоимостную категорию и поэтому игнорирующие различные виды капитала, на другой — представители семиологизма, отрицающие жесткий факт универсального сведения всех форм капитала к экономическому основанию.

Исследование человеческого капитала имеет достаточно большую историю, прочный научный статус не только в экономической теории, но и, что не менее значимо, в экономической теории семьи и экономической теории образования.

Традиционно под человеческим капиталом понимают совокупность знаний, умений, навыков и мотиваций, которые, являясь результатом инвестиций, приводят к росту производительности труда и доходов в будущем. Инвестиции в человеческий капитал должны не просто дать отдачу — но она должна быть выше ожидаемых издержек, только тогда семья примет положительное решение об инвестициях в образование членов семьи. Возможности инвестирования ограничиваются имеющимися семейными ресурсами, и в первую очередь материальным капиталом. Уровень доходов семьи положительно связан с инвестициями в образование детей и их достижения, а количество детей в домохозяйстве — отрицательно. Высокий человеческий капитал самих родителей позволяет им больше знаний и навыков передать детям, что при прочих равных условиях способствует более высокой успеваемости. «Более высокие заработки более образованных людей связаны не только с их более высокой формальной подготовкой (фор-

мальное образование), но и с тем, что в детстве родители уделяли им больше времени и внимания» [3, 23]. Современная теория человеческого капитала, базирующаяся на достижениях множества смежных наук, рассматривает человеческий капитал в широком смысле: как интенсивный производительный фактор развития семьи и общества. «Приумножение человеческого капитала, то есть сохранение нации, напрямую связано с мерами по гуманизации экономических процессов. Неконтролируемое, в гуманитарном смысле, развитие экономических процессов может привести к конфликту человеческого капитала и человеческого потенциала» [9, 80].

Положительными факторами образовательных возможностей также является социальный и культурный капитал семьи [8].

Понятие «социальный капитал» детально рассмотрено как зарубежными, так и российскими экономистами и социологами. Согласно концепции П. Бурдье, «социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала, “репутации”, позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [2, 66]. Д. Коулман интегрировал концепцию социального капитала в русло экономической трактовки экономического поведения и социального действия. Более того, Коулманом была разработана концепция «кредита добрых дел», суть которой заключается не в количестве, а качестве отношений и связей. Необходимо особенно отметить, что наиболее высокий социальный капитал формируется в тех группах, где больше степень доверия и уважения друг другу [5]. Таким образом, социальный капитал формируется в первую очередь в семье. С этой точки зрения именно семья в наибольшей степени способствует накоплению социального капитала и формированию ментальных моделей поведения. Процесс получения образования также способствует накоплению социального капитала. Образование является не столько накоплением определенного количества информации, сколько усвоением норм и правил социального взаимодействия. При прочих равных условиях семья в состоянии произвести больше, если ее члены доверяют друг другу и имеют общие ценностные установки. Рост доверия в семье способствует и росту институциональных возможностей, и росту человеческого капитала всех членов семьи.

Анализ основных работ, посвященных изучению взаимосвязи человеческого, социального капитала позволяет прийти к выводу, что

семьи делают вложения в социальный капитал, ожидая определенной компенсации. В экономической литературе мало обсуждается вопрос участия социального капитала в воспроизводстве и реализации человеческого капитала. Экономисты западных стран изучают социальный капитал в основном с точки зрения положительного влияния на экономический рост, оставляя без внимания семейный аспект, а возможность получения высоких доходов зависит не только от уровня человеческого капитала, но и от вовлеченности семьи в социальные сети. Социальный капитал как семейные, дружественные, родственные и другие связи обеспечивает доступность ресурсов, принадлежащих другим агентам, а также более эффективное использование собственных ресурсов с их помощью. Социальный капитал является формой капитала, который способен накапливаться и самовоспроизводиться, имеет ликвидность и обеспечивает рост совокупного капитала.

Исследуя различные формы капитала, П. Бурдье определяет культурный капитал в трех основных видах: инкорпорированном, объективированном и институционализированном. Согласно его концепции, инкорпорированный связан с культурой и знаниями самого человека, объективированный воплощен в так называемых культурных товарах, т. е. объективирован в натуральной форме, в предметах и средствах, институционализированный представлен в форме академических квалификаций [2]. Накопление культурного капитала детей начинается и формируется в семье с уже имеющимся инкорпорированным (культура, знания, умения, навыки, способности родителей) и объективированным семейным капиталом. Поэтому передача культурного капитала является наиболее скрытой формой передачи капитала по наследству и, следовательно, приобретает пропорционально больший вес в системе стратегии воспроизводства, прямые видимые формы передачи капитала более тщательно отслеживаются и контролируются [2]. Количественный и качественный рост культурного капитала во всех его видах усиливает возможности семьи на образовательное воздействие детей, что свидетельствует о том, что объем инвестиций становится более производительным.

Можно выделить следующие факторы, влияющие на объем семейного капитала:

- территориальный: сельская местность или город, областной или районный центр, крупный город;
- занятость родителей и старших членов семьи: наличие или отсутствие места работы, характеристика места работы, должность, опыт и заслуги, наличие своего бизнеса, возможности повышения квалификации и переподготовки;

- доходы семьи: уровень заработной платы, доходы от собственности, семейная рента, трансферты и др.;
 - институциональные: тип внутрисемейных отношений, связи семьи и нормы доверия, традиции и обычаи, институциональные барьеры;
 - демографический фактор: состав семьи, возраст родителей, количество детей, стадия жизненного цикла семьи;
 - риски, связанные с экономической и политической ситуацией, уровень криминогенной обстановки;
 - образ жизни: состояние здоровья членов семьи, организация семейного отдыха;
- Функции семейного капитала:
- инвестиционная;
 - экзистенциальная — деторождение и социализация;
 - воспроизводство, реализация и сохранение человеческого капитала.

Обобщая имеющийся накопленный опыт исследования по различным типам и видам капитала, можно сделать следующие выводы: необходимо интегрировать различные подходы к интерпретации природы семейного капитала как экономической категории; определить место концепции семейного капитала в экономической теории семьи и экономической теории образования; сформулировать концепцию структуры семейного капитала и его функционирования в системе экономического взаимодействия; очертить возможность дифференцировать различные виды семейного капитала в зависимости от их способности к воспроизводству.

Литература

1. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. *Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5.
3. *Капелюшников Р.И.* Сколько стоит человеческий капитал России?: препринт WP3/2012/06 [текст] / Р.И. Капелюшников; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М., 2012.
4. *Колесов В.П., Коновалова Е.В., Чекмарев В.В.* Экономическая теория семьи. М.: ИНФА-М, 2010.
5. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

6. *Маилян Ф.М.* Роль социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. 2012. № 1(17).

7. *Попов Д.С., Тюменева Ю.А., Ларина Г.С.* Жизнь после девятого класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории? На материалах лонгитюдного исследования // Вопросы образования. 2013. № 4.

8. *Рощина Я.М.* Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1.

9. *Харлов М.А.* Роль профессионального образования в развитии человеческого капитала малого города: результаты исследования // Инновации в образовании. 2012. № 5.

Referenses

1. *Bekker G.* Chelovecheskoe povedenie: jekonomicheskij podhod. Izbrannyye trudy po jekonomicheskoy teorii. M.: GU VShJe, 2003.

2. *Burd'e P.* Formy kapitala // Jekonomicheskaja sociologija. 2002. T. 3. № 5.

3. *Kapeljushnikov R.I.* Skol'ko stoit chelovecheskij kapital Rossii?: preprint WPZ/2012/06 [tekst] / R.I. Kapeljushnikov; Nac. issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M., 2012.

4. *Kolesov V.P., Konovalova E.V., Chekmarev V.V.* Jekonomicheskaja teorija sem'i. M.: INFA-M, 2010.

5. *Koulman Dzh.* Kapital social'nyj i chelovecheskij // Obshhestvennyye nauki i sovremennost'. 2001. № 3.

6. *Mailjan F.M.* Rol' social'nogo kapitala v processe formirovanija i realizacii chelovecheskgo kapitala // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Jekonomika. 2012. № 1(17).

7. *Popov D.S., Tjumeneva Ju.A., Larina G.S.* Zhizn' posle devjatogo klassa: kak lichnye dostizhenija uchashhihsja i resursy ih semej vlijajut na zhiznennye traektorii? Na materialah longitjudnogo issledovanija // Voprosy obrazovanija. 2013. № 4.

8. *Roshhina Ja.M.* Semejnyj kapital kak faktor obrazovatel'nyh vozmozhnostej rossijskih shkol'nikov // Voprosy obrazovanija. 2012. № 1.

9. *Harlov M.A.* Rol' professional'nogo obrazovanija v razvitii chelovecheskogo kapitala malogo goroda: rezul'taty issledovanija // Innovacii v obrazovanii. 2012. № 5.

Л.Ю. МАТИЧ, М.А. КЛУБОВА

Идеи маркетинга от Т. Мальтуса до Т. Веблена

Аннотация. Выявление и изменение вкусов потребителей, сегментирование рынков, адресная реклама являются элементами современной маркетинговой политики практически каждой компании. Основы маркетинга были заложены еще в 1950-х гг., когда адаптация спроса к увеличившемуся в результате технологического прогресса предложению стала необходимым условием экономического роста. В данной статье проанализированы идеи о необходимости учета социальных и индивидуальных факторов при управлении спросом, выдвинутые Т. Мальтусом и Т. Вебленом. Такие идеи оказали значительное влияние на формирование основ современного маркетинга.

Ключевые слова: маркетинг, факторы потребления, спрос, экономический рост, поведение потребителя, поведенческое потребление.

Abstract. Identifying and changing tastes of customers, market segmentation, targeted ads are the basis of modern marketing policy of every company. Marketing basics were laid in the 50-ies of XX century. When the problem of adapting demand increased as a result of technological progress the proposal has become a necessary condition for economic growth. The article identifies Malthus and Veblen ideas about the necessity of consideration of social and individual factors in managing demand. Such ideas had a significant influence on the modern marketing development.

Keywords: marketing, consumption and factors, demand, economic growth, behavioral consumption.

В современном мире компании активно изучают потребительский спрос, используя различные техники и методики сбора и анализа информации (социологические опросы, кабинетные исследования, мозговой штурм, SWOT- и STEP-анализ, матрицы BCG и Ансоффа и др.). Анализ рыночных возможностей, определение целевых рынков, их сегментирование и маркетинговая политика позволяют выявить именно те характеристики товаров, которые наиболее востребованы потенциальными потребителями.

Произошедшие в начале 1950-х гг. ускорение научно-технического развития и увеличение возможностей массового производства привели к превышению объемов предложения товаров над их спросом, что вызвало рост интереса к различным научным направле-

ниям и экономическим школам, исследующим проблемы частного и общественного потребления (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс, Е. Бем-Баверк, У. Джевонс, Дж. Кейнс, Х. Лейбенштайн и др.). В результате систематизации и обобщения накопленных экономических знаний о рыночных процессах произошло формирование научно-практической теории маркетинга, под которым в настоящее время понимается один из видов деятельности, направленной на удовлетворение нужд и потребностей, посредством обмена, осуществляемого на рынке [1].

Идеи о том, на что ориентироваться при формировании маркетинговой политики и стимулировании спроса и чему уделять первостепенное внимание, можно найти в трудах многих экономистов. При этом еще Томас Мальтус (1766—1834) и Торстейн Веблен (1857—1929), исследуя макроэкономические аспекты — экономический рост, проблемы реализации товаров, общественное устройство и социальные классы, — пришли к выводам относительно наиболее признаваемых в современном маркетинге факторов, определяющих спрос.

Целью статьи является выявление основных идей Т. Мальтуса и Т. Веблена, оказавших значительное влияние на формирование основ маркетинга.

Роль спроса в экономическом росте

В истории экономической мысли имя Т. Мальтуса связано, прежде всего, с выдвинутой им теорией народонаселения («Опыт о законе народонаселения» [7]). Между тем, будучи классическим экономистом, Мальтус в своих работах уделял большое внимание маркетинговым и рыночным процессам, привнеся ряд конструктивных идей в развитие данных дисциплин. Так же как А. Смита называют «отцом экономической мысли», Т. Мальтуса можно назвать «отцом маркетинговой мысли» [5] благодаря его предположениям, которые являются ключевыми элементами современного маркетинга, а именно:

- увеличение предложения не означает автоматического увеличения спроса, а значит, спрос нуждается в адаптации под изменяющееся предложение;
- психологические факторы оказывают влияние на поведение потребителей.

Т. Мальтус, в отличие от Д. Рикардо, опровергал закон, сформулированный Ж.-Б. Сэем, в соответствии с которым при производстве и продаже любого товара автоматически создается и распределяется доход, в точности достаточный для покупки этого товара, а предложение выступает в роли главного двигателя экономического роста.

Ж.-Б. Сэй и Д. Рикардо признавали главенствующую роль предложения в экономическом росте, Т. Мальтуса же, наоборот, больше интересовал агрегированный спрос и факторы, влияющие на него. По его мнению, спрос как показатель экономической активности не должен рассматриваться как нечто второстепенное и менее значимое, а наоборот, его следует активно подвергать анализу [5, 167]. Данный постулат Мальтуса о значимости спроса является наиболее важным вкладом в развитие маркетинговых дисциплин, поскольку одной из ключевых задач маркетинга является «...воздействие на уровень, время и характер спроса...» [1].

Т. Мальтус, как и Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй и Д. Милль, признавал значимость четырех факторов, обеспечивающих устойчивый экономический рост (высокий уровень сбережений и накопления капитала, рост численности населения, владение плодородными землями и изобилие природных ресурсов, высокий уровень трудосберегающих инвестиций). Между тем Мальтус выделил еще один необходимый фактор экономического роста — соблюдение баланса. Поскольку совокупный спрос, по Мальтусу, при прочих равных является фиксированным (в том числе ввиду психологических причин, так называемой приверженности к привычному, «легкому» потреблению — «*indolence*») и при отсутствии стимулирования его роста наличие вышеперечисленных факторов не только не приведет к экономическому росту, но и не будет способствовать перепроизводству и перенакоплению, поскольку достигшие определенного уровня комфорта и удовлетворения своих нужд потребители не станут приобретать произведенные и выпущенные на рынок товары. Как следствие, окажется не столь важным, сколькими природными ресурсами владеет страна [5, 167].

Таким образом, опровергая закон Ж.-Б. Сэя, Мальтус объяснил и показал высокую значимость маркетинга как науки, исследующей возможности по адаптации спроса к предложению. Возросший спрос способствует увеличению ценности и стоимости выпущенных товаров, а значит, и воплощенного в них труда. Задачей маркетинга как раз является управление спросом путем изменения факторов, влияющих на него, в том числе шкалы ценностей — от «*indolence*» к предпочтению товаров более качественных, товаров роскоши [5, 171].

Основная критика Т. Мальтуса в адрес рикарданской теории также заключалась в том, что последняя акцентирует внимание на взаимосвязи между товарами и не придает должного значения связям между товарами и потребителями [8, 316—317]. Он также отмечал, что

несоответствующие желаниям потребителей товары, выпущенные на рынок, не будут приобретены.

Т. Мальтус исследовал факторы и условия, стимулирующие потребление. В качестве наиболее значимого он выделял психологический аспект. Приверженность привычкам, традициям и неизменность вкусов свойственны индивидуумам, которые предпочитают привычное потребление («indolence») приобретению дополнительных, новых, незнакомых им товаров, в том числе товаров роскоши. Приверженность привычному потреблению в наибольшей степени распространена на ранних стадиях развития общества, но все-таки не является редкостью и для наиболее развитых государств [8, 334].

Мальтус, не ставя задачи определения конкретных способов стимулирования спроса, обозначил следующие ключевые факторы, влияющие на изменение спроса [5, 172]:

- производство и предложение наиболее желаемых и привлекательных для потребителей товаров;
- стимулирование потребителей к труду, позволяющему им приобретать такие наиболее желаемые товары;
- изменение вкусов и привычек людей, их предпочтений.

**Факторы, влияющие на выбор потребителей:
управление потреблением**

Т. Мальтус показал возможность и роль адаптации общего спроса к предложению. По его мнению, индивидуальный выбор и личное потребление влияют на конкретные параметры агрегированного спроса (объемы и структуру). Многих философов и историков экономической мысли интересовал вопрос о том, чем руководствуются потребители при осуществлении выбора предлагаемых им товаров. Некоторые из них включали в свой анализ лишь экономические факторы, такие как максимизация функции полезности, следование личному интересу (П. Самуэльсон, Х. Хаутэккер, М. Рихтер, А. Сен); другие учитывали значимость и психологического аспекта (А. Смит, К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Эджуорт, Дж.М. Кейнс) [2].

В ходе исследования проблем потребления, как правило, анализ человеческого выбора связан с исследованием роли таких понятий, как «удовольствие», «страдание», «полезность», «польза», социальные и культурные ограничители. Например, в гедонизме (а также в утилитаризме, опирающемся на гедонистический принцип), ключевыми факторами выбора являются «удовольствия и страдания» индивида, и признается первичность индивидуального (в том числе чувств) и вторичность социального [6, 462]. И. Бентам, будучи сторонником этического

и психологического гедонизма [3], признавал стремление человека в процессе выбора к «наибольшему возможному счастью», под которым понимается счастье для наибольшего количества людей, либо к тому, что позволит ему достичь это «наибольшее возможное счастье» [4].

Т. Веблен, используя исторический подход и развивая концепцию праздного класса [9], в основе которой принимается показательное потребление (*conspicuous consumption*) членов праздного класса как символ богатства и власти, показал важную роль социальной составляющей при совершении индивидуального потребительского выбора.

В результате предпринятого Вебленом анализа потребления на различных уровнях — начиная с единичного (индивидуального) и заканчивая уровнем целой культуры — стало очевидным наличие неотделимых друг от друга двух аспектов потребления (и, аналогично, измерений товаров). В первом случае товар используется для поддержания либо достижения определенного статуса и социального положения, во втором — для удовлетворения собственных потребностей [6, 463—464]. Данный факт характерен для всех культур. Люди склонны выбирать то, что им в той или иной степени предписывает общество: соответствует культуре и ценностям.

Взгляд на жизнь как на непрерывный процесс является одним из ключевых моментов анализа Т. Веблена. Потребление рассматривается не только как удовлетворение текущих потребностей, основанных на чувствах индивида, но и как способ достижения будущих целей индивида. Выбор в данном случае осуществляется уже с учетом долгосрочных последствий. Товары обладают ценностью в том случае, если они хороши для чего-либо в конкретный момент времени и в конкретной ситуации. Отсюда возникает ключевая роль рынка как способа, координации и места распределения товаров.

Выводы

Сопоставление основных положений современного маркетинга, систематизированных в книге известного ученого Филипа Котлера [1], и факторов, влияющих как на индивидуальное, так и совокупное потребление, исследуемых в работах Т. Мальтуса и Т. Веблена, позволяет выявить их влияние на развитие маркетинга (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление идей в современной теории маркетинга

Идея	Аспект маркетинга
	<i>Томас Мальтус</i>
Увеличение предложения не означает автоматического увеличения спроса	Потребности людей практически безграничны, однако человек будет выбирать те товары, которые доставят ему наибольшее удовлетворение в рамках его финансовых возможностей
	Начиная с 1950-х — в целом: трансформация «рынка производителя» в «рынок потребителя», ключевая задача: найти потребителя, выявить его нужды, потребности, желания и др. и, таким образом, обеспечить увеличение спроса
	При этом потребители могут изменить свой выбор в связи с действующими на них различными факторами (моды, интересов, уклада жизни, достатка и т. д.)
Роль спроса в обеспечении экономического роста	Маркетинг является одним из факторов экономического роста, увеличение потребления на сегодняшний день является основным драйвером экономического роста
	Многие считают, что основная цель системы маркетинга должна заключаться в улучшении «качества жизни»
Значимость связи между товарами и потребителями	Цель системы маркетинга — достижение максимальной потребительской удовлетворенности, а не максимально возможного уровня потребления. Товар должен решать проблему потребителей — как следствие: 1) акцент не на товары, а нужды потребителей; 2) учет альтернативных способов (товаров), удовлетворяющих одну и ту же нужду

Продолжение табл. 1

Психологический аспект как фактор спроса	Приверженность к привычному потреблению, стремление снизить свои издержки на приобретение и потребление — как следствие: предпочтение товарам, свойства и эксплуатация которых, а также способ покупки вызывают наименьшие издержки. Предпочтение потребителей товаров, обладающих вышеперечисленными характеристиками
	Еще одно направление маркетинга — изменение предпочтений потребителей: от того, что наиболее привычно приобрести, к тому, что имеет большую стоимость, к товарам роскоши, высокотехнологичным товарам
	Продолжением идеи являются иллюстрация Т. Вебленом значимости социального статуса и роль технологического прогресса, когда товары ценятся не только по их характеристикам, а по их способности осуществлять вклад в «жизнь», поддерживать определенное социальное положение (статус)
Другие факторы, влияющие на спрос	Культурная среда (роль рекламы, диверсификация потребителей, рынков, важность определения целевых рынков)
	Научно-технический прогресс (разнообразие товаров, товары как наборы свойств, которыми можно манипулировать)
Необходимость производства и продажи наиболее привлекательных для потребителей товаров	Чем полнее соответствует товар желаниям потребителя, тем большего успеха добьется производитель
	Производителю для роста объемов продаж необходимо искать покупателей, выявлять их нужды, проектировать соответствующие товары, продвигать их на рынок, складировать, перевозить, договариваться о ценах и т. д.

Продолжение табл. 1

<i>Торстейн Веблен</i>	
Ценность товара определяется не только по чувствам, которые испытывает индивид при его использовании, а по способности решения какой-либо проблемы и вкладу в жизненный процесс	Ориентация маркетинговой политики, прежде всего, на нужды потребителей.
	Ценность и желаемость товара как способа удовлетворения потребности: концепция усовершенствования товаров (потребители будут благосклонны к товарам, предлагающим наивысшее качество, лучшие эксплуатационные свойства и характеристики)
Непрерывность жизненного процесса. Показательное потребление	Возможность постоянного увеличения объема предложения товаров и их ассортимента и стимулирование их приобретения за счет формирования значимости показательного потребления
Обязательное присутствие в процессе потребления двух измерений — физиологического и социального, их неотделимость одного от другого	Целесообразность обращения к обоим аспектам потребления при осуществлении рекламы
	Необходимость учета при разработке продуктов и их маркетинге социальных факторов, моральных аспектов, принятых в конкретном обществе и социальной группе
Разнообразие нужд и потребностей. Разнообразие чувств. Показательное потребление	Сегментирование потребителей: выявление потребителей, имеющих общую реакцию на побудительные стимулы
	Отбор целевых рынков
	Сегментирование рынков
	Позиционирование товаров: обеспечение товару не вызывающего сомнений, четко отличного от других, желательного места в сознании целевых потребителей
Показательное потребление; эффект Веблена	Использование в маркетинге не только концепции совершенствования производства (цена и доступность товара не всегда привлекательны для потребителей), но и, наоборот, учет способности товаров удовлетворять потребность индивидов в поддержании или создании видимости определенного социального статуса

Продолжение табл. 1

Значимость социального и культурного фактора при формировании разнообразия потребностей	Свойства товаров и их продвижение, максимально соответствующее классу, культуре, социуму, наиболее востребованных в данном обществе
---	---

Источник: составлено на основе [1; 5; 8; 9].

Таким образом, экономистами был сформулирован ряд идей, оказавших значительное влияние на развитие теоретической и практической базы маркетинга:

- возможность и необходимость управления потребительским спросом;
- значимость взаимодействия не товаров с товарами, а потребителей с товарами;
- предпочтение потребителей к привычному потреблению с наименьшими издержками;
- взаимовлияние социальных и индивидуальных факторов на потребительский выбор;
- высокая значимость социального фактора;
- взгляд на жизнь как на непрерывный процесс.

В заключение рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие значимый вклад некоторых идей, перечисленных выше, в маркетинг. Маркетинговая политика, стимулирование продаж (спроса), выявление нужд, вкусов и предпочтений потребителей являются составляющими политики практически всех компаний (идея Мальтуса об управлении спросом и адаптации спроса к предложению). Об этом свидетельствуют многочисленная реклама, проведение акций, скидок, бонусных карт и сертификатов, обращенных к различным категориям потребителей и влияющих на различные аспекты их жизни. Все эти «техники» призваны влиять именно на факторы потребления, лежащие в основе совершаемого индивидуумом выбора.

Существует несколько концепций маркетинга, в том числе чистого маркетинга и социально-этического. В первом акцентируется внимание на «определении нужд и потребностей целевых рынков и обеспечении желаемой удовлетворенности более эффективными и более продуктивными, чем у конкурентов, способами» [1]. Социально-экономический маркетинг, как один из наиболее современных подходов, добавляет важность сохранения/укрепления благополучия потребителя и общества в целом в долгосрочном периоде [1]. Таким обра-

зом, концепция социально-экономического маркетинга по сравнению с концепцией чистого маркетинга на первый план выдвигает долгосрочный эффект потребления и учет окружающей среды, в которой живет и взаимодействует индивид. Важность непрерывности жизненного процесса, рассмотрение потребления не как конечного результата, значимость социальных факторов и влияния окружения в целом были отмечены еще в работах Т. Веблена.

В современном обществе наблюдается тенденция отказа от принципа «больше значит лучше». Потребители все чаще предпочитают покупать дефицитные товары (особенно это характерно для определенных слоев населения) либо товары по завышенной цене (к примеру, брендовая продукция, товары роскоши), что позволяет им чувствовать себя уникальными, либо показать принадлежность к определенному статусу. Такое влияние социального фактора на выбор потребителей и такой вид потребления описывал еще Т. Веблен в «Теории праздного класса».

Современный маркетинг и современное производство, опирающиеся на мощный комплекс новейших технологий, позволяющих все больше и больше как персонализировать рекламу, так и индивидуализировать производство с наименьшими издержками, направлены именно на социальный аспект потребления, при этом сама культура, технологический уклад способствуют формированию именно таких привычек потребления.

Литература

1. *Комлер Ф.* Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1991.
2. *Павлов И.* Поведенческая теория — позитивный подход к исследованию экономической деятельности: научный доклад. М.: Институт экономики, 2007.
3. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint). L., 1823.
4. *Bentham J.* Deontology or The Science of Morality. Vol. 1 — 2. L., 1834.
5. *Dow A., Malthus L.* on Marketing: A neglected Contribution // Critical Assessment. L., 1994. Vol. IV.
6. *Hamilton D.* Thorstein Veblen as the First Professor of Marketing Science // Critical Assessment. L., 1991. Vol. I.
7. *Malthus T.* An Essay on the Principle of Population. L., 1992.
8. *Malthus T.* Principles of Political Economy Considered with a View to Their Practical Applications. L., 1820.

9. *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. N. Y., 1899.

References

1. *Kotler F.* Osnovy marketinga. M., 1991.
2. *Pavlov I.* Povedencheskaja teorija — pozitivnyj podhod k issledovaniju jekonomicheskoj dejatel'nosti: nauchnyj doklad. M., 2007.
3. *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation (reprint). L., 1823.
4. *Bentham J.* Deontology or The Science of Morality. Vol. 1 — 2. L., 1834.
5. *Dow A., Malthus L.* on Marketing: A neglected Contribution // Critical Assessment. L., 1994. Vol. IV.
6. *Hamilton D.* Thorstein Veblen as the First Professor of Marketing Science // Critical Assessment. L., 1991. Vol. I.
7. *Malthus T.* An Essay on the Principle of Population. L., 1992.
8. *Malthus T.* Principles of Political Economy Considered whith a View to Their Practical Applications. L., 1820.
9. *Veblen T.* The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. N. Y., 1899.

А.В. РЕМЖОВ

Эффективность: по ту сторону от экономикса

Аннотация. Современный общественный научно-политический дискурс характеризуется не критичным восприятием системообразующих понятий и стоящих за ними явлений. В данной статье анализируется понятие эффективности в приложении к практике существующих муниципальных образований на территории РФ.

Ключевые слова: эффективность, местное самоуправление, глобализация, локализация.

Abstract. Contemporary social scientific and political discourse is characterized by non-critical perception of the strategic concepts and phenomena behind them. This paper analyzes the concept of efficiency in the application to practice of the existing municipal structures on the territory of the Russian Federation.

Keywords: efficiency, local government, globalization, localization.

Когда кто-либо начинает рассуждать о местном самоуправлении, то, как правило, это получается довольно-таки предсказуемо. Большинство рассуждений сводится к незамысловатым тезисам — «потенциал местного самоуправления был использован далеко не полностью» [10]; «эффективное местное самоуправление является важнейшим ресурсом развития страны» [11]; «для функционирования демократического государства необходимо наличие эффективного местного самоуправления» [7, 5]; «эффективное местное самоуправление — основа демократического государства» [13]...

При этом подразумевается, что всем вполне очевидно, что такое местное самоуправление и в чем заключаются его потенциал и эффективность, однако, так ли это на самом деле? Для начала соберем воедино все «эффективности», обрушивающиеся на нас без всякого разъяснения с разных сторон, и ответим на вопрос: каков общий портрет столь «важной госпожи» современных рассуждений об обустройстве нашей страны?

Первое, что бросается в глаза, — что слово «эффективность» в нашем обществе любят прикреплять к любому предмету речи в качестве прилагательного, обозначающего признак высшей экономической целесообразности, который можно иметь в большей или меньшей степени. Словом, эффективно — значит так надо, а как именно — не «вашего холопского ума дело». Не верите? Попробуйте найти в нормативно-правовых актах Российской Федерации определение эффективности — не найдете, разве что косвенное, в определении принципа эффективности использования бюджетных средств, данное Бюджетным кодексом РФ и сводящее его к экономии.

Отчасти такое положение вещей можно объяснить тем, что понятие «эффективность», позаимствованное нашим обществом у западных «партнеров» в лихие 1990-е как часть общего продукта, имя которому «рыночная экономика», в западном сообществе является устоявшимся и общепринятым, т. е. не требующим доказательства атрибутом поведения любого экономического субъекта. Тем не менее отметим, что в зарубежной экономической теории понимание эффективности сложилось с учетом двух аспектов:

- представления о субъектах хозяйственных отношений как о производителях благ с вытекающими вопросами рациональности использования полученных ими ресурсов;
- развития макроэкономики из микроэкономики, базирующейся на концепции оценки эффективности деятельности по показателю прибыли.

Несмотря на то, что такое понимание характерно именно для стран Запада, доминирование их теорий в экономической науке привело к тому, что представление об эффективности как отношении ценности полученной прибыли к ценности затрат, понесенных на ее достижение, стало универсальным, попадая в один ряд с основными постулатами экономической науки, не требующими доказательства:

$$\text{Эффективность} = \frac{\text{прибыль}}{\text{затраты}}.$$

В рамках такого понимания эффективности становятся отчасти понятными и обвинения экономики советского строя в неэффективности, и желание современных экспертов и чиновников, воспринявших западную идею эффективности, делать окружающее пространство, в том числе и местное самоуправление, все эффективнее, т. е. более прибыльным или хотя бы менее затратным.

Столь явный догматизм западноориентированного экономоцентрического мышления не отвечает ни нормам научности, ни просто здравому смыслу. Тем более что на самом Западе такие представления уже давно не являются доминирующими в их приложении к государству. Вот выдержки из интервью с американским ученым Д. Медоузом, чья книга «Пределы роста» в 1970-х гг. открыла тему «глобальных проблем»: «И вот вам пример нынешней Японии, которая еще совсем недавно была ведущей страной с точки зрения экономической эффективности... Но вот случилась Фукусима... И здесь отчетливо проявляется внутреннее противоречие между стремлением к максимальной экономической эффективности и степенью выносливости в случае внешних потрясений... надо четко понимать: *чем эффективнее вы будете двигаться в том или ином направлении, тем меньше будет потенциальная выживаемость такой системы... Все стремятся к эффективности, чтобы заработать денег в краткосрочной перспективе. Но стабильность в более долгосрочной перспективе требует затрат*» (курсив наш. — А.Р.) [65].

Исходя из вышесказанного, что означает фраза «эффективное местное самоуправление как основа развития государства»? Что развитие государства невозможно, пока каждый отдельно взятый муниципалитет не станет сопоставим по доходности с Газпромом или Роснефтью? Или, что более вероятно, что госразвитию мешает излишнее обременение муниципальными расходами? Не вдаваясь в тонкости столь изошренных предположений, приведем высказывание, касающееся размышлений о том, к чему приводит любую систему стремление к эффективности-экономности: «Любая система стремится минимизиро-

вать усилия на свое поддержание; абсолютный минимум усилий “затрачивает” система, существование которой стремится к нулю» [5 26]. По аналогии можно сказать, что наибольшая экономия бюджетных средств как самоцель достигается при отсутствии расходов как таковых, так как само существование перераспределительных механизмов в такой ситуации в пределе стремится к своему отсутствию. В таком случае мы получаем, что «эффективное местное самоуправление как основа развития государства» есть потенциальное отсутствие и первого, и второго, что, исходя из логики экономической целесообразности, — положительно.

Таким образом, данный подход к пониманию эффективности местного самоуправления заводит в тупик.

Однако там, где рассуждения на основе частной науки приводят в тупик, использование философского инструментария, позволяет разглядеть потаенные двери: «... философия мало склонна к детализации, которая так отличает науку... Можно, пожалуй, выразиться и так, что философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемых наукой... Так, политическая экономия и философия хозяйства имеют пред глазами один и тот же факт человеческого хозяйства, но одна рассматривает его в общем или мировом его значении, другая же подвергает этот факт детализирующему анализу, перед первую стоит вопрос: *что?* Пред вторую же: *как?*» [2, 52]

Говоря яснее, если взглянуть на приведенный выше показатель эффективности по-философски, то, возможно, он откроется в новом свете, а там, где западные экономисты с уверенностью ставят в качестве смыслополагающего результата прибыль, мы, вслед за С.Н. Булгаковым, поставим вопрос «что?», а в знаменателе вместо «затрат» — вопрос «как?»:

$$\text{Эффективность} = \frac{\text{что?}}{\text{как?}}$$

В результате такой метаморфозы вопрос об эффективности объекта выходит за пределы чисто экономического исследования, оказываясь, в первую очередь, вопросом о его смысле, его назначении и только затем — о способе его количественного измерения в понятиях «результативности» экономической науки.

Таким образом, то, что мы привыкли слышать о местном самоуправлении в качестве само собой разумеющихся истин, например, тех, что упоминались в начале текста, есть не что иное, как замалчивание самой сути вопроса — что такое местное самоуправление в РФ?

каково его место и назначение как элемента системы? о какой системе, в конце концов, идет речь?

Начнем с последнего вопроса. После того как Советский Союз прекратил свое существование, а страны, в него входившие, перестроились на рельсы рыночной экономики, мир приобрел новые очертания, которые наиболее яркие их сторонники поспешили назвать «концом истории». Более же, по нашему мнению, справедливое замечание принадлежит Г.В. Колодко, отметившему, что, «если бы Ленин жил в наше время, то его работа называлась бы “Глобализация как высшая стадия капитализма”» [4, 129], что прямо указывает на «старого знакомого» — капитализм, только в новомодной одежде — глобализации.

Какое же отношение к глобализации имеет местное самоуправление в РФ? На самом деле прямое: вся история Российской Федерации с самого ее возникновения проходит под путеводной звездой глобализации: начиная от «демократии, гласности и свободы слова» и до «верховенства международного права» и включения в ВТО, и нет сегодня никаких оснований для того, чтобы поставить под сомнение включенность РФ в систему глобального капитализма, а значит, и такого ее элемента, как местное самоуправление. Чтобы разобраться в том, как соотносятся такие понятия, как «глобализация» и «местное самоуправление в РФ», обратимся к истории вопроса.

Так, ряд исследователей данной проблематики, в том числе С.Г. Кара-Мурза в своей книге «Советская цивилизация» [3, 4 — 36], отмечают, что становление мировой системы капитализма характеризуется таким явлением, как локализация экономики и укладов жизни вновь втягиваемых в ее орбиту стран, так называемых стран периферийного капитализма⁸. При этом подчеркивается неразрывная связь

⁸При обсуждении этой особенности периферийного капитализма ценны такие суждения В.В. Крылова: «Сохранение и широкое распространение в африканской деревне традиционных отношений вообще, общинных в особенности, есть продукт еще и консервирующего прежние порядки воздействия капитализма. Даже там, где капитализм разрушал эти порядки, в “освобожденном” социально-экономическом пространстве развивались не столько собственно капиталистические порядки, сколько такие докапиталистические укладные формы, с которыми в доколониальный период периферийные страны знакомы не были... Таким образом, в зависимых странах капиталистические отношения вырождаются, идут вспять, регрессируют в предшествующие им укладные формы. И это суть регрессивные формы самого капитала, такие докапиталистические уклады, которые исторически не предшествуют капитализму, но следуют после него, им же самим порождаются. Эти “псевдотрадиционные” или “неотрадиционные” укладные формы необходимо отличать от предше-

между развитием глобальной капиталистической системы с локализацией жизненного пространства периферии: «“азиатчина” уже была не только противником, но и продуктом капитализма. Капитализм был возможен в России только в симбиозе с этой “азиатчиной”. Любая попытка уничтожить ее посредством буржуазной революции или реформы вела не к капитализму, а к уничтожению капитализма. Так, как хирургическое разделение сиамских близнецов означает их неминуемую смерть». Также, как показывают исследования С.Г. Кара-Мурзы, встраивание Российской империи в глобальную капиталистическую систему стало возможно только за счет «пауперизации» наиболее обширного слоя населения того времени — крестьянства.

Другой интересующий нас факт мы находим у британского ученого Зигмунда Баумана [1, 89 — 90]. В своих исследованиях он отмечает, что привычное понимание государства как института, имеющего монопольное право на применение насилия в пределах закрепленной за ним территории, абсолютно не отражает целевую специфику его существования, заключающуюся вовсе не в наличии социальной власти как таковой, а именно в конкретном способе ее концентрации и распределения. Сама же эта способность государства «наводить порядок» на своей территории в реальной повседневной деятельности базируется на наличии иерархически выстроенного бюрократического аппарата.

Из вышеуказанных мыслей Кара-Мурзы и Баумана мы можем уловить одну особенность глобализации, проявившуюся уже в начале XX в. — интеграция «периферийного» государства в глобальный капитализм как целостность более высокого порядка требует от вступающих отказа от целостности собственного государственного устройства в пользу того, что Шпенглер называл «мировым городом и провинцией» [12], или — как сегодня принято называть — «административной децентрализацией». Практической формой воплощения такой децентрализации национального государства сегодня является законодательное закрепление института квазигосударственных образований — местного самоуправления. Именно таким образом неразрывно связаны глобализация и местное самоуправление как часть и целое одного единого процесса, образуя бинарную пару глобального и локального⁹.

ствующих капитализму действительно доколониальных местных укладов» [1, 27].

⁹Именно поэтому З. Бауман предлагает для выражения описываемых процессов использовать не прижившийся в научном и общественном дискурсе тер-

Бинарная пара «глобальное — локальное», применяемая для описания текущих тенденций в развитии России, обладает своей внутренней логикой, динамикой развития, игнорирование которой чревато существенными просчетами как в планировании, так и в осуществлении текущей государственной политики. Примером таких просчетов может служить анализ ситуации на Украине в 2014 — 2015 гг., произведенный в предыдущей статье [9].

Другим направлением государственной политики, еще более редко связываемой с тематикой данной статьи, является попытка РФ запустить интеграционные механизмы на постсоветском пространстве. С одной стороны, это желание понятно и обоснованно: в современном мире 140 млн человек — недостаточное количество для создания по настоящему независимой экономики, а значит, и не достаточное для того, чтобы выйти из проекта современной, разрушительной для нас по своим тенденциям, глобализации. С другой стороны, возникает вопрос: обладаем ли мы необходимыми условиями для того, чтобы выступить лидерами в новом витке социально-экономическо-культурного объединения окружающего нас пространства? Не обладаем. В сегодняшней ситуации между отдельными территориями России и государством утрачены связи, которые можно было бы охарактеризовать как отношения между частью и целым. Говоря простыми словами, местное самоуправление в РФ является «точкой разборки» внутренней целостности государства. В связи с чем, понятие государственной границы приобретает новое наполнение, обозначающее не только и не столько границы территориального суверенитета государства, сколько виртуальную линию, отграничивающую государство от собственного народа [8].

А теперь вернемся к теме, затронутой в начале нашей статьи. Вспомним еще раз незамысловатые тезисы, звучащие из уст ученых и чиновников — «местное самоуправление в России имеет большой потенциал», «необходимо повысить эффективность местного самоуправления», «эффективное местное самоуправление как основа развития государства». Вспомним и задумаемся: так ли уж безобидны эти высказывания и что именно имеется в виду... Пусть каждый ответит сам для себя. Остановим внимание лишь на том, что тема эффективности, по всей видимости, сегодня служит ширмой, за которой теряются истинные смыслы обсуждаемых явлений. Положительный эмоциональный оттенок, с которым слово «эффективность» неизменно звучит на

мин «глобализация», а более точный его вариант — «глокализация» [10, 101 — 103].

научных семинарах и с экранов телевизоров, давно закрепился в общественном сознании. В результате, в большинстве тех обрывочных обсуждений, которые сегодня призваны объяснить обществу его состояние и направления дальнейшего движения государства и общества, происходит подмена реальных смыслов вопросом о взятии новых рубежей эффективности по всем направлениям фронта: «Куда мы идем в сфере образования? — В сторону повышения эффективности! А что происходит в сфере ЖКХ? — Повышается эффективность! Ну а в целом, наше общество, что с ним должно стать? С каждым из нас? — Конечно, мы просто обязаны стать эффективней!»

Таким образом, тема местного самоуправления, с виду безобидная и многообещающая, при более глубоком изучении оказывается одним из основных «камней преткновения» для объединения общества внутри России и возможности нашей страны выступать в качестве лидера интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Изд-во «Весь мир», 2004.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства М.: ТЕРРА —Книжный Клуб, 2008.
3. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2001.
4. *Колодко Г.В.* Мир в движении: Магистр, М., 2009.
5. *Коротков Н. В.* Онтология и гносеология фантастики. Киров: Радуга-Пресс, 2014.
6. *Медоуз Д.* Мировой кризис: мало не покажется // <http://newsland.com/user/4297726154/content/4334162>.
7. Местное самоуправление в зарубежных странах (информационный обзор) / Под ред. Н.П. Медведева, А.И. Ракитова, А.Ю. Федорова, В.В. Бенкевича, С.И. Жупанова. М.: Юридическая литература, 1994.
8. *Немчанинов Я.* Разорванная вертикаль // <http://tochka-ry.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/462-78456214>.
9. *Ремжов А.В.* Децентрализация. О туманной лексике и реальной практике // <http://tochka-ry.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/538-7589456>.
10. *Стародубровская И.* Местное самоуправление и гражданское общество//Местное самоуправление и гражданское

общество. Нижний Новгород, 24 июля 2002 г. // <http://www.iep.ru/ru/vypuski/1718/publication.html>.

11. *Тимченко*: Эффективное местное самоуправление является важнейшим ресурсом развития страны // <http://ertula.ru/content/view/2722/>.

12. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.

13. Эффективное местное самоуправление — основа демократического государства. 10 лет ратификации Российской Федерацией Европейской хартии местного самоуправления (стенограмма Международной конференции) // <http://www.golitsyno.info/news/180/>.

References

1. *Bauman Z.* Globalization. The consequences for the individual and society / Ed. from English. M.: «All The World» Publishing House, 2004.

2. *Bulgakov S.N.* Philosophy of economy / entered. Art. Filippova; Memo. B. Sapova. M.: TERRA — Book Club, 2008.

3. *Kara-Murza S.G.* Soviet civilization. M.: Algorithm, 2001.

4. *Kolodko G.V.* World in Motion [Text] / Per. with the floor. Yu Chainikova. M.: Master, 2009.

5. *Korotkov E.V.* ontology and epistemology of science fiction. Kirov: Rainbow-PRESS, 2014.

6. *Meadows D.* Mirovoy crisis: will not find [Electronic source] - <http://newsland.com/user/4297726154/content/4334162>.

7. The local government in foreign countries (Information Review) / Under total. Ed. N.P. Medvedev, A.I. Rakitova, A.Y. Fedorov, V.V. Benkevicha, S.I. Zhupanova. M., 1994.

8. *Nemchaninov Y.A.* Broken vertical [Electronic source] // <http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/462-78456214>.

9. *Remzhov A.V.* Decentralization. On foggy vocabulary and real practice [Electronic source] // <http://tochka-py.ru/index.php/ru/glavnaya/entry/538-7589456>.

10. *Starodubrovskaja I.* Local self-management and civil society // Local self-management and civil society. Nizhny Novgorod, July 24, 2002 [Electronic source] // <http://www.iep.ru/ru/publikacii/publication/1718.html>.

11. *Timchenko*: Effective local government is the most important resource of the country [Electronic source] // <http://er-tula.ru/content/view/2722/>.

12. *O. Spengler* Decline of the West: Essays on the morphology of world history. T. 1.

13. Effective local government — the basis of a democratic state. 10 years, Russian Federation ratification of the European Charter of Local Self-Government (Transcript of the International Conference) [Electronic source] // <http://www.golitsyno.info/news/180/>.

С.Н. ЕФИМУШКИН

**Трансформация модели формирования специалиста
для инновационной экономики. Опыт
инженерной школы Франции**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с необходимостью создания модели подготовки специалиста для инновационной экономики, базирующейся на высокой общей и технической культуре, креативности и духе предпринимательства. Рассматривается опыт инженерной школы Франции по созданию модели подготовки «инженер — предприниматель — гуманист».

Ключевые слова: инновация, образование, наука, предпринимательство.

Abstract. In the article the problem of having a close relationship in the engineering activity, innovation, entrepreneurship, and development of appropriate models. Basis of preparation and work of the engineer creates innovation economy is the high level of general and technical culture, to create an entrepreneurial environment in University.

Keywords: innovation, education, science, entrepreneurship.

Эффективность индустриально-инновационного развития экономики государства во многом определяется уровнем и качеством не только инновационных технологий в экономике и управлении народным хозяйством, но и уровнем образовательных технологий в подготовке специалистов. Знания, уникальные навыки и способности, умение адаптировать их к постоянно меняющимся условиям действитель-

ности становятся ведущими производственными ресурсами и основными источниками экономического роста.

Задача заключается в том, чтобы готовить специалистов, ориентированных не на запаздывающие потребности хозяйственной практики, а на опережающие, которые еще только формируются. Для успешной реализации целенаправленной инновационной политики необходимо готовить новый, инновационный тип специалиста, обладающего стратегическими способностями.

Стратегические способности включают в себя хорошо развитое логическое и абстрактное мышление, умение анализировать имеющуюся информацию и видеть ситуацию в перспективе, умение выбирать наилучший момент для активных действий, просчитывать возможное развитие событий и риски, принимать решения.

Инновационная деятельность предполагает творчество, а значит, ее важной характеристикой становится креативность, поэтому в рассуждениях о новом типе специалиста мы должны внести уточнение, что предприниматель — это инноватор, обязательным качеством которого при инновационной направленности его деятельности становится креативность. И это отражает необходимость трансформации парадигмы формирования специалиста в условиях инновационной экономики [1, 64 — 71].

Можно ли учить инновациям? Конечно, да. Однако большинство образовательных процессов построены так, что такой вопрос даже не ставится. Они наделяют студента уже созданными знаниями, либо прививают навык существующих умений. В техническом образовании ничего не предусмотрено для развития инициативы и вкуса к нововведениям, как бы полагая, что креативность — это врожденное качество.

Сложность заключается в том, чтобы перейти от пассивной роли вместилища знаний к роли активной, предпринимательской, т. е. трансформации знаний в создание инноваций. Если прежде можно было удовлетвориться процессом обучения, при котором студент не отрывается от своего стола во время всего срока обучения, то теперь это невозможно. Теперь необходимо, чтобы он вставал и действовал, поскольку научиться действовать можно только действуя. Таким образом, и сам процесс обучения должен включать в себя элементы креативности.

Должна быть реализована идея необходимости воспитания, поддержки и продвижения духа предпринимательства как основы формирования инженера нового типа — создателя и мотора инновационной экономики. При этом недостаточно базироваться на интеграции учебно-научного процесса и производства — в университете должна

быть создана инновационно-предпринимательская среда, в которой и может формироваться будущий инженер.

Задача технического университета — не просто вооружить студентов знаниями — знания слишком быстро устаревают, но и, в первую очередь, научить их адаптироваться к тем технологическим изменениям, которые предстоит пережить им на протяжении своей профессиональной карьеры. Быстрота реагирования и адаптивность в применении знаний становятся важнейшими критериями успеха. Фундаментальным, безусловно, остается принцип соответствия преподавания требованиям высокого уровня научных исследований. Но также развиваются и ценятся новые качества инженера: воображение, креативность, способность и вкус к нововведению.

Сегодня деятельность инженера теснейшим образом должна быть связана с инновациями, создание новых рабочих мест осуществляется в основном за счет образования новых предприятий. Пожелания предприятий с точки зрения управления изменились, как изменилась и сущность управления. В новых моделях управления предприниматель занимает все увереннее центральное место.

В чем особенности подготовки специалиста для инновационной экономики? Помимо чисто образовательных процессов, образовательных подходов, т. е. изменения образовательных стандартов, изменения учебных планов, календарных планов подготовки, набора предметов, читаемых тому или иному специалисту, по-видимому, в вузе должна еще формироваться и соответствующая инновационная среда, которая способствует выращиванию специалистов, способных создавать собственные инновационные проекты, управлять ими, создавать высокотехнологические предприятия. Но что не менее важно — повышение уровня общей культуры, неразрывно связанного с уровнем технической культуры [2, 139 — 146].

Разрабатывая концепцию технической безопасности, принимая меры по снижению уровня риска техногенных аварий, академик В.А. Легасов обратил внимание на то что главная их причина заключается в способе создания и проведения технических и энергетических процессов, зависящих от человека, при проектировании, изготовлении, сборке и эксплуатации, т. е. наиболее существенным является человеческий фактор.

И это заставляет думать о значимости гуманитарной, духовной составляющей техники и технических процессов.

Инициативность, деятельность, предпринимательские качества не включены сегодня в число фундаментальных ценностей системы образования. Она дает каждому студенту все больше и больше науч-

ных и технологических знаний и сведений, но не вооружает подходами к воспитанию воображения, смелым нововведениям, вкусом риска, ощущениями практики командного духа и созидательной деятельности. Образование не дает молодым специалистам ни культуры, ни инструментов для реализации собственных проектов.

Может ли образование воссоздать среду этой культуры креативности? Это отправной постулат, и его нужно дополнить тем, что в XXI в. создателем новых организаций и производств, инициатором развития инновационной экономики является предприниматель. Поэтому каждого инженера необходимо воспитывать в атмосфере предпринимательства, прививая ему специфические навыки инженера-предпринимателя наравне с научно-технологическими знаниями.

Ведущая инженерная школа Франции (Эколь де Мин) несколько лет назад предприняла попытку реформирования подготовки инженера. Эта реформа была реализована в Эколь де Мин г. Алес (ЕМА).

Устремления ЕМА заключаются в том, чтобы создать модель инженера нового типа: «инженер-предприниматель-гуманист», т. е. инженер, способный вводить новшества и создавать социальные и экономические богатства в обществе. Инженер такого типа должен выйти из-под влияния структур, давно признанных и утвержденных, из-под трафаретного, стандартного мышления. Инженер-предприниматель — это инженер, который обладает способностью создавать новые проекты и новые виды деятельности внутри действующей промышленной группы, или в структуре малого или среднего предприятия, либо создавая с этой целью свои предприятия [3, 294].

При знакомстве с реформой преподавания в ЕМА, ловишь себя на мысли, что многие идеи и принципы, заложенные в эту реформу, уже давно осуществляются у нас, в МГТУ имени Н.Э. Баумана. Это и связь научных исследований с учебным процессом, и тесное взаимодействие с промышленными предприятиями, и принцип подготовки, основанный на том, чтобы не только «знать, но и уметь». Однако в ЕМА есть свои особенности, важные для нас и достойные изучения.

Итак, передовые научные исследования — необходимый инструмент для подготовки инженера. В ЕМА научные исследования находятся на пересечении забот об уровне образования и решения потребностей промышленности, так как образовательный процесс осуществляется на базе научных центров школы. Все они активно сотрудничают с бизнес-инкубатором и носителями бизнес-проектов. При этом, деятельность научных центров оценивается не только по объему проводимых исследований, публикациям, отчетам и защищенным диссертациям, но и по количеству созданных предприятий, рабочих мест,

реализованных бизнес-проектов, в которых научный центр принимал участие. Концепция и реализация этой реформы используют несколько составляющих: культуру предпринимательства, технологические основы, технологический инкубатор и реальную экономическую деятельность совместно с региональным технополисом.

Основная идея, которая пронизывает всю систему подготовки инженера в ЕМА, — поведение, дух предпринимательства. Надо отметить, что переход к педагогике предпринимательства в большей степени заключается в изменении поведения, чем в изменении содержания [4, 254].

Дух предпринимательства — это основа, стержень экономического и социального развития общества. Он не является уделом исключительно создателей предприятий. Вследствие глобализации, технологического развития, стратегических связей и социальных контрактов все ключевые участники экономики заинтересованы в новых, молодых ростках, идет ли речь о промышленности, образовании или научных исследованиях.

Предпринимательство — это прежде всего культура, стремление, состояние духа, поведение, которое в результате приводит к манере думать и действовать, исходя из необходимости инновационного преобразования нашего мира. При этом осуществляется фундаментальное воздействие на каждую составляющую системы: исследование, образование, инкубацию и конкретные акции по экономическому развитию.

Предпринимательское образование развивает инициативу и пробуждает вкус к предпринимательству, при этом оно широко опирается на педагогическую работу, осуществляемую преподавателями-исследователями ЕМА. Оно нуждается также в наличии человеческих ресурсов, которые выражаются в компетентности, знаниях и умениях, педагогической системы более открытой, более активной, более конкретной и близкой к предприятию. Таким образом, RT и RH тесно связаны.

Понятие CR связано с созданием идей, инновационных товаров, предприятий и рабочих мест, оно является продуктом предпринимательского образования. Процесс оплодотворения и инкубационного развития может осуществляться благодаря инкубатору, который способствует рождению и созданию проектов, а также их сопровождению.

Экономические акции позволяют распространить и развить полученные результаты. Успешной реализации экономических акций способствует созданный в г. Алес технополис «MIRIAPOLIS», который представляет собой зону, благоприятную для рождения, развития

новых проектов, распространения новых предприятий и видов деятельности в регионе.

Предпринимательство, изначально введенное на уровне образования, порождает новую генерацию — инженер-предприниматель, дающую новый толчок в этой петле, а именно установление позитивных отношений между всеми действующими участниками системы.

Речь теперь идет не об отмеренном продвижении, но об ускорении, динамике: вспышке креативности, бурном росте в развитии, прорыве в технологии и культуре, создании новых богатств и новых рабочих мест. В такой системе развитие перестает быть постепенным и линейным. В такой модели взаимодействие становится интерактивным, прямым и постоянным, с другими составляющими модели.

Для развития характера и духа предпринимательства в будущих инженерах ЕМА использует новые педагогические пути, направленные преимущественно на ситуационное, комплексное обучение, которые отвечают требованиям действий, отношений и повышенной познавательной способности, т. е. умению изучать. Важным инструментом при этом являются так называемые «миссии на предприятиях». Их целью является выполнение проекта по решению проблемы, поставленной определенным предприятием. При этом для любого проекта необходимо соответствие тематике одного из центров ЕМА: проект должен носить инновационный характер, а руководитель предприятия — обладать «харизмой» предпринимателя, чтобы студенты в общении с ним могли получить позитивные навыки.

Каждая миссия длится пять недель, и еще одна неделя выделяется для аудиторных занятий, где в концентрированном виде применительно к тематике миссии дается необходимый методический и теоретический материал. Кроме того, студенты во время выполнения миссии имеют возможность обращаться за консультациями к специалистам в области маркетинга, бухгалтерского учета, управления финансами, хозяйственного права и др. Такая форма работы стимулирует активность со стороны студентов, заменяет пассивное получение информации активной формой в ответ на осмысленный запрос.

Структура миссий представляет собой логически взаимосвязанную последовательность тем.

«Товар и его рынок». Охватывает разработку коммерческой и маркетинговой стратегии, необходимое финансовое обеспечение, подготовку и сопровождение экономических акций, вводит студентов в мир реальной экономики, в проблематику предпринимательства, знакомит с подходами в оценке продукции в процессе анализа рынка и конкуренции.

«Разработка рекомендаций в организации и управлении исследований и производства». В процессе этой стажировки студенты решают организационную или управленческую задачу, касающуюся производства, логистики, качества продукции, информационной системы и т. п.

«Создание инновационного продукта или услуги». Целями этой миссии являются определение потребности, неудовлетворенность или запрос рынка, который мог бы привести к реализации проекта по созданию инновационного товара или услуги. Студенты должны провести анализ потребностей, разработать решение и составить технические условия, а также обосновать выбор технического решения.

«Создание предприятия или новой деятельности». Основанная на продукте, уже разработанном в технологическом плане, миссия направлена на подготовку и создание предприятия. Предпринимательская направленность этой миссии является ключевым моментом и позволяет интенсифицировать отношения «педагогика — инкубатор».

Каждая миссия завершается представлением и защитой проекта. При этом учитываются решения и уровень достижения целей, способность группы к адаптации, быстрота понимания, убежденность, сплоченность, компетентность, умение слушать и отвечать.

Основываясь на анализе изложенного опыта французской инженерной школы, а также на собственных, российских разработках, мы приходим к выводу о том, что области профессиональной деятельности современного специалиста — управление жизненным циклом наукоемкой продукции, менеджмент качества системы управления высокотехнологичным производством, маркетинг и коммерциализация наукоемкой продукции, инженерно-предпринимательская деятельность. И, следовательно, в настоящее время в стране появилась реальная необходимость в подготовке принципиально новых специалистов, способных, с одной стороны, глубоко разбираться в объекте высокотехнологичного бизнеса, научно обосновывать и управлять стадиями жизненного цикла наукоемкой продукции, с другой стороны, в полном объеме обладать знаниями и умениями менеджера, имеющего вкус и навыки предпринимательской деятельности. Этот процесс должен основываться на тесном взаимодействии понятий: инновация, предпринимательство и гуманизм. Современный инженер должен обладать не только высокой технической культурой, но и общей культурой, быть креативным в своей деятельности и уметь адаптироваться в атмосфере предпринимательства.

Сегодня мы наблюдаем переход от логики «зарплата» к логике предпринимательства — «зарабатывание», от инженера индустрии и

массового производства к инженеру-предпринимателю и креативному созидателю, от концепции «работа для жизни» к концепции «работа для самореализации».

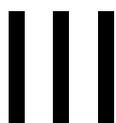
Этот подход приводит к тесному взаимодействию и синергии между экономическими, социальными и политическими составляющими общества, вызывая необходимость и одновременно создавая новые возможности формирования современного специалиста.

Литература

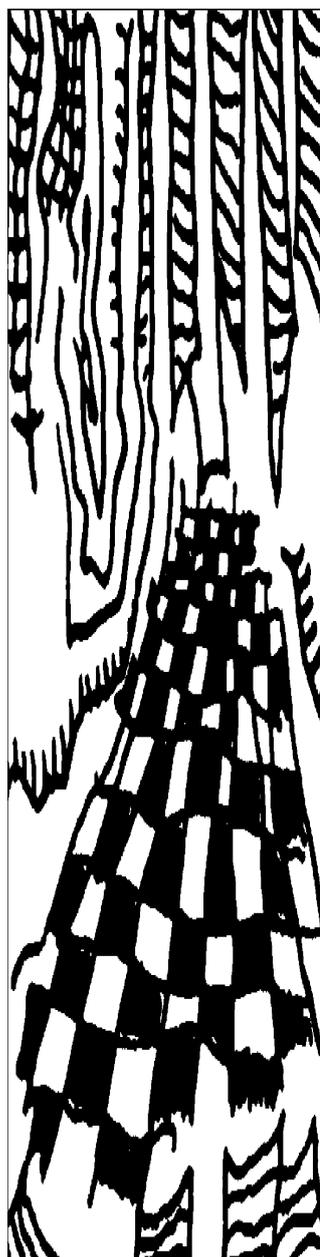
1. Горелов Н.А., Кorableва О.Н. Знание и креативность — основные черты нового социума // Российское предпринимательство. 2012. № 2.
2. Зайцев А.В., Крафт Й. Влияние глобализации и роль университетов в формировании интеллектуально-креативных ресурсов общества. // Российское предпринимательство. 2012. № 2.
3. Bernasconi M. High-tech Entrepreneurship. 2006.
4. L`humanism en action. L`entrepreneuriat f L`Ecole des Mines d`Ales. Nimes, 2004.

References

1. Gorelov N.A., Korableva O.N. Knowledge and creativity — principals characteristics of new social. Russian Journal of Entrepreneurship. 2012. № 2.
2. Zaitsev A.V. Kraft Y. Globalisation and university in the training intellectual resources of the social. 2012. № 2
3. Bernasconi M. High-tech Entrepreneurship., 2006.
4. L`humanism en action. L`entrepreneuriat f L`Ecole des Mines d`Ales. Nimes. 2004.

**ЕВРОПЕЙСКИЙ
ВОПРОС**

Ю.М. ОСИПОВ

Большая Европа: несбыточная возможность

Аннотация. Большая Европа — от Атлантики до Урала и от Гренландии до Кавказских гор, состоящая из ряда «европ», включая и ныне конфронтирующие между собой Западную (в лице Европейского союза) и Восточную (в лице России), эта Большая Европа нуждается в компромиссном разрешении конфронтационной коллизии: на место конфронтационной Европы должна прийти Европа компромиссная.

Ключевые слова: Европа, Большая Европа, Россия, Польша, Украина, геополитика, геостратегия, межевропейская конфронтация, внутриевропейский компромисс.

Abstract. The article is devoted to Big Europe which is placed from Atlantic to the Urals and from Greenland to the Caucasus Mountains consisting of several «europes» including confronting among themselves Western (in the person of the European Union) and East (in the person of Russia) nowadays. This Big Europe needs compromise permission of a confrontational collision: to the place of confrontational Europe compromise Europe has to come.

Keywords: Europe, Big Europe, Russia, Poland, Ukraine, geopolitics, geostrategy, intereuropean confrontation, intraeuropean compromise.

Европа как часть большого евразийского континента — достаточно условное географическое и этнокультурное нечто: с одной стороны, это некое пространство с назначенными весьма произвольно границами, а с другой — весьма пестрая этнокультурная среда с рядом общих или очень схожих, натуральных и цивилизационных черт вроде климатических, расовых, языковых, религиозных, ментальных, как и с явно «тесной» историей, полной взаимодействий, взаимовлияний, противостояний, соперничества, борьбы, тех же войн.

Большая Европа — это вся Европа: от Атлантики, как однажды выразился бывший президент Франции генерал де Голль, до Урала, а мы также добавим — от Гренландии и Шпицбергена до Средиземного моря и Кавказа.

Европа гетерогенна и полиморфна, в ней хватает не только этносов, народов, стран и государств, но даже и цивилизаций, пусть и

европейских, пусть и христианских, пусть и между собой похожих, но все-таки достаточно специфических цивилизаций.

Европа — конгломерат, пусть и близкотипный, но все-таки конгломерат! Это никак не целостное целое, не монолит, даже не почтенное однообразие.

В Европе много «европ», причем вполне себе и Европ: Западная континентальная (франко-германская) и Западная морская (британская), Северная (скандинавская), Южная (средиземноморская, романская), Центральная (очень разная, в основном западно-славянская), Восточная (в основе и по преимуществу восточно-славянская, российская).

История Европы — история бурления активных этногосударственного и культурно-цивилизационного котлов, в которых вываривались геополитические и геохозяйственные субъекты, их сложные взаимоотношения, объединения и союзы, где велась многовековая, часто ожесточенная, война.

Текущее историческое время логичнее всего отсчитывать с конца Второй мировой (и общеевропейской) войны, когда в Большой Европе наступил долговременный мир, а сама Европа пережила такие важные события-этапы, как поэтапное объединение Западной Европы с образованием плурационального Европейского союза, а также послевоенное соединение под эгидой СССР Центральной и Восточной Европы в виде так называемой социалистической системы с последующим ее и самого СССР распадом и вовлечением стран Центральной Европы в Европейский союз.

Сегодня Большая Европа хоть и по-прежнему неоднородна, но неоднородна уже по-крупному: с одной стороны, большая Западная Европа — Европейский союз, включивший в себя большую часть Центральной Европы, а с другой — гетероморфная Восточная Европа с существующими не ее территории самостоятельными Россией, Беларуссией и Украиной.

Основные геостратегические субъекты на Западе Европы — Европейский союз и входящие в него Германия, Франция, Великобритания, Италия и частично Польша, а на Востоке — Россия и Украина.

Свою игру в пространстве Большой Европы ведут и США, шаг за шагом подключаются к европейской игре Турция и Китай.

Если сегодня ставить вопрос о состоянии Большой Европы и возможных в ней перемен, то необходимо говорить прежде всего о взаимоотношениях ЕС и России, а также о сонме прямых межгосударственных отношений.

Россия, будучи по смысло-содержательной сути страной европейской, хотя и распростертой не только в Европе, но и в Азии, представляет собой, безусловно, не просто самого мощного игрока на востоке Европы, но и фактически единственного значимого игрока, противостоящего так или иначе европейскому Западу.

Фактически речь идет об отношениях большой Западной Европы и России, рядом и в связи с которыми реализуются и иные, более частные, локальные отношения.

Если квалифицировать нынешнюю евроситуацию (в рамках Большой Европы), то это, конечно же, ситуация *европо-российской конфронтации*. Это не зримая невооруженным глазом война, но это и не вполне мирный мир, — это именно конфронтация, когда ни мира, ни войны, но когда более всего... некое клинчевое противостояние.

Откуда это вдруг взялось?

Крымские и донбасские события на Украине — не причина европо-российской конфронтации, а всего лишь повод. Причиной является экспансия на Восточную Европу Западной Европы, поддержанная и частично реализуемая НАТО и США.

Как наследница Древнего Рима и древнего финикийства Западная Европа, всегда исповедовавшая империализм и колониализм, не осталась после развала СССР и социалистического лагеря в своих границах, а пошла, верная своей империально-колониальной традиции, на Восток. Уступки восточноевропейского соседа в лице Российской Федерации, сделанные в 1990-е гг., настолько подзадорили западных европейцев, что они забыли про уроки давней и недавней истории и двинулись, поощряемые США и бывшими союзниками СССР из Центральной Европы, на европейский Восток, а тем самым и на Россию.

Однако Россия, оправившись от добровольно-вынужденного поражения СССР, вдруг перестала уступать Западу и перед ним отступать, а перешла к активной обороне своих геостратегических рубежей: Россия не могла допустить западноевроамериканской экспансии, поддерживаемой НАТО, в зоне своего безусловного исторического присутствия.

Так на просторах Большой Европы возникла сегодняшняя межевропейская конфронтация. Да, она вроде бы не чревата большой войной, но... война всегда подступает незаметно и неумолимо, а уж когда по границам восточно-европейского мира возникают натовские базы и объекты евроамериканской ПРО, а Россия уже давно и чуть ли не вплотную со всех сторон окружена американскими военными базами, то вопрос начала большой войны не представляется чисто декларативным.

Да, конфронтация по большому счету имеет место сегодня между Россией, с одной стороны, и США с ЕС — с другой. Но в этой конфронтации свою вспомогательную роль играют и отдельные страны, как те же прибалтийские страны или Украина с Польшей. У этих стран есть свои локальные конфронтационные интересы и амбиции, но не они являются главными действующими лицами новейшего геополитического напряжения.

Тут все гораздо основательнее и глубже: Западу во главе с США и участием ЕС не дает покоя так и не ставшая за последние четверть века западной восточноевропейской Россия: большая, насыщенная ресурсами, а главное — другая, Западу альтернативная, а потому и особенно ему противная. Давняя тут геостратегическая песенка: «Запад — Россия», — и сегодня имеет место лишь ее новая распевка.

Что же делать нам — европейцам, разумеется, разным — западным и восточным?

Прежде всего надо отказаться от текущей и вообще любой в будущем конфронтации между Западом и Востоком Европы; признать, что Восток и Запад Европы — не одно и то же и никогда они вместе не сойдутся: убедить себя в том, что ни Восток, ни Запад никогда от себя не откажутся и сами по себе в угоду партнеру-противнику никуда не денутся.

Большая Европа — комплекс из ряда Европ, среди которых Западная Европа в виде прежде всего ЕС и Восточная Европа, олицетворенная прежде всего Россией. Таковой Большая Европа и должна быть — разнообразной, многосубъектной, полицентровой!

Отсюда и перспектива: не общее единение и не безоглядная любовь, а разумное сожительство с взаимным уважением, а на место конфронтации — большой и долгий, если не великий, *общеевропейский компромисс!*

На очереди вовсе не конфронтационная, а *компромиссная Большая Европа*, состоящая из взаимовыгодно взаимодействующих европейских субъектов — не менее и не более!

Безнадежная ли это мечта, тривиальное ли заблуждение или же все-таки кое-какая реальная надежда? И одно здесь, и другое, и третье: в общем — более всего, пожалуй, невозможная невозможность, чем возможная возможность. Однако в реальной истории все происходит странно, не очень-то и логично, а именно — в пользу, как правило, невероятного и совершенно неожиданного. Так что вряд ли нам стоит терять надежду на компромиссное, а потому и вполне позитивное, разрешение нынешней конфронтационной коллизии и обращение Большой Европы к иной — *компромиссной* — модели своего бытия.

Да будет!

А.А. ГРИЦЕНКО

Реконструкция Европы в контексте поиска путей разрешения современных противоречий

Аннотация. Исследуются современные формы проявления в Европе противоречий разделенно-совместного мира с целью выявления способов их разрешения. Обосновывается необходимость реконструкции Европы как единства ее коренной перестройки и восстановления собственной идентичности, понимаемой в логике исторического развития. На основе соединения агрегатного, сетевого, иерархического и полисистемного подходов раскрыты методологические основания для решения интеграционных проблем. Выводы могут быть использованы для коррекции интеграционной политики Европейского союза.

Ключевые слова: реконструкция, противоречия, разделенно-совместный мир, глобализация, локализация, агрегат, сеть, иерархия, полисистемность, компромисс.

Annotation. The article examines the modern forms of manifestation in Europe of the contradictions of separately-joint world in order to identify ways to resolve them. It grounds the necessity of reconstruction of Europe as the unity of its fundamental rebuilding and a recovery of its own identity, considered in the logic of historical development. Based on the combination of aggregate, network, hierarchical and polysystemic approaches the methodological foundations for solving integration problems are offered. The findings can be used to correct the European Union integration policy.

Keywords: reconstruction, contradictions, separately-joint world, globalization, localization, aggregate, network, hierarchy, polysystematicity, compromise.

В Европе накопилось столько противоречий, что продолжение совершенствования ее существующей архитектуры не сможет их разрешить. Необходима реконструкция как более кардинальная перестройка ее несущих конструкций. Реконструкция — многозначное понятие, широко применяемое в науке и практике. Она понимается как «переделка, коренная перестройка чего-либо, организация по совершенно новым принципам», «с целью улучшения, усовершенствования», как «воспроизведение процессов, происходивших в прошлом, на основе некоторой модели и предпосылок», как «восстановление первоначального вида, облика чего-либо», как «воссоздание материальной

и духовной культуры той или иной исторической эпохи и региона» [5; 6] и т. д. В данной статье термин «реконструкция» будет употребляться как синтез двух значений: 1) коренной перестройки и 2) восстановления собственной идентичности и самости. Иначе говоря, в данном контексте *реконструкция Европы — это ее коренная перестройка с целью восстановления и развития ее самости.*

Конечно, вопрос о восстановлении собственной идентичности, самости Европы очень сложный. Средневековая Европа весьма существенно отличается от ее современного облика. Простое сравнение принципов ее организации и ценностей ничего не даст. Это будут пустые абстракции. Для адекватного отражения самости Европы необходимо понимание логики ее исторического пути. В современной Европе есть то, что исторически возникло, стало ее завоеванием и будет развиваться; есть то, что было историческим достоинством, но в новых условиях превращается в тормоз развития или даже угрозу существованию; и есть то, что только рождается и еще не принимается обществом, но в перспективе станет господствующим. Идентичным для Европы является не то, что она уже утвердила (там могут быть и консервативные, мешающие развитию ценности), а то, что соответствует исторической логике ее развития. Социальное государство, гуманистические ценности, права человека, политкорректность — все это и многое другое должно быть рассмотрено не в качестве абстрактных ценностей, а в логике исторического развития. Такой подход предполагает рассмотрение Европы в контексте глобального развития мира.

Современный мир соткан из противоречий: экономических, социальных, политических, идеологических, экологических, психологических, межличностных, групповых, цивилизационных и др. Они пронизывают всю ткань общества и принимают конфликтные формы, включая военное противостояние. Но это не просто фрагменты современной действительности. Они имеют общее основание, из которого произрастают, и общее результирующее выражение.

Исходным общественно-экономическим отношением, из которого развились человек и общество, все формы их существования, был совместно-разделенный труд, что доказано теоретически и экспериментально [3; 4, 263 — 269, 320 — 341]. Из него развиваются во взаимосвязи и взаимопроникновении, с одной стороны, отношения разделенности и обособленности, с другой — кооперации и обобществления, что находит свое выражение со стороны разделенности в формировании рыночной экономики, а со стороны совместности — в возникновении и развитии государств.

Государства до недавнего времени достаточно эффективно выполняли функции пространственно-институциональной локализации рыночных систем, которые внешне взаимодействовали через движение товаров, рабочей силы и капиталов, регулируемое с помощью тарифов, квот и других разнообразных инструментов. Это давало возможность странам получать взаимную выгоду и реализовывать свои конкурентные преимущества.

Однако в настоящее время кооперация и обобществление труда и производства вышли на такой уровень, который перерос национальные границы и обусловил экстенсивное и интенсивное развитие глобализации. Необходимыми условиями для этого были развитие информационно-сетевых технологий и финансизация экономики. В своем единстве они сформировали предпосылки для глобального характера движения капитала, легко преодолевающего национальные границы. Вместе с этим процессом глобализации и в неразрывном единстве с ним развивается процесс локализации глобальных возможностей. Например, современный университет, обучающий студентов и привлекающий преподавателей со всего мира, использующий разнообразные источники информации и финансирования, является локальным представителем глобального процесса развития науки и образования в значительной степени независимым от национального государства, на территории которого он расположен.

Отношения совместно-разделенного труда в своем развитии воплотились в разнообразных характеристиках современного мира, который является очень сложным. Для его описания используются сотни тысяч различных категорий, и даже при этом он в значительной мере остается непознанным. Но в то же время всегда есть характеристики, которые наиболее адекватно и кратко отражают сущность явлений или процессов. Можно долго и обстоятельно описывать различного рода детали, так и не подобравшись к сущности. А можно выразить ее в одном кратком определении. Если попытаться кратко выразить наиболее существенную и в то же время наиболее актуальную и потенциально многогранную характеристику современного мира, то его можно определить как *разделенно-совместный мир*. В этом определении заключена вся предшествующая история человечества, его современные коллизии и перспектива.

Каждый отдельный человек может реализовать себя только через производство благ для других и получение необходимых ему благ от других. Промышленность и сельское хозяйство, строительство и транспорт, наука и культура, разнообразные профессии и сферы деятельности — все это лишь современные формы развившегося на про-

тяжении всей человеческой истории совместно-разделенного труда. Главная проблема здесь состоит в том, чтобы обеспечить *соединение обособленных* элементов системы: как найти работу, продать товар, получить деньги, обеспечить сбалансированность бюджетов (семейных, государственных), регионального развития, достичь торговых и платежных балансов стран, эффективно встроить национальную экономику в мировую и т. д.

Противоречия являются источником развития общества и, если они относятся к сущностным характеристикам общества, то разрешаются путем нахождения опосредствующих звеньев в движении противоположностей и погружения противоречия, как показал Гегель, в основание [1]. Так, например, государство, как *единичный* представитель *общих* интересов, возникло как форма разрешения противоречия между частными и общими интересами членов общества. Деньги возникли как форма разрешения и движения противоречия между потребительной стоимостью блага и его стоимостью и первоначально представляли собой *единичный* товар, выполняющий роль *всеобщего* эквивалента в обмене. Европейский союз возник как форма разрешения противоречия между общими интересами европейских стран и их интересами как обособленных национальных государств. Одним из важных результатов его существования является превращение Европы из «континента войны в континент мира», за что в 2012 г. Европейскому союзу была присуждена Нобелевская премия мира. Основанием для такого решения Нобелевского комитета был «шестидесятилетний вклад в достижение мира и урегулирования, демократии и прав человека в Европе».

Но противоречия могут не только разрешаться путем нахождения опосредствующих звеньев, создающих форму дальнейшего движения, но и накапливаться, обостряться, принимать антагонистические формы, приводить к военным конфликтам и разрушению целого. Движение противоречий разделенно-совместного мира в настоящее время приобрело конфликтную форму, выразилось в обострении экономических, социальных, политических, религиозных, цивилизационных и иных противоречий и возникновении глобального кризиса, охватившего весь мир и все сферы человеческого существования.

Обобщенной современной формой реализации противоречия совместно-разделенного существования является *противоречие между глобализацией, которая развивается со стороны совместимости и реализуется, прежде всего, через информационно-технологические и финансово-экономические механизмы, и локализацией, которая развивается со стороны разделенности и реализуется через пространст-*

венно-территориальные формы локализации материальных и трудовых ресурсов, неспособных перемещаться в пространстве со скоростью финансовых потоков и электронных платежей. По существу, это есть основное противоречие современной эпохи, проявляющееся во множестве разнообразных форм бытия человека и общества. Конфликтными формами проявления этого противоречия являются глубокие финансово-экономические кризисы в государствах соотнoсительно слабой экономикой внутриинтеграционных образований, попытки определенных национально-территориальных единиц получить независимость, требования более глубокой регионализации, противодействие ряда политических сил углублению интеграции стран ЕС, вооруженные конфликты в странах, где концентрируются экономические и геополитические интересы транснациональных корпораций и государств их базирования и др.

Институциональной формой укоренения глобализации является рост роли транснациональных корпораций, а институциональной формой укоренения локализации усиление значения организационно-экономических структур, которые базируются на определенной территории, и ослабление роли территориально-государственных образований, что может быть квалифицировано как кризис национальных государств.

Транснациональные корпорации имеют существенные преимущества перед национальными товаропроизводителями за счет эффекта масштаба, возможностей использования результатов научно-технического прогресса и т. д. Если транснациональные корпорации приходят в менее развитые страны, где производительность труда ниже, а ресурсоемкость выше, то результатом является разорение национальных производителей со всеми дальнейшими последствиями: снижением темпов роста, увеличением безработицы, бюджетного дефицита и дефицита торгового баланса, ростом инфляции и девальвацией национальной валюты и т. д. Поэтому менее развитые государства всегда в таких случаях проводили политику протекционизма. Однако развитие глобализации, ее поддержка международными экономическими организациями снижают возможности оппортунистического поведения национальных государств, даже если они несут существенные потери.

Диалектика этого процесса такова, что, с одной стороны, транснациональные корпорации постепенно приобретают силу, которая в определенном отношении превышает силу государств, с другой стороны, граждане и экономические структуры становятся все более независимыми от национального государства. Человек, например, может получить образование в одной стране работать в других странах. Для фирмы, включенной в мировые сети, более важное значение имеют

местное самоуправление, обустройство местности надежная работа коммунальных служб, чем отношения с государством. С развитием информационно-сетевой экономики такие тенденции будут усиливаться. Роль национальных государств будет уменьшаться, а роль территориального самоуправления и автономизации структур некоммерческого сектора будет возрастать.

Интеграция, как одна из форм разрешения противоречия между глобализацией и локализацией производства, призвана связать пространственно-локализованные структуры с глобализованными финансовыми потоками и движением информации. Она должна учитывать уровни развития, мобильность, эластичность, скорость движения ресурсов, информации и денег, находить адекватные механизмы согласования параметров функционирования системы. Строительство Европейского союза недостаточно учитывало диалектику этого процесса. Последняя волна расширения ЕС в определенной степени проигнорировала слишком большие разрывы в уровнях развития стран и Маастрихтские критерии, что неизбежно привело к накоплению противоречий. В условиях отсутствия у стран суверенной монетарной и валютно-курсовой политики ряд экономических дисбалансов проявился в долговом кризисе.

Существенные различия в уровнях развития приводят к обогащению более развитых стран за счет менее развитых и к деградации экономики последних. Компенсационные механизмы могут обеспечить стоимостное возмещение части потерь, однако это само по себе не обеспечивает развитие производственного потенциала. Существуют и организационные противоречия, связанные с масштабами расширения ЕС. Чем больше субъектов и чем существеннее экономические различия между ними, тем сильнее проявляется несовпадение их интересов. Решения же во многих случаях предполагают консенсус. В условиях углубления кризиса это может привести к параличу управления процессами.

Интеграция имеет многоаспектный характер, и ее «в принципе неправильно анализировать исключительно с помощью инструментария экономической науки» [8, 11]. Европа как единство географического, социально-экономического, институционального, политического, социокультурного и иных пространств может быть понята только в результате полисистемного анализа, учитывающего рефлексивный характер ее целостности. Нельзя решить экономические проблемы без социальных, а социальные без культурологических, и все вместе без институциональных и иных. Одно зависит от другого, и все отвечает во всем.

В таких условиях развитие интеграционных процессов принимает агрегатную форму, в которой ядро системы образует нулевой агрегат (A0), составляющий вместе с прилегающей к нему зоной, обладающей существенными характеристиками ядра, следующий агрегат (A1), дополняемый отдаленной зоной (агрегат A2) и периферией (агре-

гат А3), где признаки ядра весьма слабо обнаруживаемы. В экономике это можно сравнить с денежными агрегатами [3, 66 — 67]. В соединении с полисистемным подходом это дает структуру пересекающихся экономических, социальных, культурных и иных агрегатов. При этом вся агрегатная структура имеет характер иерархических сетей, что само по себе противоречно, так как сеть и иерархия являются в определенном смысле противоположностями.

Формирование информационно-сетевого общества, активно происходящее в настоящее время, с одной стороны, открывает невиданные ранее возможности глобализации, с другой — приводит к фрагментации и разложению человека и общества и формированию постчеловека. Основное противоречие современной эпохи — противоречие между глобализацией и локализацией, выраженное через логику развития человека, выступает как «главная коллизия современности: *от человека через его апокалиптический кризис к постчеловеку*» [7, 12]. Образовавшиеся сети (экономические, социальные, профессиональные, террористические и иные) иногда становятся непримиримыми и вступают в конфликт или даже вооруженную борьбу между собой, нивелируя человеческие ценности и принципы гуманизма. Они также создают форму для соединения в постчеловеке биологического, социального и технического, превращение его в био-социо-технический субъект. Взаимодействие сетей нуждается в иерархии, способной устанавливать их соподчиненность, ценность и даже устранять деструктивные сети. Все это небезразлично для судьбы Европы, так как в ней все современные процессы проявляются особенно выпукло.

Таким образом, агрегаты, сети и иерархия становятся ключевыми характеристиками противоречивого движения современного полисистемного совместно-разделенного мира, которые должны быть учтены в реконструкции Европы. Экономический кризис как составляющий элемент глобального кризиса, вызвал, с одной стороны, необходимость усиления иерархии и наднационального регулирования, с другой — породил центробежные тенденции. Миграционный кризис обострил целую систему противоречий экономического, социального, культурного, цивилизационного характера, поставил под вопрос свободу перемещения между странами ЕС и вызвал к жизни новые формы противостояний и протестов.

Европейский союз, евразийская интеграция, переговоры по зоне свободной торговли между ЕС и США, интеграционные и дезинтеграционные процессы в других регионах, события на Ближнем Востоке, Украине, во многих точках мирового социально-экономического, политического, цивилизационного пространства, несмотря на разное содержание и разнонаправленность этих процессов, по существу, являются разнообразными конкретными формами проявления противоре-

чия между глобализацией и пространственно-страновой локализацией материальных и трудовых ресурсов. Эти противоречия частично разрешаются интеграционными процессами, частично ими же обостряются, принимают разные формы экономических, социальных, политических, идеологических и других конфликтов, противостояний, вооруженных столкновений, войн, компромиссов, соглашений, союзов и т. д. Они имеют общее основание и свою собственную специфику. Следует также учесть действие законов динамического структурирования, которые ведут к концентрации богатства в наиболее развитых странах. Человеческий капитал устремляется к социальному капиталу и к высокому уровню развития. Возможности богатых стран умножаются, а бедных сужаются.

В этих условиях идея Большой Европы от Лиссабона до Владивостока может показаться нереальной мечтой. И это действительно так, если задачу ставить прямо и непосредственно. Но это не так, если этот процесс рассмотреть с точки зрения исторической логики и необходимости постепенного, разноуровневого, разноформатного, разноскоростного и градуалистского подходов. Решение проблемы состоит не в том, чтобы, учитывая остроту современных противоречий, отказаться от идеи Большой Европы и сосредоточиться на внутренних проблемах, а в том, чтобы найти формы решения внутренних проблем в сопряжении с внешними, в конечном счете, глобальными задачами, соединить глобализацию и локализацию как противоположности в один комплементарный процесс разрешения противоречий между ними, учитывающий агрегатно-иерархически-сетевую структуру полисистемного разделенно-совместного мира.

Евразийская интеграция должна рассматриваться не как противовес европейской, а как подготовительная форма движения к Большой Европе. Это предполагает не только провозглашение такого лозунга, но и реальную работу по координации интеграционных процессов с учетом перспективы. Для этого необходимо реализовать принцип рефлексивности отношений, который означает, что ни одна из сторон двухсторонних отношений не может сказать третьей, что это дело только двоих и третьей стороны это не касается. Мир взаимозависим во всех точках своего социально-экономического и культурного пространства. Поэтому необходим расширенный диалог, полилог, ищущий и находящий компромиссы. Украинский кризис имеет одной из своих предпосылок отказ от учета позиции третьей стороны, что привело к весьма трагичным последствиям.

Таким образом, *выделение экономических, социальных, культурных и иных агрегатов, отличающихся по степени соответствия*

внутреннему для этой сферы критерию, дифференциация механизмов взаимодействия элементов агрегатной структуры с учетом ее иерархически-сетевого характера, сопряжение разнородных (например, экономических, культурных) агрегатов и нахождение способов их совместно-разделенного существования на основе полисистемных подходов — вот методология реконструкции Европы на пути ее расширения в Большую разделенно-совместную с евразийским пространством Европу.

Именно такая методология обеспечивает адекватный подход к решению многообразных интеграционных проблем. Она дает возможность находить дифференцированные решения, пригодные для конкретной ситуации. Например, сохранение Польшей и Чехией своих национальных валют может рассматриваться как разумный компромисс, учитывающий степень дифференциации социально-экономического пространства и дающий инструментарий для разрешения ряда возникающих противоречий. Это должно также быть учтено в агрегатной структуре денежной массы в Европе. Выделение в ЕС агрегата стран с более низким уровнем развития и разработка для них дифференцированных условий конвергенции, отказ от навязывания иным народам некоторых культурных норм, невоспринимаемых большинством населения, реконструкция социального государства в соответствии с современными условиями и задачами, консультации с евразийскими странами по вопросам согласования траекторий движения к Большой Европе и многое другое представляют собой конкретные формы применения такого методологического подхода. Подобных форм может быть множество. Условиями для их нахождения являются осознание цели, единство методологии и поиск компромиссов. Европейская общность должна реализовываться не как подгонка под абстрактный стандарт, а как соединение различного во взаимное.

Литература

1. Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
2. Гриценко А. Институциональная политическая экономия: предмет, методология, содержание. Saabrucken/Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.
3. Гриценко А.А. Россия и Украина на острие европейской и евразийской экономической интеграции // Философия хозяйства. 2014. № 3.
4. Ильенков Э. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2.
5. Реконструкция // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/>.

6. Реконструкция // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.
7. *Осипов Ю.М.* Философия на миру: абстракции и практики // Философия хозяйства. 2014. № 3.
8. *Сиденко В.Р.* Глобализация — европейская интеграция — экономическое развитие: украинская модель: В 2 т. Т. 2.: Европейская интеграция и экономическое развитие. К.: Ин-т экон. и прогнозир., 2011.

References

1. *Gegel' G.* Nauka logiki. M.: Mysl', 1971. Vol. 2.
2. *Grytsenko A.* Institucional'naja politicheskaja jekonomija: predmet, metodologija, sodержание. Saabrucken/Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014.
3. *Grytsenko A.A.* Rossiya i Ukraina na ostrije evropejskoj i evrazijskoj jekonomicheskoij integracii // Filosofija hozjajstva. 2014. No. 3.
4. *Il'enkov A.* Stanovlenie lichnosti: k itogam nauchnogo jeksperimenta // Kommunist. 1977. No. 2.
5. Реконструкция. Available at URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/>.
6. Реконструкция. Available at URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. *Osipov U.M.* Filosofija na miru: abstrakcii i praktiki // Filosofija hozjajstva. 2014.
8. *Sidenko V.R.* Globalizacija evropejskaja integracija jekonomicheskoe razvitie: ukrainskaja model'. Vol. 2.: Evropejskaja integracija i jekonomicheskoe razvitie. K.: In-t jekon. i prognozир. 2011.

Г.А АХИНОВ, К.А. ЗИМАРИН

Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство — вызов нового времени

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного авторами исследования о подготовке Соглашения о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП). Рассмотрены цели, задачи и предмет Соглашения, а также даны оценки того влияния, которое оно может оказать на развитие торгово-экономических отношений между ЕС и США в условиях реализации концепции устойчивого развития. Отмечается, что инвестиции являются ключевым фактором в формировании глобальных цепочек создания стоимости. Поэтому в рамках ТТИП предусмотрена защита инвестиций и инвесторов

в их спорах с государством. В статье особо подчеркивается, что снятие в рамках ТТИП нетарифных барьеров предполагает дальнейшее развитие регуляторного сотрудничества. Авторами даны некоторые оценки того, как подписание данного Соглашения может отразиться на развитии торгово-экономических отношений между ЕС и Россией.

Ключевые слова: Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство (ТТИП); защита инвестиции и инвесторов; глобальные цепочки создания стоимости; регуляторное сотрудничество.

Abstract. The article presents the goals, objectives, impact and benefits of the Agreement Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP) to the economy of the EU and US. It is noted that investment is a key factor in the formation of global value chains and that the growth in international trade is one of the most important drivers of sustainable development. Therefore, in the framework of the TTIP provides for the protection of investments and investors in their disputes with the State. The article emphasizes that TTIP envisages further development of regulatory cooperation. Also, the authors are given some estimates on how this Agreement may affect the development of trade and economic relations between the EU and Russia.

Keywords: Transatlantic Trade and Investment Partnership (TTIP); the protection of investments and investors; global value chain; regulatory cooperation.

Вначале рассмотрим цели, задачи и влияние ТТИП на развитие торгово-экономических отношений между ЕС и США. Достижение обозначенной в ТТИП цели по увеличению на новой технологической платформе объемов взаимной торговли предполагает решение задач по гармонизации торгового регулирования. Учитывая, что тарифные барьеры уже низкие (менее 3%), достижение успеха в рамках данного Соглашения, предполагает устранение нетарифных барьеров. В частности, экспертные оценки показывают, что около 80% потенциала роста торговли после принятия ТТИП относится к эффектам устранения административных и технических барьеров, поскольку именно устранение нетарифных барьеров позволит снизить конечную стоимость товаров и услуг.

В соответствии с опубликованными на сайте Еврокомиссии документами планируется, что в ТТИП будут включены 24 главы, которые сгруппированы по трем основным разделам:

- *доступ на рынок:* торговля и таможенная очистка; услуги; государственные закупки; сертификат происхождения (1—4 гл.);

- *сотрудничество в области регулирования*: регулирование операций; технические барьеры в торговле; продукты питания; химия; косметика; инженерия; медицинское цифровое оборудование; информационно-коммуникационные технологии; фармацевтика; текстиль; автотранспорт (5 — 16 гл.);

- *правила*: торговля и стабильное развитие; энергетика и сырье; таможня и торговля; малые и средние предприятия; защита инвестиций; право интеллектуальной собственности и географические названия; урегулирование споров; пестициды; конкурентная политика (17 — 24 гл.).

Отметим, что США и ЕС являются крупнейшими торговыми партнерами, в сферу интересов которых входит треть мировых торговых потоков. При этом важно, что внутрикорпоративные трансферты, согласно имеющимся оценкам, составляют треть всей трансатлантической торговли. С учетом этого можно сделать вывод, что ТТИП призвано стимулировать дальнейшее развитие мировой торговли и создание глубоких макроэкономических взаимозависимостей по следующим важным направлениям:

- *стандарты*: работать на международном уровне при выработке новых правил, для обеспечения более тесной совместной увязки регуляторов ЕС и США при создании общих стандартов;

- обновление существующих норм в соответствии с современным контекстом, что позволит установить высокие стандарты, которые будут служить базисом для международных регуляторов.

Давая оценки возможности для ЕС и США в рамках ТТИП *совместно развивать правила торговой и инвестиционной деятельности*, отметим, что еще Лиссабонское соглашение, которое установило основные правила функционирования ЕС определяет устойчивое развитие в качестве фундаментального принципа деятельности ЕС, как на внутреннем уровне, так и на уровне взаимоотношений ЕС с остальным миром. Поэтому переговоры о ТТИП (это отражено в докладе Рабочей группы высокого уровня — High-Level Working Group, HLWG) базируются на европейских и американских обязательствах о высоком уровне защиты человека и окружающей среды.

В концептуальном плане важно отметить, что международные документы определяют устойчивое развитие как взаимодействие трех взаимозависимых и взаимодополняющих измерений: экономического, социального и экологического. С учетом этого правительства стран — членов ЕС должны принимать меры по защите окружающей среды и рынка труда (в рамках концепции «Достойный труд»). Для ЕС важно,

чтобы импортируемая из США в ЕС продукция, полностью *соответствовала европейским стандартам качества*.

При этом (это особенно важно в контексте отношений между РФ и ЕС) на рынке природных ресурсов и энергетики должны быть введены такие нормы регулирования, которые будут обеспечивать *стабильный доступ на эти рынки* всех потенциальных участников.

Остановимся на вопросе, как в рамках ТТИП предусмотрена защита инвестиций и инвесторов в их спорах с государством. ТТИП предоставляет уникальную возможность установить новую повестку дня для защиты инвестиций и разработки положений по урегулированию споров между инвесторами и государством. Это обусловлено тем, что *инвестиции являются ключевым фактором в формировании глобальных цепочек создания стоимости*, которые, как уже отмечалось, составляют уже треть от всего объема трансатлантической торговли. Поэтому торговые соглашения должны не только снимать тарифные барьеры, но и за счет отмены нетарифных барьеров содействовать тому, чтобы компании могли осуществлять инвестиционную деятельность.

Лиссабонский договор отнес переговоры по инвестиционным соглашениям к компетенции ЕС, что предоставляет новые возможности по защите инвестиций и условиям урегулирования споров между государством и инвестором. В соответствии с позицией Европейского парламента, которая выражена в его Резолюции о будущем Европейской международной инвестиционной политики, принятой 6 апреля 2011 г., система защиты инвестиций в целом работает хорошо, но и она нуждается в дальнейших усовершенствованиях, что предполагает достижение оптимального баланса между *правом государства осуществлять регулирование и необходимостью защиты инвесторов*. Это важно, поскольку иностранные компании, которые осуществляют инвестиции, в ряде стран сталкиваются с проблемами, которые не всегда можно решить с помощью внутренней правовой системы конкретного государства. Круг этих проблем весьма широк — *от вопросов отчуждения собственности без надлежащей компенсации, до вопросов об отзыве лицензии на ведение дел и других злоупотреблениях*.

ТТИП должно обеспечить таким иностранным компаниям гарантии, что вопросы о защите их инвестиций будут рассматриваться на равных с национальными компаниями. Создание для компаний правовой определенности и предсказуемости, а также защита инвестиций на государственном уровне являются инструментами по привлечению прямых иностранных инвестиций. Поэтому практически во всех соглашениях о защите инвестиций (для иностранных инвесторов в рам-

ках их отношений с государством пребывания) предусмотрены *четыре ключевые гарантии*:

- защита от дискриминации (режим наибольшего благоприятствования и национальный режим);
- защита от экспроприации, которая не проводится для целей общественной политики и не компенсируется справедливо;
- защита от несправедливого и неравноправного, например, отрицающего базовую процессуальную справедливость, подхода к регулированию;
- обеспечение возможности перевода капитала.

С учетом этого в вопросах защиты инвестиций Еврокомиссия проводит работу *по двум основным направлениям*. Первое — уточнение и совершенствование правил защиты инвестиций. В данном контексте необходимо, в первую очередь, уточнение понятийного аппарата: «право регулировать», «косвенная экспроприация», «честный и справедливый подход»¹. И второе — улучшение функционирования системы урегулирования споров. Это предполагает сделать арбитражную систему более прозрачной и обеспечить введение гарантий для сторон, а также совершенствовать работу по решению конфликтов интересов и усилить контроль над преемственностью судебных решений. Важно отметить, что Еврокомиссия уже интегрировала аналогичные изменения в соглашение ЕС о свободной торговле с Канадой, а также ведет переговоры о таких изменениях при подготовке соглашений с другими странами.

С учетом раскрытых ранее основных положений можно сделать вывод, что поскольку в настоящее время именно инвестиции являются ключевым фактором в формировании глобальных цепочек создания

¹«*Право регулировать*»: соглашения ЕС подтверждают право сторон осуществлять регулирование для достижения законных целей государственной политики. «*Косвенная экспроприация*»: соглашения ЕС предусматривают подробный набор рекомендаций для судей по поводу того, как принимать решение в тех или иных случаях, ведет или нет правительственная мера к косвенной экспроприации. В частности, когда государство защищает общественный интерес недискриминационным образом, право государства осуществлять регулирование, должно превалировать над экономическими последствиями этих мер для инвестора. «*Честный и справедливый подход*»: это стандарт, к которому очень часто обращаются инвесторы, в то время как он четко не определен. В результате суды имеют значительную свободу в его интерпретации (слишком много или слишком мало прав инвесторам). В соглашениях ЕС (например, с Канадой) этот стандарт будет точно установлен и подробно описан.

стоимости, то снятие в рамках торговых соглашений нетарифных барьеров должны поощрять инвестиции и содействовать тому, чтобы компании могли расширять свою инвестиционную деятельность.

Вопрос о снятии в рамках ТТИП нетарифных барьеров предполагает дальнейшее развитие регуляторного сотрудничества. Поэтому ключевая задача переговоров между ЕС и США в рамках ТТИП состоит в том, чтобы сделать регламенты и правила обеих сторон совместимыми. Рассмотрение вопросов о регуляторном сотрудничестве предполагает поиск ответов на три вопроса:

- почему именно регуляторное сотрудничество является приоритетным предметом обсуждения в ТТИП?
- почему регуляторное сотрудничество в рамках ТТИП не снизит существующий уровень защиты потребителей в ЕС и США?
- как в рамках ТТИП будет структурировано регуляторное сотрудничество и каковы актуальные предложения ЕС по данному вопросу?

Для ответа на первый вопрос рассмотрим *четыре основные причины*, объясняющие, почему так важно дальнейшее развитие отношений между ЕС и США в сфере регуляторного сотрудничества.

1. Рабочие места и экономический рост. Создание совместных регламентов между ЕС и США позволит снизить издержки торговли через Атлантику. Компании смогут избавиться от ряда необязательных издержек, которые возникают из-за разработки и производства двух разных наборов продуктов для продажи на каждой из сторон Атлантики, а также необходимости прохождения дублирующих проверок и сертификации подтверждения. Издержки такого рода создают ограничительные барьеры по выходу на рынок для многих компаний, особенно малых и средних предприятий. На данном этапе работа по регуляторному сотрудничеству в рамках ТТИП сфокусирована в тех секторах экономики, в которых в ЕС уже работает более 30 млн человек, а именно: фармацевтика, инжиниринг машин и медицинских устройств.

2. Больше выбора для потребителей. По мере того как регламенты ЕС и США станут более совместимыми, потребители получат более широкий выбор продуктов, а сокращение торговых издержек может привести к снижению цен.

3. Усиление регулирования, лучшее обеспечение соблюдения правил. ТТИП не будет означать снижение уровня защиты или безопасности. Поскольку ТТИП стимулирует регуляторное сотрудничество, потребители будут иметь более высокие гарантии приобретения безопас-

ных и легальных продуктов. Стороны применяют одни из самых качественных систем регулирования, которые управляются наиболее квалифицированными в мире экспертами. Поэтому расширение применения этого опыта позволит устранить ненужное дублирование (например, при проверках предприятий, занимающихся производством лекарств и медицинского оборудования), и это высвободит ресурсы для решения более актуальных задач.

4. Увеличение влияния на международном уровне. Более тесное регуляторное сотрудничество между ЕС и США в рамках ТТИП даст импульс дальнейшему развитию, обновлению и имплементации международных регламентов и стандартов. Когда ЕС и США соглашаются на применение какого-либо подхода в сфере регулирования, вероятность следования ему со стороны других государств значительно повышается.

Совместная работа на ранних стадиях процесса разработки решений, должно привести к такому регулированию, которое является более совместимым, продуктивным и результативным. При этом важно отметить, что согласно позиции ЕС, ТТИП не должно оказывать влияние на права каждой из сторон устанавливать новые регламенты. Поэтому, отвечая на второй вопрос — почему ТТИП не снизит существующий уровень защиты потребителей в ЕС и США, — необходимо подчеркнуть, что принятие данного Соглашения не будет изменять конституции стран — членов ЕС, которые устанавливают право государства принимать в общественных интересах свои законы и регламенты. Поэтому правительства стран ЕС должны в полной мере сохранить за собой право регулировать порядок предоставления общественных услуг (образование, здравоохранение).

Отвечая на третий вопрос, — как в рамках ТТИП будет структурировано регуляторное сотрудничество, — отметим, что европейская сторона предложила создать Комитет по регуляторному сотрудничеству (Regulatory Cooperation Body RCB). Его основные функции будут состоять в мониторинге работы, проделанной в секторах, и определении новых возможностей для сотрудничества. Он может стать платформой, на которой стороны будут рассматривать приоритеты трансатлантического сотрудничества в области регулирования.

Одна из функций RCB будет состоять в обеспечении руководства процессом непрерывного интерактивного сотрудничества между регуляторами США и ЕС с целью повышения уровня будущей нормативной совместимости и конвергенции — насколько это возможно. Перед RCB не будет ставиться задача по проверке проектов регламентов, рассматриваемых каждой из сторон.

Кроме того, необходимо отметить, что по мере вступления в действие Соглашения о ТТИП, для его участников будет важно осуществлять активную политику по проверке и оценке влияния данного Соглашения на решение задач устойчивого развития. Для этого требуется установить приоритетные области для обмена информацией, диалога и совместных инициатив по различным аспектам регулирования в вопросах устойчивого развития. ТТИП должно стать специальной совместной платформой (включающей участников национальных консультативных групп сторон) для открытого диалога между заинтересованными лицами, а также для обеспечения взаимодействия с совместным межправительственным органом. При этом одним из приоритетов в их совместной деятельности должно стать оказание поддержки национальным регуляторам для осуществления их взаимодействия на максимально ранней стадии. Это должно обеспечить регулирование, которое станет более совместимым, продуктивным и результативным, что подразумевает в том числе и более эффективные процедуры принуждения.

Рассмотрев общие положения, связанные с подготовкой Соглашения о ТТИП, определим, как его подписание может отразиться на развитии торгово-экономических отношений между ЕС и Россией. Учитывая масштабность соглашения о ТТИП и экономический вес его участников, совершенно очевидно, что принципы и стандарты его функционирования будут оказывать значительное влияние на развитие всей международной торговли. ТТИП, несомненно, изменит архитектуру и принципы функционирования глобальной экономики. Существенное увеличение торговых потоков между ЕС и США может привести к сокращению объемов торговли с другими партнерами и частичному вытеснению их с рынков ЕС и США, что ограничит приток в страны ТТИП товаров, услуг и капиталов из остальных государств мира.

При этом важно, что, по нашему мнению, ТТИП отражает современную глобальную тенденцию активизации стремления к заключению региональных торговых соглашений. Это тенденция обусловлена изменениями в общей парадигме общественного развития. В основе этих изменений лежат такие понятия, как индивидуализация сознания и формирование социального капитала. В экономике это уже привело к отказу от идеи «фордизма» — массового производства продукции стандартного качества. Одним из последствий стали продолжающиеся изменения в характере международной торговли, где уже более трети поставок относится к внутрикорпоративной торговле, связанной с перемещением продукции и услуг в «цепочках добавленной стоимости» корпораций, их филиалов и дочерних компаний. Соответственно, эф-

фективность производственных процессов и производственных цепочек в глобальной экономике во все возрастающей степени зависит от скорости и стабильности трансграничных торговых и инвестиционных потоков.

В этих условиях не входящие в ТТИП страны и альтернативные экономические союзы будут вынуждены менять или, по крайней мере, корректировать свои региональные и глобальные торгово-экономические и геополитические стратегии. Соответствующие программы и варианты ответных действий должны прорабатываться и планироваться уже сейчас, в том числе Россией и торгово-экономическими блоками, в которых она участвует.

Более того, ТТИП будет стимулировать и другие страны к подписанию торгово-экономических договоров с США и ЕС на условиях, сформулированных в этом соглашении, что в контексте принятых ЕС и США против России санкций, создаст дополнительные возможности (риски), связанные с экономической изоляцией России. Это обусловлено тем, что подписание Соглашения о ТТИП будет способствовать унификации экономической политики США и ЕС, и в случае продолжения санкционного давления, оно примет еще более скоординированный и глобальный характер.

Очевидно, что позиции России в мировой экономике и международной торговле будут, прежде всего, зависеть от успешного решения актуальных внутренних социально-экономических задач, снижения критической зависимости от экспорта углеводородов, активного внедрения новых технологий и развития собственного высокотехнологичного производства, продукция которого может быть конкурентоспособной и востребованной на мировых рынках в «цепочках добавленной стоимости». На этом фоне одним из возможных способов укрепления политико-экономических позиций России (в дополнение к активному развитию торговых отношений в рамках ЕАЭС, БРИКС и других объединений) должен быть достаточно гибкий подход к Соглашению о ТТИП. Подход, при котором обе стороны будут проводить линию на гармонизацию и создание совместимых регламентов, что позволит России отстаивать свои позиции на торговых переговорах.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ, Е.С. ЗОТОВА

**Человек, хозяйство, экономика:
европейский контекст**

Аннотация. Исследуются причины онтологических, мировоззренческих и социокультурных различий России и Европы, истоки тысячелетних непониманий и неприятий России европейским менталитетом. Установлено, что истоком антагонистических отношений России и Европы служит различие их высших сакральных принципов. Европу внутренне оформил и конституирует Логос — закон абстрактности как высшего принципа ее исторической жизни, а Россию оформила и определяет София Премудрость Божья — смысловой императив законов, вещей, существ, людей, институтов, идей, жизни и смерти.

Различие сакральных принципов породило различие типов их бытия. Россия основывается, живет, исторически изменяется на матрице хозяйства и посредством хозяйства, а Европе развертывает историческую субстанцию своего бытия на основе и посредством экономики. Именно фундаментальные различия хозяйства и экономики определяют геополитические и конкретно исторические, социокультурные, мировоззренческие формы России и Европы, типы европейских людей, почти не понимающих и не признающих русские народы, в массе своей заряженных скрытой злобой и агрессией против них.

В России доминирует тип хозяйственного, хозяйствующего человека, для которого хозяйство (как и экономика) служит средством жизнеобеспечения и смыслового общения с миром сакральным. В Европе доминирует тип экономического человека, для которого жизнь, люди служат средствами роста и умножения экономической субстанции — богатства в денежной и золотой формах.

Ключевые слова: Россия, Европа, хозяйство, экономика, человек.

Abstract. The article investigates the reasons of ontologic, world outlook and sociocultural distinctions between Russia and Europe, sources of thousand-year misunderstandings and rejections of Russia by the European mentality. It is established that the source of the antagonistic relations between Russia and Europe is distinction of their highest sacral principles.

Internally Europe is issued and is constituted by Logos which is a law of abstractness as a highest principle of its historical life, and Russia is issued and defined by Sophia the Wisdom as a semantic imperative of laws, things, beings, people, institutes, ideas, life and death. Distinction of the sacral principles generated distinction of types of their life. Russia bases, lives, historically changes on a matrix of economy and by means of economy, and Europe develops historical substance of the life on a basis and by means of economics. Fundamental distinctions of economy and economics define geopolitical and historical, sociocultural, world outlook forms of Russia and Europe, types of people who are almost not understanding and not recognizing each other, on the whole loaded with the hidden rage and aggression against each other. The type of the economic, managing person dominates in Russia, for which economy (and economics) serve as survival facilities and semantic communication with the sacral world. In Europe the type of the economic person dominates, for which the life, people serve as means of growth and multiplication of economic substance (riches in monetary and gold forms). Respectively, economic evolution is directed to comprehension of sense of eternal wisdom, and economic development which is urged on by progress is aimed at achievement of the highest abstractness of wealth in virtuality forms and death. Therefore, in Russia there is a hardest life on the verge of impossible, and Europe cheerfully, easily and with euthanasia leaves life without wishing to reconcile with its burdens and sufferings.

Keywords: Russia, Europe, economy, economics, person.

Простираясь от Атлантики до Урала, Европа является уникальным континентом, в котором цивилизационные и геополитические императивы разрывают его географическое, социокультурное и сакральное единство. Так, в Европе единое христианство континента распалось на три самостоятельных ветви, создало три самобытных христианских цивилизации — европейскую, американскую и с оговорками — русскую; но эти цивилизации из-за постоянной вражды друг с другом забывают о сакральном единстве и смысловой миссии континента в мире. Этническая почва Европы пропитана общими смыслами славянской ментальности, большинством населения неосознаваемыми, но времена роковых угроз пробуждают инстинкт самосохранения континента, хотя в текущей повседневной истории этот инстинкт чаще работает как разрушительный антиинстинкт. Россия — законная и неотъемлемая часть Европы, которая по неведомому указу видит в ней основную угрозу для себя, хотя история свидетельствует об обратном.

Россия несет в себе смутно ощущаемую жизненную тайну, служит ей своей историей; но Европа пред этой тайной чувствует себя

неуверенно, не совсем правой, но изменить курс своего «Титаника» не может, хотя и догадывается о его финише (германская и скандинавская мифология допускают гибель богов и мира). Россия не случайно самая молодая страна, и после нее новых стран уже нет; Россия возникла лишь после того, как Европа необратимо избрала путь католицизма, а затем, — ослабив его протестантизмом, сменила свой христианский и хозяйственный традиционализм на идеологию милитарных инноваций научно-технического прогресса и ростовщичества. Видимо, европрогресс отринул важные жизненные элементы христианства и хозяйства, и ради их сохранения в рабочем состоянии возникла особая страна — Россия, которая, несмотря на чудовищные акты агрессии и геноцида с Востока, Юга и Запада, упорно идет своим неведомым путем, выполняя провиденциальные императивы по сохранению сакрально-хозяйственных даров человека. И вот эти провиденциальные императивы России, непостижимые для Европы, вызывают у нее тотальную агрессию, геноцидное отторжение России, и в то же время порождают экзистенциальный страх — а что же будет с Европой, когда Россия всерьез забудет о ней, откажется от взращивания агрессии — творческой субстанции нашей жизни?

Отношения России и Европы — это трагический, болезненный и неразрешимый парадокс. Почти все конфликты и самые кровопролитные мировые войны развертывались между Европой и Россией. В Европе таится бездна непреодолимого непонимания России, хотя Россия всегда высоко ценила культуру Европы, даже преклонялась перед ней, безоговорочно принимала ее научно-технические плоды, не говоря уже о жертвенности России, спасшей Европу от панмонголизма и фашизма. И тем не менее в Европе по отношению к России устойчиво доминируют враждебность, беспочвенные обвинения в агрессии, злобное молчание и русофобия, прерываемые временами корыстной дружественностью. В бессознании Европы таится не то, что вражда, — враги когда-либо усмиряют свою агрессию, ибо вражда категория не вечная, — а онтологическая, метафизическая неприемлемость России, доходящая до того, что немало европейцев видят смысл своей жизни и смерти в ненависти к ней. И даже если бы Россия вполне переустроила себя по канонам Европы, строго блюдя ее указы, все равно она осталась бы для нее неприемлемой в силу ее сакральной и антропологической направленности, неведомой и для России.

Истоком антагонизма России и Европы служит различие их высших сакральных начал. Европу внутренне оформил и определяет Логос — закон абстрактности как высшего принципа ее жизни, а Россию оформила и определяет София Премудрость Божья — смысловой

императив законов, вещей, существ, людей, институтов, идей, жизни и смерти. В Европе высшую мудрость представляет Логос, а в России — София.

И невыносимую неприемлемость России для Европы порождают сакральные различия их бытия. Если бытие Европы расколото инфернальной диалектикой — «Быть или не быть», то для России бытие — сакральное кольцо, соборный круг триалектики: «быть-не быть-вечность не забыть»². Именно различное устройство бытия России и Европы определяет их телеологию и эсхатологию, конкретно-историческую организацию их социальной и производственной жизни, культурно-религиозную динамику, геополитический выбор врагов, союзников и друзей, источник и характер постоянных угроз их существованию, бессознательное восприятие мира как дружественной или как смертельно опасной субстанции.

Метафизикой русского бытия является триалектика, выражающая доверие к миру, готовность оказать помощь другим народам, пресекая геноцидные рефлекссы соседей. Бытие опекает святое небо, которое никому не угрожает, а потому агрессивность не может быть защитной добродетелью человека. Бытие природно, культурно и духовно оформляет, украшает, наполняет смыслами София Премудрость Божья, а потому самого страшного — вечного и бесследного исчезновения человека — уже не может случиться.

Конкретно эти эмпирические различия бытия России и Европы можно отследить в трудовой деятельности, которая рано раскололась на хозяйство и экономику. Именно фундаментальные различия экономики и хозяйства во многом определяют метафизику, конкретно эмпирический характер и тип отношений Европы и России. Поэтому для понимания причин непонимания Европы и России нужно выявить основные параметры хозяйства и экономики, специфику их эволюций и эсхатологий.

Россия изначально оформлялась матрицей хозяйственной культуры, хотя в различные эпохи экономические анклавы имели в ней свои пространства. Хозяйственный детерминизм России обусловлен ее лесным ландшафтом, климатом и постоянной угрозой нашествий с Востока, с Юга, и, конечно, Запад не забывал «своего куска». Поэтому в России первоначальное накопление в масштабах, необходимых для экономики, было невозможно (какой смысл копить вещественное богатство, если его в любой миг отымут завоеватели?). Но эти же усло-

²Фактически бытие Россия воспринимает как реальность и как царство Св. Троицы.

вия — уровень базовых потребностей ниже минимума материального самосохранения — способствовали накоплению духовных богатств, государственных умений, что проявилось в русской литературе, искусстве, в государственном строительстве. Отсюда и бытие в России понималось и принималось как хозяйство, призванное умножать смысловые потенции жизни, созидать спасительный контекст сознания «жизнь — вечность», заменяя им смертоносный контекст «жизнь — смерть».

Европа изначально оформлялась по матрице городской культуры, в благоприятном географическом ландшафте, имея выходы к теплым морям, что позволяло в больших объемах вести торговлю, устраивать колонии, копить богатства и рабство. Хотя первоначально хозяйственный сектор занимал в Европе существенное пространство, но начиная с эпохи Возрождения после религиозной реформации Европа резко порывает с хозяйственным традиционализмом и переходит на рельсы товарно-денежной экономики, финансовой эксплуатации мира (сегодня финансовая эксплуатация избавляется от населения Европы, заменяя его дешевыми мигрантами). Поэтому бытие для Европы есть непрерывно самоумножающееся богатство, преимущественно в денежной форме, так что даже гарантом Второго Пришествия становится своевременная выплата долгов. А контекст «жизнь — смерть» Европа и поныне пытается преодолеть путем создания волшебной системы реструктуризации долгов, становящихся атрибутом вечности.

Ни что за последние 300 лет так скучно не обсуждается в мире, как экономические вопросы и проекты. Спорщики используют массу терминов и методов, ссылаются на различные экономические концепции и школы. Но нет в этих спорах анализа истока, первопроекта, перводвигателя экономики. А ведь сегодня все экономические изобретения, организации, структуры, формы, объединения, идеологии, теории доказывают лишь свою негодность. Все они с абсолютной ясностью выявили свою разрушающую суть, истребляя чудеса природы, человека, мысли. И делают они это с ловкостью фокусников, принося на грамм правды и прибыли мегатонны лжи, симулякров, мусора. А караван экономики, лишенный мудрых проводников и философских прозрений, идет в плодоносную пустыню экономики ИГ (ИГИЛ).

Допустим, что осталась одна чистая-пречистая экономика, ставшая всевластной царицей мира. Куда эта царица поведет своих служивых? Какой мир, каких людей породит ее чрево? Куда ведет человека это чувственно-сверхчувственное, человечески-сверхчеловеческое существо, возникшее не без содействия людей, но ставшее их царем и потребителем? Что же это за чудо-юдо этакое —

экономика? Призванная производить блага жизни, она производит почти все, чего желают люди, но в то же время разрушает природу, культуру, людей, готовя человечеству и самой себе глобальный суицид.

Экономика во многом определяется своей трансцендентностью, которая проявляется в непознаваемой динамике цен и стоимости; этой трансцендентности присущ свой разум, что проявляется в ее поразительной способности принимать решения, нужные ее телеологии и технологии. И дело не в том, что человек не знает стоимости, а в том, что он должен принимать ее как особое Существо, отчасти управляемое, но в самых важных аспектах независимое от человека, не открываемое ему. «Ум» стоимости работает и в фиктивном капитале, посредством которого она мошенничает с людьми и с самой собой, заменяя труд симуляцией, вынуждая людей принимать фикции за реальность. Стоимость умна и в том, что, будучи нежитью, она покоряет всех живых и мертвых, глупых и умных. И для понимания экономики нужны не только эмпирические, диалектические, но и софиасофские, трансцендентные методологии.

Исследование труда человека, научная рефлексия его смыслов и целей, выработка теоретического и практического его понимания породили два типа анализа — философию хозяйства и экономическую³ науку.

³Термин «экономика» (от др.-греч. Οικονομική), буквально — закон дома) использовал уже в VI в. до н. э. древнегреческий поэт Гесиод, выделяя в нем два слова: «ойкос» (дом) и «номос» (закон), что означает умение устроить дом как малый космос жизни. В IV в. до н. э. древнегреческий историк, воин, философ Ксенофонт (ок. 430—355 гг. до н. э.) написал трактат «Домострой» (др.-греч. «Οἰκονομικός»), в котором называет экономику наукой о домоводстве вроде того, как есть наука медицины, математики и другие. Этот трактат Цицерон перевел на латынь (лат. *Oeconomicus*). В 1776 г. после труда А. Смита экономика стала наукой о богатстве, а с 1848 г. после книги Дж.С. Милля «Principles of Political Economy» исходный смысл термина «экономика» укрыли маской общепризнанной экономики, скрывающей в себе хрематистику.

И сегодня термин «экономика» не имеет четкого, ответственного статуса и определения; ученые вкладывают в него самое различное содержание. Причем, первый — домохозяйственный — смысл, экономики вытесняют в историю и на периферию исследований. В современных словарях, справочниках, учебниках и энциклопедиях термин «экономика» имеет множество (свыше 28) разных значений. Некоторые ученые считают экономику идеологией (Ю.М. Осипов), мифологией (А.Ф. Лосев, М.Л. Хазин), религией (П. Кругман). П. Фейерабенд допускает любые трактовки экономики, которая в итоге сама должна избрать своего жениха, свои смысловые и концептуальные наряды.

До начала эпохи Возрождения экономика и хозяйство были нераздельны и неслияны. Аристотель впервые выделил, исследовал экономику-хозяйство, которая обеспечивает потребности домоустройства семьи, государства, используя в качестве средства и деньги, и экономику-хрематистику, копирующую деньги как самоцель. Ученый искал причину беспредельного накопления денег. Ведь людям нужны вещи за деньги, а не деньги за деньги?! Человек ли стремится к безмерному накоплению денег, или сами деньги влекут к себе своих возлюбленных? Или есть «третий», делающий человека накопителем денег, а деньги — оскопителем людей? Аристотель отвечает: «В основе этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни; и так как эта жажда беспредельна, то и стремление к тем средствам, которые служат утолению этой жажды, также безгранично» [1, 393].

Деньгонакопление выражает стремление человека к «жизни вообще»; но «жизнь вообще» — это абстракция от жизни, представляющая сама по себе интересы смерти.

Аристотелю ясно, что деньгонакопительство провоцирует энтропию, соблазняя человека вечной жизнью, но подменяя ее вечной смертью. Мистерия Аида внушает, что самой экономной экономикой является смерть, ибо ей нужны лишь люди; что она самая богатая, а кризисы ей нипочем. Но осознать эти галлюциногены хрематистики

Вершиной этого терминологического разброда является мнение о том, что у каждого экономиста есть-де свое понимание экономики. Этот беспредельный плюрализм разлагает экономический разум. Даже название дисциплины — экономика — в русском языке стало неопределенным и расплывчатым. Экономикой называют: 1) производственно-трудовую, хозяйственную и финансовую деятельность; 2) науку о народном хозяйстве; 2) науку о товарно-денежном хозяйстве, ставшем капитализмом; 3) науку о производстве, распределении, обмене и потреблении товаров; 4) науку о рациональном использовании ресурсов (минимум затрат — максимум прибыли); 5) работу, операции и манипуляции с финансами. Постмодернизм называет экономикой производство и обращение знаков, символических ценностей и симулякров. Но все дружно говорят о кризисе, требуют инноваций, развития экономики, не указывая, что именно есть «экономика». Конечно, разномыслие, различие методов и подходов, в науке необходимо, но оно должно выявлять многообразие аспектов, смыслов, частей цельного объекта, а не крушить его бытийный монолит. Ведь когда пальцев на руке больше пяти, то рука становится неработающим органом, уродом. И в этом хаосе мнений о сути экономики трудно понять, какая же именно экономика испытывает кризис, да и вообще невозможно даже выделить больные органы экономики. Этот термин сегодня несет в себе прямо-таки тьму египетскую, сеющую непонимание даже очевидного.

современный человек не может. А обсуждение экономики в неосознаваемом контексте смерти несет беду этим горе-знатокам.

Вся послеаристотелевская наука так и не усвоила открытия Аристотеля, увидевшего в экономике inferнальный детерминизм, идеологию смерти. Допустим, что экономике созданы все требуемые ею условия: позволено играть ценами, измерять все деньгами, действовать только по своим правилам. Куда она придет и человека приведет? Царь Мидас практически, а Аристотель научно доказали, что абсолютно свободная экономика устремится к смерти, ибо, превратив мир в деньги, она затем сама станет бумагой и числом без людей. А числа срама и смысла не имеют!

В другом варианте непрерывное превращение денег в ценные бумаги, а бумаг в еще более сверхценные и т. д. приведет нас к виртуальному миру или к оккультным поискам волшебной сверхбумаги, гарантирующей процент во веки вечные. И только хозяйство спасало до сих пор экономику от самоубийства, не позволяя ей людей превратить в деньги, деньги — в бумаги, реальность — в виртуальность.

В этой связи принципиальное значение имеет вопрос о различии экономики и хозяйства. Логически хозяйство — род, а экономика — один из его видов; род — целое, а виды — его части, их автономия задается родом. А если виды выходят из рода, они вступают на тропу суицида. Часть временно может выйти из целого, как это делают преступники, но конец таких выходов летален. Логически (прагматически, морально) части должны подчиняться целому. А поскольку экономика — часть хозяйства, то жить она может лишь в нем. Поэтому не может быть нормальной, да еще народной экономики! Экономика — это всегда дело одной касты, изобретающей формы эксплуатации; и принципом экономики является алогизм — часть больше целого. Экономика и ее наука желают эту аксиому логики отвергнуть теоретическим, а капитализм — практическим безумием, доказывая, что часть больше и важнее целого, а потому она может и должна править целым, только целым... кризисом.

Философия хозяйства тоже ищет причину и смысл этого загула Валтасара, превращающего мудрость мира сего в безумие. Хозяйство у всех народов было частью мудрости, религией, а философия хозяйства есть наидревнейшая пранаука, возникшая вместе с человечеством. И Адам в Раю занимался садоводческим хозяйством, ибо не угодны Господу бездельники. Но это было благостное хозяйство, которому земля не сопротивлялась. Подневольным хозяйство стало после катастрофы, когда смерть наложила на него свою печать. Философия хозяйства продолжает древнейшую традицию, но уже в экономически-

инфернальной среде, умножающей, потребляющей пороки, катастрофы, кризисы, готовящие свой апокалипсический праздник.

Итак, хрематистика смерти стала заменять жизнесозидающее хозяйство. Человек хочет деньгонакоплением превратить смерть в мотор экономики, ибо смерть — наилучший двигатель: не знает дефицита, исправно истребляя жизнь, обеспечивая рост экономики. И капитал («мертвый труд») создал мир экономики, но в нем царит смерть, делающая человека своим сырьем. Крах этого мира неизбежен, ибо экономика не может переварить изобилие смерти, вызывающей сегодня агонию уже и экономики.

Возрождение по сути стало контрреволюцией хрематистики, которая сплела хозяйство и ростовщичество в реалию, которую прозвали «экономикой», игнорируя тот факт, что «перводвигателем» этой реалии служит паразитизм, подчинивший себе хозяйство и финансы, позавив их спидом хрематистики; поэтому никак не удастся наладить даже простое воспроизводство экономики, ибо ее точит вирус хрематистики. Рубль добра требует в экономике 5 рублей на смерть, а избавление от смерти губит даже малое ее добро. (Табак и водка для жизни и хозяйства вредны, но для экономики и смерти выгодны.) А хозяйство, полезное для жизни, она отменяет! Пропорции жизни и смерти в экономике меняются, но их слитность остается. Эта-то матрица стала онтологией общества, человека, власти, культуры наших дней. Поэтому крайне опрометчиво употреблять термины «экономика» и «хозяйство» без их проверки на «спид» хрематистики.

Именно смертно-милитарная суть экономики, которая плодит войны, правит историей такими живодерскими орудиями, вынудила Россию в начале XX в. искать в хозяйстве альтернативу экономизму. С.Н. Булгаков в 1912 г. вскрыл эту некрофилию хрематистики и предложил избавление от нее в философии хозяйства (см.: [2]). К этому времени хрематистика, охватив не только хозяйство, но и культуру, политику, науку, разум, самого человека, стала угрозой человечеству.

Начиная с глубин седой древности и вплоть до эпохи Возрождения хозяйство и экономика совпадали, будучи средствами жизнеустройства семьи (Дома), общины, города, государства. Хозяйство (экономика) в Античности не обладало автаркией, а было частью мудрости, которая оценивала его критерием общего блага. У Аристотеля хозяйство служит зависимой частью этики, руководствуясь моральным идеалом. Посредством меры хозяйство устраняет антагонизм справедливого и несправедливого в цене, в труде, в налогах, в имуществе, в доходах и расходах. Аристотель ввел понятие «естественного хозяйства», целью которого служит общее благо дома и государства; а это

благо потом заменили бессмысленной и пустой экономикой. Он рассматривал хозяйство как интегральную деятельность, сочетающую в себе науку и искусство, которые совместно обеспечивают достижение благой и прекрасной жизни, в которой имущество служит здоровью, здоровье — душе, душа — уму, ум — мере и богам. А Дом посредством хозяйства сочетает природные, демографические, трудовые, торгово-денежные, общинные, нравственные, политические, религиозные, духовные, военные стороны бытия людей.

Экономика-хозяйство Аристотеля воспитывало патриота, героя своего народа и Отечества. В этом плане соционика и педагогика суть необходимые части хозяйства, ибо возвращение новых поколений есть дело величайшей сложности. А для хрематистики, занятой лишь ростовщическим накоплением денег, дети только помеха, хотя сегодня и дети стали сырьем субстанции богатства.

Выделение экономики в качестве жизненной автократии произошло в Европе только в последние 500 лет. Эпоха Возрождения, смешав хрематистику с экономикой-хозяйством, затем просто стала именовать эту смесь «экономикой», хотя в данном термине скрыты два несовместимых смысла — хозяйство — средство жизни и жизнь как средство денег. Хрематистика, подчинив себе хозяйство⁴, искадила смысл термина «экономика», сделав его орудием зомбирования экспертов; использование этого термина в науке создает непреодолимые трудности, ибо его смыслами правит произвол ростовщика. В современных дискурсах термин «экономика» означает и хозяйство, и ростовщичество, и денежный аспект хозяйства, и капитализм, который питается структурами, энергиями, ресурсами, знаниями, самой реальностью хозяйства. Хозяйство же представляет всю полноту жизнеотправлений человека. Даже деньги, войны, смерть, убийства животных и людей вопреки их негативности могут служить средствами, которыми человек очищает хозяйство от паразитизма и антихозяйственных сил. Поэтому столь ценны учения Домостроя, философии хозяйства, что они содержат в себе контексты, в которых экономика может глядеть на себя глазами хозяйства, видеть судьбы экономики и богатства без хозяйства.

Эта сиамская натура экономики, даже само ее слово требуют более точного термина для обозначения ее сути и смысла, ибо хрематистика в облике кроваво прогрессивной экономики стала несовме-

⁴В хозяйстве традиция требует начинать всякую работу призывом «С Божьей помощью!». Но трудно себе представить, что, делая вклад в банк или получая проценты, можно взывать к Божьей помощи. Небезопасно!

стимой — своей социальной генетикой, своими функциями — с вечностью.

Хозяйствование же включает в себя и внеэкономические измерения экономики, богатства, нищеты. Клеточкой хозяйства является Дом, взятый в самом широком смысле домостроя, в котором зарождается, сохраняется и продолжается жизнь; Дом как ячейка социальной жизни родил и философию хозяйства. Не теорию хозяйства, ибо теория тоже не различает «экономику» и «хрематистику», а философию, которая сохранила социальное, личностное и сакральное различия хозяйства и хрематистики, связав экономику с хозяйством, а хрематистику — с ростовщицеством и спекуляциями. Истину экономики-хозяйства выражает философия хозяйства, которая охватывает и труд, и производство, и метафизику веры, и софийные смыслы, и житнетворчество, и финансовые импровизации. Экономика же — часть общества и жизни хозяйствующего человека, а не общество и человек — части экономики. Экономика — синоним хозяйства, а в ней ростовщики устроили свои клубы; и экономика, как и хозяйство, средство, а не цель жизни. За крушением экономики на защиту жизни встает хозяйство, а за крушением хозяйства стоит гибель. Хозяйство — родовая категория всех видов продуктивной деятельности человека, а экономика есть лишь аспект стоимостного, финансового и кредитного хозяйства. Поэтому глобальная экономика своим финансизмом разрушает экономическую цивилизацию, за которой уже нет защитных стен хозяйственной жизни людей.

Хозяйствующий человек есть субъект своих дел, мыслей, самого себя. В хозяйстве человек творит и познает; в хозяйстве человек творится и познается; в хозяйстве человека возникает и прячется от него кризис — антихозяйственная сила, нацеленная на переделку человека его же усилиями в нечеловека. Уникальность философии хозяйства в том, что она всецело синтетична, смыслова, что в ней эмпирический анализ, логика подчинены главной задаче — изобразить, постичь цельность человеческого бытия, не отождествляя, но искусственно и не разделяя в нем сакральные и мирские факторы, материальную жизнь и ее смысловое восхождение к правде мира.

Хозяйство есть первая живая форма, в которой обретают содержание абстрактные категории бытия, материи, духа, мира, жизни, сущего, той же экономики. Оно преодолевает абстрактную экономическую мысль, потерявшую свою жизненность. Категория хозяйства есть первая живая мысль, изображающая мир как живую сущность. Хозяйство — мир, в котором реализуются проекты и дела,

творится жизнь, бытие, но в то же время хозяйство — и сознательная реализация жизни, самоутверждение, сознания, слова, ума. Поэтому посредством категории хозяйства все частные знания, мнения, представления, весь хаос низшей жизни приобщается к целостному сознанию, обретая в нем свои предметные смыслы. Хозяйство преодолевает ползучий эмпиризм, хитроумные модели и схемы экономической науки, не видящей жизненных смыслов фактов, разрушающих основу их понимания.

Поэтому хозяйство по своему целостному содержанию, по своей интегральной форме, по своим всеобъемлющим функциям, по своим бесконечным качествам, по своим неисчерпаемым смыслам есть основной определитель человека, исторического и современного его бытия, основной метод изучения поведенческих рефлексов экономического человека.

Экономика-хрестоматика — это не столько практическое, идеологическое и научное дело, сколько религиозный проект-феномен. И без софийной метафизики не постигнуть ее сверхчеловеческой мощи и столь же сверхчеловеческой угрозы ее крушения вместе с человеком. В экономике люди имеют дело не только с благами, но и со смертью, вернее, смерть имеет дело с людьми, приняв соблазняющий облик прогресса. Люди потеряли суть экономики, выдав ее часть — средства — за цели и целое; и если главный вопрос хозяйства состоит в спасении людей от гибели, то главный вопрос экономики состоит в спасении прибыли за счет смерти людей. Поэтому экономисту нужно изучать в контекстах жизни, хозяйства, дома, религии, из которых она вышла, но служит не им, а принуждает их служить смерти. Экономика выжила из ума людей Бога, мудрость, философию, мораль, заменив их «науковизмом», в котором есть все, кроме понимания экономики. И неясно, почему одни люди надрываются в труде, оставаясь голодными, а другие от скуки выдумывают пороки, чтобы укрыть в них свое отсутствие.

С каждым днем растет число специалистов, экспертов, консультантов, советников по экономике, они трудятся в поте лица, но вместо понимания экономики растут ее непонимание и связанное с ним ее близкое суицидное отрицание. Поэтому сегодня нужны самая радикальная, самая беспощадная рефлексия термина «экономика», выявление его базовых, периферийных, служебных смыслов, его трансформаций, его трансцендентных ориентиров и целей, его инфернальных планов и контекста, в котором он родился и может выполнять свои функции.

Недооценка смыслов терминов «хозяйство» и «экономика» ведет к большой путанице «по умолчанию» в понимании именно экономики. Негативную роль играет и недооценка ее философских оснований, ибо хозяйство никогда не отрывалось от мудрости, само выступая как своеобразная мудрость. Только философский свет, просветляя термин «экономика», может указать основные чары и яды феномена экономики (см.: [3]).

Если хозяйство зародилось вместе с мудростью (философией), то экономика-хрематистика зародилась в грязных конурах ростовщиков, ставших сегодня финансовой элитой мира. Восприняв в 1930-х гг. идеи неопозитивизма, математического эмпиризма и критического рационализма, экономика начала рефлексивный пересмотр основных аксиом экономической теории — идей равновесия, максимизации прибыли, «правильной» конкуренции. Но до инфернальных своих истоков экономика не доходит, ибо осознание того, что экономика есть наука об искусственном изведении людей ради богатства, наука о финансовой эвтаназии людей, наука об апокалипсическом аудите — такое осознание невыносимо не только для людей, но и для самого бытия.

Хозяйствующий человек прост, ибо в нем действуют основные силы традиции: верность сакральным ценностям, семье, родной земле, высочайший профессионализм и ответственность за качество своих «плодов», коммунитарная взаимопомощь и солидарность со всеми людьми за сохранение Земли. И воюет хозяйствующий человек по нужде, но зато воюет так, что отучает любителей военной добычи от их разбойного ремесла.

Экономический человек весьма сложен, будучи достойным плодом червивого древа экономики. Аристотель метко заметил, что в цель можно попасть одним путем, а промахнуться можно бесконечными путями.

Основные черты «экономического человека»: софистика («богатый — мера всего»); эгоизм (личный успех — знак «богоугодности»); «сверхчеловечность» («судьба — мой друг»); коварство («хитрость сильнее ума»); раболепие перед сильными, лицемерие с равными, жестокость со слабыми («закон борьбы за выживание»); «двойные стандарты» («не проведешь — не выиграешь»); варварство денег («деньги выше Бога»); прагматизм («семья, коллектив, Родина — средства богатства»); волюнтаризм («что хочу, то и ворочу»); нигилизм («отрицание права и правовой беспредел»); выдрессированное дикарство («игра, юморизация, и симуляция поведения»); склонность к дезинформации («информация — средство обмана»); субъективизм («личная польза — критерий принятия решений»); утилитаризм («истинно то, что

полезно»); вульгарный материализм («мысль — функция желудка), вульгарный демократизм («свободу — богатым»); скрытый сатанизм («инферно служит богатству»); экологический бандитизм («отрицание всего природного»); цинизм («правда в животных началах людей»). Экономический человек есть предельная и реальная абстракция, отделяющая людей от их социокультурной сущности. Именно отсутствие такого человека в Китае и Японии стало условием их хозяйственно-экономического прогресса.

Исторически хозяйство предшествовало экономике; да и сегодня большая часть населения планеты занята хозяйством, а не экономикой. Поэтому экономику непрерывно потрясают различные кризисы, напоминая ей о ее преступлении перед человеком и хозяйством. Во времена войн, техногенных и природных катастроф люди забывают об экономике и начинают хозяйствовать, спасая жизнь, природу, человека. До катастрофы Чернобыля, Фукусимы люди служили экономике, а после беды занялись хозяйством, не считаясь с экономикой. Кризисную экономику спасает хозяйство, а вот само хозяйство не знает кризиса. Кризис хозяйства означал бы конец человеческому бытию.

Сегодня в экономике доминируют финансы, которые завели ее в сложную бифуркационную сеть, где ум бифуркаций заходит за фуркации, а последние скатываются в совсем уж неприличные «фуркации». Экономика должна или возвратиться в лоно хозяйства (что маловероятно), или сгореть в являщем пламени апокалипсиса (что весьма вероятно), или же трансформироваться в постэкономiku, т. е. в технологико-информационные структуры, берущие на себя функции экономики (что наиболее вероятно). Отслеживать идущий суицид экономики, сохранять хозяйственную перспективу людей — важнейшая задача русской мудрости — софиасофии.

В заключение сделаем следующие выводы.

1. Экономика является видом хозяйства, его товарно-денежной формой, сочетающей в себе интересы жизни и неведомые цели смерти.

2. Хозяйство и экономика имеют общее предметное поле — производственно-трудовую деятельность, в которой человек творит жизнь, а жизнь созидает человека. Эта общая реальность выражается в онтологических, гносеологических, методологических, структурных, функциональных, институциональных, причинных, аксиологических, антропологических и метафизических формах.

3. Хозяйство есть форма реализации творящих сил человека. Философия хозяйства изучает человека как соавтора своего бытия и своей судьбы.

4. Экономика занимается формами эффективной эксплуатации природы и человека, средствами увеличения богатства. Экономическая наука изучает специфику экономического мышления, выполняет функции критической рефлексии оснований и методов экономических теорий, школ, дискурсов.

5. Хозяйство реализует ту социальность, в которой смысловая сакральность жизни выступает естественной самоцелью человека.

6. Экономика признает ту социальность, в которой эксплуатация жизни, хозяйства, человека, природы максимально умножает богатство.

7. Целевая формула философии хозяйства гласит: «Жизнь человека — самоцель, хозяйство и экономика — средства, софийные смыслы — причина хозяйства». Телеологическая формула экономики гласит: «Богатство — самоцель, жизнь человека, хозяйство и природа — средства, смыслы и бытие — в отходы — это необходимое условие экономики».

Литература

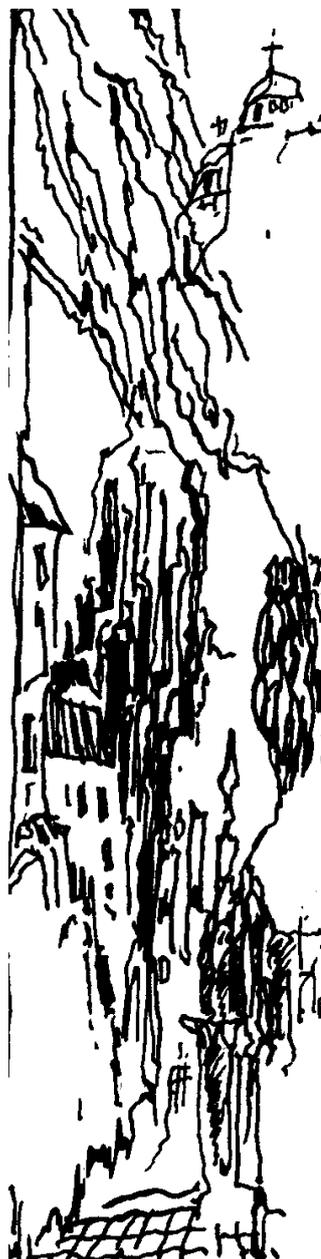
1. *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
3. *Осипов Ю.М.* Время философии хозяйства. М.: Экономист, 2003.

References

1. *Aristotel. Soch.* V 4 t. T. 4. Per. s drevnegrech. M.: Mysl, 1984. (ser. Filosofskoe nasledie) [Aristotel. Works in 4 v. V. 4. Translated from Greek. M.: Mysl, 1984.]
2. *Bulgakov S.N.* Filosofia hozyaystva. M.: Nauka, 1990. [Bulgakov S.N. Philosophy of economy. M.: Nauka, 1990.]
3. *Osipov Yu.M.* Vremya filosofii hozyaystva. M.: Ekonomist, 2003. [Osipov Yu.M. The time of philosophy of economy. M.: Economist, 2003.]

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Антропологический поворот в философии и метаморфозы гуманитарного

Аннотация. В статье выделяются признаки антропологического поворота в философии. Критикуется идея конечности Хайдеггера и предлагается антропологическое осмысление «четырёхугольника» Канта. Констатируется факт разногласия между философией и наукой и утверждается, что метаморфоза гуманитарного связана с идеей человека грезящего.

Ключевые слова: антропологический поворот в философии, метафизика, постчеловек, человек, сознание, антропология

Abstract. The article signs of anthropological turn in philosophy are allocated. The idea of an extremity of Heidegger is criticized and the anthropological judgment of «quadrangle» of Kant is offered. The disagreement fact between philosophy and science is established and claimed that the metamorphosis of the humanitarian is connected with idea of the person dreaming.

Keywords: anthropological turn in philosophy, metaphysics, the post-person, the person, consciousness, anthropology

Моя статья состоит из трех частей. В первой части я говорю о соотношении человека с самим собой и утверждаю, что чем лучше устроен социум, тем меньше в человеке остается человеческого. Во второй части я говорю о распре между наукой и философией и утверждаю, что философия сегодня — это антропология. В третьей части я пытаюсь переосмыслить кантовский «четырёхугольник» и утверждаю, что метаморфозы гуманитарного связаны с судьбой человека грезящего.

I

Антропология есть в любой философии. Но вопрос о человеке в философии не всегда ведет к антропологии. Он часто застревает в том, что может быть названо человековедением. Повороту к антропологии предшествовало увлечение метафизикой. Но уже во времена Хайдеггера выяснилось, что в вопросе о сущем не содержится ответ на вопрос

о том, что есть человек. Осталось только узнать, не содержится ли сам вопрос о сущем в вопросе о человеке.

Философия еще недавно отождествляла себя с феноменологией и критиковала Канта за попытку свести всю философию к ответу на вопрос о том, что есть человек. Но прав оказался не Хайдеггер, а Кант. Антропология существует не в качестве региональной онтологии, а как способ мысли, который отдает себе отчет в том, что человек — это субъективность, рождающая аффект.

Быть человеком — это значит иметь какую-то историю, которую трудно уловить или вообще не уловить через телесную организацию человека. Конечно, в мире существуют только тела и силы, но эти тела не соотносятся с собой, не говорят от первого лица. Человек является телом, которое соотносится с собой, т. е. грезит. И в этом смысле он принадлежит другому миру, не природе.

Человек — это история взлетов и падений того, кто, по словам Платона, может быть больше себя или меньше себя. Того, кто пытается, как говорит Хайдеггер, подняться над собой. В этом подъеме важно удержаться, а не рухнуть вниз в распростертые объятия природы, того, причиной чего человек не является, что живет самим собой без нашей поддержки.

«Подняться над собой» — это и есть то, что философы издавна называли бытием. Быть человеком — это значит соотносить себя с собой и подниматься в этом соотношении над собой, удерживая себя в этой вертикали подъема. В подъеме нет никакой коммуникативной пользы. Он не ведет к новым практикам, к новому использованию вещей. Он прерывает горизонтальное существование человека, в котором человек выступает как вещь среди вещей. Стать ниже себя — значит унижить себя, учредить в себе нечеловеческое начало.

Задача человека состоит в том, чтобы привести себя к самому себе. Все остальное — игра социума, уловки языка и кажимости прогресса. Но как привести себя к себе, если человек не совпадает с самим собой? Как подняться над собой, если чем лучше устроен социум, тем меньше в человеке человеческого?

Сегодня мы живем в режиме какого-то всеобщего падения. Человек как будто рухнул вниз, вернулся в платоновскую пещеру. И мы гордимся не только этим падением, но еще и тем, что утратили уникальность своего существования. Гордимся тем, что мы сегодня ничем не отличаемся от животных. И эта гордость заполняет пространство когнитивных наук, наук о мозге и гуманитарных прагматик.

В начале XX в. философию еще интересовал вопрос «Что есть человек?». И веру в уникальность человеческого существования еще

никто не называл зоофашизмом. В начале XXI в. на фоне всеобщей примитивизации мышления и упоения зоофилией возник вопрос о постчеловеке, о том, что возможно после человека. Со всех сторон мы слышим слова о том, что поскольку человек не может быть больше себя, поскольку он не может быть сверхчеловеком, постольку ему нужно перешагнуть через себя и устремиться к тому, что может быть названо постчеловеком. Мы разуверились в себе. Забыли о том, что способ нашего бытия состоит в прохождении через удвоение мира на вещи и представления о вещах. Наши фантазмы, наши представления действуют на нас так же, как вещи. Мы реагируем на свои видения, как на внешние стимулы.

Разве, вопрошал Хайдеггер, мы лучше видим или слышим, оказавшись выше самих себя? Но разве мы перестаем видеть, оказавшись ниже себя? Не нужно ли нам опуститься, приземлиться и быть, как все животные организмы, в рамках того кругозора, который нам обеспечен нашей природой? Человек хочет быть тем, что он есть, и не хочет быть тем, чем он может стать. Нас измучили наши грезы. Мы соскучились по внешним побудительным мотивам.

Человеку, нашептывает нам наука, не надо подниматься над собой, чтобы быть собой. Ему нужно просто перешагнуть через свою субъективность и стать чистым субъектом. Но чистый субъект совпадает с субъективностью, ибо он сам учреждает свою причину. Тогда как постчеловек — это человек, не управляемый воображаемым, это интеллект, отделенный от сферы сознания. Поскольку постчеловек не грезит, постольку ему не надо что-то решать, и поэтому он ни на что не решается. Нас сегодня затопила какая-то всеобщая нерешительность, и эта нерешительность обеспечивается социальными основаниями. Постчеловеку надо научиться только вычислять и рассчитывать.

Человек ускользает сегодня от того, что было его задачей, и поэтому он может быть схвачен — соматически, психологически и биологически. Наука всегда в случае с человеком сталкивалась с тем, что для нее было невыразимым. Сегодня эта невыразимость непостижимым образом исчезла. Постчеловек выразим в числе, исчерпаем набором фактов своего существования.

II

Между наукой и философией сегодня сложились странные отношения. Философия говорит, что причина сознания находится в самом сознании и путь к нему лежит через самопознание человека. Наука уверяет, что причина сознания лежит вне сознания и путь к нему лежит через познание мозговых структур. Философы говорят,

что человек — художник, история которого началась со времен наскальной живописи. Ученые доказывают, что человек — обезьяна, которая побрилась, надела костюм и стала читать газеты. Что его истории более миллиона лет. Философия указывает науке на дверь и просит ее не путать сознание с мозгом. Наука помещает человека в ряд живых существ и заявляет, что сознание — это не привилегия человека и она сама без всякой философии справится с проблемой сознания, полагая, что оно может функционировать в режиме компьютера.

Наука оставляет в стороне двойственную природу человека. В проекте постчеловека она реализует то, что хочет и может. Истина постчеловека реализуется в технике. Хотя человек и создает технику, но истина его не в технике, а в религии. Нужно, видимо, согласиться с тем, что человек никогда не был сокрыт от нас так, как он сокрыт сегодня. Он сокрыт от нас нашими знаниями о нем.

Современная философия все менее склонна к академизму в своих рассуждениях. И не потому, что ее потеснили писатели-интеллектуалы, а потому, что она, спасаясь от схоластических проблем познания, обживает поэзию и искусство, которые говорят человеку больше, чем может сказать ему современная наука.

Философия идет своим путем. Она полагает, что человек вообще рождается как художник, которому затем под давлением обстоятельств приходится делать из себя практика, производителя. Он множит практики, в которых сознание ему не нужно. Люди устали от сознания. Оно не нужно им. Как, например, не нужно сознание для игры в шахматы, для того чтобы сделать рубило, для обучения компетенциям в школах и университете. Оно не нужно для того, чтобы получить нобелевскую премию. Сознание нужно для того, чтобы краснеть от стыда. А также для того, чтобы взрывались галлюцинации. Сознание и есть не что иное, как взорвавшаяся галлюцинация, синтез реального и воображаемого. Сознание нужно затем, чтобы форма, линия, цвет или слово могли причинить человеку страдание, чтобы они могли перевести его в экстатическое состояние.

Но что происходит тогда, когда наше уже-понимание замещается интернетом и мы не доверяем своим ощущениям, если они не выражены в слове? Что происходит с сознанием, если оно, как зеркало, разбивается на осколки и теряет связь с символом? Сможет ли оно передать нам свойство целостности? Или оно избыточно для нас, и мы, как звери, привязаны к жизни и для нас невыносима тишина одиночества?

III

Кантовский «четырёхугольник» состоит из следующих вопросов. 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я могу надеяться? 4. Что есть человек? Все эти вопросы онтологически попытался переосмыслить Хайдеггер. Пришло время для того, чтобы попытаться их переосмыслить антропологически.

Начинать, видимо, стоит с последнего вопроса. Этот вопрос становится яснее, если мы скажем: что же есть человек, если он соотносится с самим собой и никогда не совпадает с собой? Так, на мой взгляд, звучит этот кантовский вопрос сегодня. Каков же ответ? Человек есть путник, заблудившийся, как в темном лесу, в мире своих грез, одной из которых является греза реальности.

Из проясненного четвертого вопроса следует иное прочтение первого вопроса: что я, грезящий, могу знать? Каков ответ на этот вопрос? Конечно, ничего я не могу знать, кроме того, что из пригрезившегося мне удалось объективировать. Только грезящий человек обладает способностью быть посредством своих представлений причиной реальности предметов этих представлений. Кто грезит, тот не знает. Кто знает, тот не грезит.

Под влиянием первого второй вопрос звучит теперь так: что я, не имеющий сущности, должен делать? Что мне делать, если я не марионетка Бога и не автомат природы? Если я марионетка, то у меня нет собственных видений и для меня не может существовать проблема должного. Если я автомат природы, то мои действия уже определены. Что мне делать, если я свободен? Как мне жить, если мир учреждается моим произволом? Я могу жить только так, как живут люди, т. е. пытаться постоянно следовать одному и тому же. Ибо быть субъектом — значит идти по прямой, прочерчиваемой в мире грез и хаоса.

Наконец, третий вопрос, под влиянием первых двух звучит так: на что я, одинокий, вправе надеяться? что меня, грезящего наяву, не подведет, не обманет? во что мне верить, если я замкнут в себе самом? как мне избежать самообмана? Я вправе надеяться только на то, что размыкает мое одиночество, оставляя меня свободным. А размыкается мое одиночество Богом в моем трансцендентальном воображении.

Поэтому все гуманистические программы оказываются несостоятельными в движении от человека к постчеловеку.

В.П. ОКЕАНСКИЙ, Ж.Л. ОКЕАНСКАЯ

Имя времени: кризисология как учение о темпоральности и диалектика культуры

Аннотация. В статье показана онтологическая обусловленность фундаментальной нестабильности: мировое хозяйство и культура несут на себе ее родовой отпечаток — человеческая воля направлена на творческое освоение судьбы.

Ключевые слова: время, катастрофизм, счастье, страдание, хаос, супрасмысл, культура, поэзия, именование.

Abstract. The article shows the fundamental ontological conditionality of instability: the world economy and culture bear its imprint — the human will is aimed at the development of creative destiny.

Keywords: time, catastrophism, happiness, suffering, chaos, meta-sense, culture, poetry, nomination.

Конъюнктура экономики и права ныне подходит к концу [7], хотя эти слова еще долго будут по инерции употребляться — в мире вновь воцаряются нехимические силы: хозяйство и воля. И если первое имеет прежде всего исходно пространственную организацию, то воля представляется фактором более глубоким и таинственным, ибо в нем само время заявляет о себе как о длительности — возрастающей, убывающей, преходящей, непреходящей...

Время вообще оказалось забыто в интеллектуальной культуре Нового времени — ему не нашлось автономного онтологического места [5]. И оно заявило о себе через посредство беспримерных кризисов и катастроф. Оказалось, что катастрофизм — не вторичный эффект или результат отклонения от исходной стабильности, как многим хотелось бы думать, а состояние самого существования на всех уровнях его космического проявления.

Ницше именовал это «произрастанием счастья»: «Вплотную рядом с мировым горем, и часто на вулканической почве, человек развел свои маленькие сады счастья. Будем ли мы рассматривать жизнь глазами того, кто хочет от бытия лишь одного познания, или того, кто покоряется и смиряется, или того, кто наслаждается преодоленной трудностью, — всюду мы найдем редкие ростки счастья рядом с не-

счастьем — и притом тем более счастья, чем вулканичнее была почва; но было бы смешно говорить, что этим счастьем оправдано само страдание...» [8, 470].

О последнем великолепно писал отец Сергей Булгаков: «Если бы мы не были такие эгоисты, если бы мы не были заняты постоянно своими делами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для нас. Стоит только открыть глаза и уши, прислушаться к голосам этого мира, мы услышим от всех времен и народов, от прошлого и настоящего нестерпимый стон, проклятия, жалобы, плач детей, мы почувствуем, что земля под нами пропитана кровью и весь этот мир и вся история есть одна мучительная трагедия. Мы не можем вынести и вместить этого сознания, мы слишком любим себя и свой покой, и только потому мы живем в относительном равновесии» [3, 116 — 117].

Таким образом, интересующий нас кризис — не побочный эффект, но существенный показатель базисной нестабильности самого существования; если посмотреть на жизнь (начиная от жизни отдельного человека или даже растения или медузы — и вплоть до существования человечества вообще, кроме того — можно учесть и другие формы, например, инопланетного и ангелического разума) с точки зрения динамики ее развертывания, то первое, что вполне очевидно, это — сплошная кризисность, при которой кризис оказывается не переходом между двумя стабильностями прошлого и будущего, старого и нового, но качественным показателем самой реальности, причем — всей; такое открытие побуждает к осмыслению существа кризиса, изоморфного не только всякому проявлению витальности, но, похоже, именно эти морфологические признаки несет на себе тотальность как таковая — фундаментальная кризисологичность бытия. Это имеет весьма глубокие этические проекции, и — далеко не только в первой благородной истине буддизма и наследии А. Шопенгауэра, но и у многих православных авторов, начиная с древнейшей патристики и вплоть до процитированного нами отца Сергея Булгакова, а также его современника, великого святителя Луки Крымского [4]...

Развиваемая нами кризисология — не просто учение (например, философия мира и войны) или совокупность учений о кризисе, но сам кризис, понятый как универсальная онтологическая структура, как развертывание мира во времени; на символическом уровне темпоральности кризиса соответствует топологичность хаоса, при этом речь должна идти не столько о деструктивности этих качеств, сколько об их синергичной эксцентричности и предельной смысловой концентрации; поскольку кризис — экзистенциальный и культурно-исторический аналог того, что в архаической метафизике и мифопоэтике именуют

хаосом, в глобальном плане интенсификация кризиса соответствует тому, что можно назвать апокалиптическим погружением мира в докосмическое состояние, когда «звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мф., 24:29).

Шпенглеровская проблематика [14; 15] своеобразной «негативной диалектики» (за полвека до адорновской диагностики) культуры и цивилизации была великолепно подхвачена в трагической историософии Н.А. Бердяева: воля к жизни создает культуру, перерастающую в технотронную цивилизацию, а воля к культуре цивилизацию, убивающую культуру [2]. Этому чисто негативистскому виталистическому процессу, постепенно обнуляющему всякий устойчивый смысл, творчески противостоит воля к смыслу, связанная с понятием непостижимого Супрасмысла [11; 12], сообщающего жизни непреходящий смысл [9; 10].

Сущность времени не понимают... «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» [1, 292], — отмечал блаженный Августин Аврелий, согласно учению которого время появляется вместе с сотворенным миром. Время моделируется философами, теологами, символически приоткрывается мифопоэтическому сознанию. В зоне языковых сближений греческого, латыни и санскрита возникает следующий ряд соответствий, означим его в русской транскрипции: кризис — креация — поэзис — поэзия.

В пользу этого хорошо говорил Р. Генон: «...поэзия изначально... не была той суетной “литературой”, которой она сделалась вследствие вырождения в нисходящем движении человеческого цикла, и обладала подлинно сакральной природой. ...Слово “поэзия”... происходит от греческого глагола *poiein*; он имеет то же значение, что и санскритский корень *Kri*, от которого происходит *Karma* и который обнаруживается в латинском глаголе *creare* (творить), понимаемом в его первоначальном значении» [6, 82 — 83].

Генону в этом понимании вторит М. Хайдеггер: «...разве Гомер, или Сапфо, или Пиндар, или Софокл — это литература? Никким образом... эта поэзия, собственно, не является литературой. <...> Западная поэзия и европейская литература — это две безмерно глубоко различные сущностные силы нашей истории» [13, 40]. Согласно немецкому мыслителю, кризис открывается лишь через онтологическое положение Логоса: раскрытие мира в Логосе дает кризис, «в таком кризисе покоится критическое» [13, 200] и «бессмысленно пытаться расписать, как выглядел бы» мир без Логоса [13, 271].

Нет сомнений в том, что так или иначе *именуя*, интерпретируя время — мы имеем дело с силами судьбы, свидетельствующей о вовлеченности человека в таинственную работу колес мировой истории (ведь на санскрите время — вартма — исходно предполагает идею вращения) через использование того единственного скоротечного времени, которое нам дано.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь (Кн. 11, XIV). М.: Ренессанс, 1991.
2. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
3. *Булгаков С. Н.* Венец терновый (памяти Ф. М. Достоевского) // Булгаков С.Н. Моя Родина. Избранное. Орел: Изд-во Орловской телерадиовещательной компании, 1996.
4. *Войно-Ясенецкий, свт. Лука Крымский*. Я полюбил страдание: Автобиография. М.: Сибирская Благовонница, 2014.
5. *Гайденок П.П.* От онтологизма к психологизму: понятие времени и длительности в XVII — XVIII вв. // Вопросы философии. 2001. № 7.
6. *Генон Р.* Язык птиц // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 1997.
7. *Дугин А.Г.* Конец экономики. СПб.: Амфора, 2010.
8. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое (аф. 591) // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
9. *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Париж: YMCA-PRESS, 1939.
10. *Франк С.Л.* Смысл жизни. Берлин: Библиотека «Вехи», 1925.
11. *Франкл В.* Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.
12. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
13. *Хайдеггер М.* Что зовётся мышлением? М.: Академический Проект, 2010.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.
15. *Шпенглер О.* Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998.

Referens

1. *Augustin Avrelij*. Ispoved' (Kn. 11, XIV). M.: Rennessans, 1991.
2. *Berdjaev N.A.* Smysl istorii. M.: Mysl, 1990.

3. *Bulgakov S.N.* Venec ternovyj (pamjati F. M. Dostoevskogo) // Bulgakov S. N. Moja Rodina. Izbrannoe. Orjol: Izd-vo Orlovskoj teleradioveshhatel'noj kompanii, 1996.
4. *Vojno-Jaseneckij*, svt. Luka Krymskij. Ja poljubil stradanie: Avtobiografija. M.: Sibirskaia Blagozvonnica, 2014.
5. *Gajdenko P.P.* Ot ontologizma k psihologizmu: ponjatie vremeni i dlitel'nosti v XVII — XVIII vv. // Voprosy filosofii. 2001. № 7.
6. *Genon R.* Jazyk ptic // Genon R. Simvoly svjashhennoj nauki. M.: Belovod'e, 1997.
7. *Dugin A.G.* Konec jekonomiki. SPb.: Amfora, 2010.
8. *Frank S L.* Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii. Parizh: YMCA-PRESS, 1939.
9. *Frank S L.* Smysl zhizni. Berlin, 1925.
10. *Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla. M.: Progress, 1990.
11. *Frankl V.* Doktor i dusha. SPb.: Juventa, 1997.
12. *Hajdegger M.* Chto zovjotsja myshleniem? M.: Akademicheskij Proekt, 2010.
13. *Nicshe F.* Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe (af. 591) // Nicshe F. Soch.: V 2 t. M.: Mysl, 1990. T. 1.
14. *Shpengler O.* Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 1: Geshtal't i dejstvitel'nost'. M.: Mysl', 1993.
15. *Shpengler O.* Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoj istorii. T. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. M.: Mysl, 1998.

Н.Н. РОСТОВА

**А-теологический смысл
«теологического поворота» в философии.
Марион и Ваттимо**

(часть II)*

Аннотация. Статья посвящена теме теологического поворота в современной философии. Автор выделяет ключевую формулу этой философии «Такой Бог умер» и, анализируя конкретные тексты философов, вскрывает их а-теологический смысл. Статья разбита на две части. В первой части разбираются работы Ницше и Хайдеггера, во второй — Мариона и Ваттимо. В данном тексте, который является

* Продолжение. Начало см.: Философия хозяйства. 2016. № 2.

второй частью, автор анализирует теорию иконы и концепт насыщенного феномена Мариона, теорию ослабленного мышления Ваттимо, а также, апеллируя к Хайдеггеру, отвечает вопрос: как Бог приходит в современную философию?

Ключевые слова: смерть Бога, теологический поворот в философии, икона, символ, знак, Ваттимо, Марион, Ницше, Хайдеггер.

Abstract. The article is devoted to a subject of theological turn in modern philosophy. The author allocates a key formula of this philosophy «Such God died» and, analyzing concrete texts of philosophers, shows its theological sense. Article is broken into two parts. In the first part Nitsshe and Heidegger's works, understand the second — Mariona and Vattimo. In this text which is the second part, the author analyzes the theory of an icon and a concept of a saturated phenomenon of Marion, the theory of the weakened Vattimo's thinking, and also, appealing to Heidegger, the question answers: how God comes to modern philosophy?

Keywords: death of God, theological turn in philosophy, an icon, a symbol, a sign, Vattimo, Marion, Nietzsche, Heidegger

Продолжая наш разбор темы теологического поворота в современной философии, обратимся к ключевым текстам этого направления — работам Ж.-Л. Мариона и Дж. Ваттимо. Размышления этих авторов являются логическим сознательным следствием философии Ницше и Хайдеггера, произведения которых мы разобрали в первой части нашей статьи.

Марион: Бог и дистанция

Смерть Бога, говорит Марион, не означает, что Бог вышел из игры. Напротив, это высказывание говорит о «радикальном проявлении божественного» [15]. Именно так слова о смерти Бога восприняли Гегель, Гельдерлин, Ницше и Хайдеггер. Марион встраивается в этот интеллектуальный ряд, решаясь превзойти радикализм своих предшественников.

Для Мариона важно неконцептуализируемое, невыразимое, иное, несоизмеримое с человеком, принципиально отличное от него, — тот самый Бог Хайдеггера, перед которым можно петь и танцевать. Для того, чтобы сделать возможным разговор о таком Боге, он вводит понятия идола и иконы и, следуя за Хайдеггером, переосмысливает событие смерти Бога.

Смерть Бога Марион понимает как смерть идола, т. е. как смерть доступного присваиваемого предмета, которым распоряжаются

и над которым властвуют, превращая его в объект познания, манипулирующий, предикаций, именования. В идоле человек имеет дело со своим опытом божественного, делающим Бога контролируемым. «Собственный характер идола, — говорит Марион, — в том, что божественное фиксируется, исходя из опыта, которым обладает относительно него человек; причем человек пытается, опираясь на мысль о нем, привлечь к себе благоволение и защиту со стороны того, что представляется ему богом» [15]. Идол порабощает божественное, делая недоступного Бога доступным. Фамильярность с божественным — причина сумерков божественного. Марион призывает войти в серьезность безумия по апостолу Павлу, постичь его речь к афинянам о кресте, сокрушающую философию.

К идолам Марион относит понятие Бога, всякое имя Бога (Благо, Единое, мышление мышления и т. п.), предполагающее «простой, банальный и страшный» [15] знак равенства между божественным и именем; Бога метафизики, понятого как предельное основание и *causa sui*, ибо такой Бог есть производное метафизики. Восприняв в себя всю симпатию Хайдеггера к Ницше и следующую за ней критику за недостаточный радикализм, Марион пойдет еще дальше, квалифицировав и Хайдеггера как идолопоклонника, ибо для него Бог оказывается сущим среди других сущих, а удостоверяющее его бытие оказывается более фундаментальным. Обусловленный Бог — это идол. В идололатрии Марион обвиняет также Левинаса и Деррида.

Подобно К. Барту в теологии, Марион борется за освобождение Бога от всякой внешней зависимости, от отождествления его фигуры с миром посюстороннего или с бытием, от любой попытки человека его объективировать и подчинить себе. Атеизм также имеет дело с идолом, ведь тот, кто умирает, не может быть Богом. А потому всякий атеизм неубедителен и регионален. В этом смысле Марион предлагает говорить о смерти Бога.

Идолу Марион противопоставляет икону, т. е. позицию неустранимой дистанции в отношении Бога, который воспринимается через призму дара. Это нежное бережение дистанции, преодолевающее безумие онтологической и всякого опредмечивающего дискурса о Боге и заставляющее перейти от языка предикаций к хвалебному дискурсу в отношении Бога, Марион наблюдает у Ницше, Гельдерлина и Дионисия Ареопагита. Для этих мыслителей, по мнению Мариона, Бог удален или отсутствует, а смерть означает новую встречу с Ним. Именно у этих мыслителей можно научиться дистанции. «Во всех этих случаях, — говорит Марион, — неоспоримо явное отсутствие божественного становится самым центром вопрошания о его явленности. Это от-

существование, или эту удаленность, все трое признают, каждый по-своему, собственной задачей мысли... Все они согласны друг с другом (как струны музыкального инструмента, позволяющие извлекать разные звуки, само различие которых упорядочено) в том, что наводят на мысль: “смерть Бога” не только не упраздняет вопроса о Боге или божественном, но решительно ставит вновь вопрос о встрече с Ним, — встрече устрашающей, непосредственной, лицом к лицу. Исчезновение идола онтологической в то же время толкает к безудержным поискам осязаемой, почти брачной близости с божественным в безумии — этой садистской безутешности ничтожения. Неотступной и смутно-насушной задачей становится познание того, что только дистанция способна определить способы подступа, отступления и взятия. Хайдеггер говорит — быть может, именно в этом смысле, — что самая насущная задача состоит в том, чтобы правильно читать Гёльдерлина. Это относится и к тому, что мы называем здесь дистанцией. Следовательно, для нас речь пойдет не о том, чтобы объяснять авторов, а о том, чтобы позволить им научить нас дистанции» [15].

Но желание говорить об абсолютной нередуцируемой инаковости Бога, его удаленности, немыслимости и несказанности, о Боге, который сделал бытие зависимым от своей «смиренной и немыслимой власти», который сам себя открывает в своем присутствии как отсутствия и одновременно в конкретике Троицы, реализуется у Мариона за счет таких средств, которые ставят под вопрос сам предмет разговора. Этими средствами, в первую очередь, оказывается философия Ницше и Хайдеггера, выстраиваемая на принципе плюрализма, противоречащая идее единого Бога, поэзия, заменяющая собой мистериальный путь к Богу, и своеобразная теория иконы, которая парадоксальным образом открывает свой иконоборческий подтекст.

Что значит икона, согласно Мариону? «Икона, — говорит Марион, — прикрывает и отрывает то, что служит ее основанием: дистанцию, разделяющую в ней божественное и его лик. Будучи зримостью незримого — зримостью, в которой незримое дает себя узреть как таковое, — икона утверждает то и другое. Расстояние, объединяющее их в самой их несводимости друг к другу, в конечном счете и есть основание иконы» [15]. И еще: «в собственном смысле икона выражает брачную дистанцию, сочетающую — без смешения — зримое и незримое, то есть, в данном случае, человеческое и божественное. Именно эту дистанцию идол стремится упразднить доступностью бога, помещенного в некий фиксированный облик. Икона же оберегает эту дистанцию и высвечивает ее в незримой глубине непроницаемого и открытого образа... Образ остается по-настоящему непреодолимым

(как норма и само-референция) лишь благодаря тому, что он из собственной глубины открывается навстречу незримости, не упраздняя, но являя дистанцию между ней и собой» [15]. Суть иконы, ее основание Марион видит в дистанции между ликом и Богом, зримым и незримым, человеческим и божественным. Икона, таким образом, есть мост, распорка между человеком и Богом. Марион говорит, что она не только отдаляет Бога, но одновременно и соединяет с Ним. Но событие этого соединения Марион понимает специфически, т. е. от противоположного. «Только инаковость, — говорит он, — делает возможным общение; ничто из того, чем производится различение, не разделяет без того, чтобы тем же самым не производить еще большего соединения. Или: только несоизмеримость между Богом и человеком делает возможной их внутреннюю близость» [15]. Окончательный запрет на это соединение Марион накладывает, когда начинает постулировать асимметрию дистанции, т. е. ее определение одним из противопоставляемых членов, а отнюдь не двумя. Под этим определяющим термином дистанции Марион подразумевает человека. «Из этих терминов, — говорит Марион, — один важен для нас непосредственно, ибо мы сами его обеспечиваем: мы, здесь говорящие. Что же до другого термина, то мы способны приблизиться к нему лишь в общении, которое от начала и до конца удерживается отстоянием — тем более, что речь идет о дистанции. Определение дистанции определяет нас как один из ее терминов, а значит, выводит нас из-под власти другого термина в то самое мгновение, когда вступает в действие сила его притяжения. Другой, бесконечно чуждый, исчезает в самом своем явлении, определяется самой неопределенностью. Ни один образ, ни одно понятие, но и ни одно отрицание образа или понятия не сообразны невысказанному и не доставляют его. Если к дистанции приступать со всей строгостью, то один из ее терминов становится в строгом смысле неприступным. Неприступным тем более, что дистанция раскрывается в предельно определенной строгости. Таким образом, можно было бы говорить об асимметрии дистанции: ее определение затрагивает — вернее, учреждает и обеспечивает — два полюса. Но это определение формулируется лишь на одном полюсе — нашем, по-человечески определенном и предельном. Стало быть, отстояние, которым держится общение, оставляет другой термин в тем большей неопределенности, что именно эта неопределенность в собственном смысле определяет в дистанции глубинную инаковость терминов... дистанция являет отстояние общения, лишь исходя из одного термина, который в ней открывается, или, вернее, в ней открывает ее собственный горизонт. Дистанцию откры-

вают так, как расчищают путь на местности, а не как прокладывают маршрут по карте, в чужести нейтрализованного представления» [15].

Марион хочет заставить нас мыслить парадоксами. Дистанция предполагает два члена, а Марион говорит, что она определена лишь одним членом. Мариону важна непреступность, принципиальная неопределенность Бога, но ценой этой неопределенности оказывается сам Бог. Бог исчезает из дискурса Мариона, снимая тем самым все парадоксы. В дистанции, говорит Марион, человек открывает ее горизонт. Ключевым здесь является фигура человека, а не Бога, событие отчуждения, а не встречи. Марион смещает свой акцент с Того, Кто открывается в дистанции, на саму дистанцию, лишним подтверждением чему служит название кульминационной главы книги «Дистанция и ее икона». Икону Марион называет отрицательной теофанией [15]. Образ в ней открывается навстречу незримому. То есть речь идет не об иконе как видимом невидимого, по определению Дионисия Ареопагита, а о принципиально невидимом, о тотальной непричастности образа к Первообразу, о том, что только движется навстречу Ему.

Концептуализируя неконцептуализируемое, Марион встает на путь знакового мышления, которое противостоит символическому мышлению. Символическое мышление основывается на тождестве символа и символизируемого при условии, что символизируемое не тождественно символу (П. Флоренский). Знаковое мышление основывается на произвольности связи между знаком и означаемым, на принципиальной невозможности поставить между ними знак равенства. Символ антиномичен, ибо удерживает собой связь трансцендентного и имманентного. Знак однозначен, ибо имманентен по своему существу. Христианская традиция, как и всякая религиозная традиция, основывается на символическом мышлении. В самой фигуре Христа она видит икону Бога невидимого, а в иконе — доказательство догмата воплощения и преображения. Образ, говорят Отцы Церкви, участвует в славе Первообраза, а потому икону почитают, перед ней молятся и целуют ее. Сама формула «видимое невидимого» говорит об этом парадоксальном присутствии трансцендентного в имманентном мире. Не по сущности, но по имени икона совпадает с первообразом, а потому она свята, говорят Отцы Церкви, обнаруживая именно символическую связь имени и Именуемого. Об этой связи говорит литургическая практика, в которой образы одновременно обозначают и являют обозначаемое. Например, епископ Иерусалимский Кирилл (IV — V вв.) или патриарх Константинопольский Герман (VII в.) использовали в отношении литургических образов речевые обороты «является», «являет собой», а не «изображает». Архиепископ Солунский Симеон

(XV в.) говорил о том, что в таинствах действует сам Бог. Предельный смысл символа обнаруживает П. Флоренский в известной формуле: «Если есть Троица Рублева, значит есть Бог».

Марион идет прямо противоположным путем, хотя время от времени цитирует классические формулы иконопочитателей. Он выступает против «банального» и «страшного» знака равенства между именем и Именуемым. Имя и образ для него оказываются знаком, а Именуемый и Символизируемый бесконечно удаляющимися от этих знаков, никак не обеспеченных ими.

Марион пользуется языком семиотики. Литургию он называет «семиотическим полем», а цвета иконы — «кодифицированными». Функцию цвета он сводит к «возвещению вечности, божественности, славы, человечности и т. д.» [15]. Но возвещать — не то же что являть, а указывать не то же — что символизировать. Марион прямо говорит о цветах иконы как о знаках: «Они суть знаки не самого зримого, а стоящего за ними, не сводимого к ним незримого, которое должно быть произведено, выведено в зримое именно в качестве незримого» [15]. Иконе Марион приписывает указательную функцию знака. Она не являет Бога, но указывает на несказанное. Не таинственно содержит в себе, но противостоит ему. Она не есть взгляд Бога на мир, но, обратно, взгляд человека на трансцендентное.

Аналогично Марион рассуждает о хвале Бога. Он настаивает на том, что восхваление безымянного происходит под знаком «как»: «воспевают как» [15]. «Как», согласно Мариону, свидетельствует о неадекватности хвалы восхваляемому. «Как» означает не «как будто», а «в качестве». Как соотносятся хвала и Хвалимый? Хвала, по мнению Мариона, описывает не Бога, а человека, его угол зрения на Бога. Как говорит Марион, взыскующий X обращен к Богу под углом зрения Y , и между Y и Богом неустранимый разрыв [15]. Хвала — это только угол зрения. Угол зрения человека. Если в русской традиции П. Флоренский объяснит это литургическое «как» («яко») значением «по преимуществу так», т. е. усилит прочность тождества символа и символизируемого, то Марион превратит «как» в знак, удаленный от означаемого.

Но знак не мироточит. Иконе, обнаруживающей свою знаковую природу, нельзя молиться. Розанов, разъяняя смысл гения Нестерова, определил его живопись как молитву. Нестеров, по словам Розанова, не иконописец, он не пишет Бога, но его полотна религиозны, ибо в человеческой молитве обращены к Богу. Икона в понимании Мариона оказывается в лучшем смысле этой религиозной обращенностью человека к трансцендентному, но отнюдь не чудесным его явлением. Мо-

литвой, но не Тем, к Кому молитва обращена. Сам смысл иконы как возведение к горнему, исходящее из твердого и ясного знания о его существовании, утрачивается, ибо в при таком понимании Первообраз оказывается призрачной категорией.

Образ Марион понимает не как тайну встречи трансцендентного и имманентного, но как то, что как имманентность находится в непреодолимом отстоянии от незримого. Бог оказывается по ту сторону иконы. Икона редуцируется к коридору имманентности, тщетно ведущему к трансцендентному. Язык Мариона изобилует таинственностью — он настойчиво говорит о несказанном, неартикулируемом, неконцептуализируемом, но он никогда не говорит о тайне. О том, что эту тайну делает возможным. Икона, осмысленная посредством понятия дистанции как знак, обрекает эту встречу на невозможность. Онтологически она становится невозможной. Но Марион мало обеспокоен этим, ибо его феноменологическая позиция по самому своему существу накладывает запрет на то, чтобы говорить о подобной встрече. Обвинение, брошенное феноменологии, в теологическом повороте слишком преувеличено. Бог феноменологии по-прежнему остается ручным Богом человека, тем самым феноменом, который нерасторжимой связью связан с сознанием человека.

Проблема встречи не разрешается Марионом и в более поздней работе «Перекрестья видимого», в которой он продолжает следовать знаковому дискурсу. Здесь Марион отличает «писанный взгляд» от невидимого взгляда Бога. Икона оказывается посредником между двумя взглядами — между взглядом молящегося человека на Бога и благосклонным взглядом Христа на человека. Эротическая встреча взглядов, говорит Марион, происходит «через написанное видимое» [16, 48]. Невидимый взгляд смотрит «сквозь и посредством визуально написанной иконы» [16, 46]. Предлоги «через», «посредством», «сквозь» указывают на вспомогательную роль иконы. Она не то, *что*, но то, *посредством чего есть что-то*. Она указывает, обращает, приводит к, но не исполнена в себе самой. Она есть знак, но не символ. Марион говорит о встрече, но не говорит о том, чем обеспечена эта встреча, что позволяет «видимому служить невидимому» и чем невидимый взгляд человека отличается от невидимого взгляда Бога. Если прежде Марион делал акцент на дистанции между человеком и Богом, то здесь, напротив, редукция иконы к визуальному позволяет ему упразднить эту дистанцию, помещая человека и Бога в онтологически равные условия невидимого.

В русской философской и культурной традиции также большое внимание уделено дистанции между человеком и Богом. Понятие

Страха Божия выполняет роль этой дистанции. А также почитание святых и главным образом — Богородицы, которое говорит об отсутствии у русского человека дерзости предстать непосредственно перед Богом. Но дистанция здесь понимается принципиально иным образом, нежели у Мариона. Она не удаляет, а приближает Бога. В Страхе Божием, в смирении человек не отстоит от Бога, не отступает от Него, но, напротив, приближается к Нему. Удаляясь от себя, своего «я», человек открывает Бога во всей близости. Русская традиция делает акцент на устранении человека от самого себя, Марион — на отдалении человека от Бога, которое представляет в виде геометрической прогрессии. Первое позволяет трансцендентному принять облик живого личного Бога, второе ведет к абстрактному понятию Бога. Идея этой абстрактности красной нитью следует во всех рассуждениях Мариона. Когда он разбирает Ницше и Гельдерлина, она фиксируется в принципе плюрализма, которому начинает следовать Марион.

Разъясняя Ницше, Марион аккуратно, методично цитируя Хайдеггера, следует его позиции, добавляя от себя, что смерть Бога означает смерть идола, т. е. Бога, взятого в кавычки, понятия Бога, порожденного моралью.

Марион пишет: «о “смерти Бога” можно думать всерьез, лишь заключая в кавычки того “Бога”, который в ней умирает. Она сохраняет свою власть лишь над тщетным идиолом того, чем Бог — если он “есть” — быть не может. Сумерки непоправимо сгущаются лишь над идиолом. Нет ничего более чуждого “смерти Бога”, чем расхожее безбожие. Речь идет о чем-то гораздо меньшем (об идоле) и в то же время гораздо большем: о событии, которое зависит от убеждений лишь в той мере, в какой убеждения зависят от неверия. Кто же он, этот мертвый идол? Это идол, которого (как форму воли к власти) породила мораль...» [15]

Ницше, как полагают «тупые идеологии», не убивал Бога, а, как заметил Хайдеггер, искал его, расчищал метафизический горизонт. Для этого он решил избавиться от засилия платонизма, который Марион вслед за Хайдеггером отождествляет со сверхчувственным миром, сферой идеалов и онтологической структурой метафизики. «Ставка в деле “смерти Бога” не тривиальна лишь потому, что поднимается от небрежной карикатуры — через посредничество морали — к метафизике», — говорит Марион [15]. Бог метафизики умер, он умер в своей «идолатрической функции» как высшее сущее, обеспечивающее связность мира. «Для наших целей, — говорит Марион, — достаточно указать на двойной костяк идола: мораль метафизики, эту двойную машину, механизм, махинацию, которая *присваивает* себе титул “Бога”, не

имея на то никакого права, кроме права фактического положения дел» [15].

Марион призывает по-ницшеански убить в себе идолопоклонника и идти к «божественному», тем самым к «новым богам»: «Идолатрия должна дойти до не-идолатрического лика божественного, превозмочь все разновидности нигилизма — чтобы, в конце концов, воззвать к “новым богам”... Убить в себе идолопоклонника означает: жить в не-идолатрическом пространстве, чтобы дерзко, лицом к лицу, подступить к божественному, таинственно осеняющему эти поля» [15]. Нужно, говорит Марион, искать «другой способ переживать божественное», «новый модус божества», положив «конец басни об ином мире».

Смерть Бога колеблет мир сущего. Но Марион, следуя за Ницше и Хайдеггером, не видит здесь трагедии. Перспектива взгляда, благодаря которой создается мир, его отношения, различия и внутренняя сообразность, не исчезает вместе с высшими ценностями. Эту перспективу взгляда перенимает на себя Заратустра, не испытывая потребности в новом идолу: «оценить — это акт, в котором человек и мир наконец принимают божественный облик. Чтобы играть в эту игру, не нужно быть идолатрическим “Богом” или замещать его. Ибо эта игра делает божественными лишь тех, кто играет в нее с открытым лицом, не идолатрически. Но кто может рискнуть в нее сыграть?.. Заратустра, следующий за своей тенью. Ибо он не перепрыгивает ее, но использует, дабы ввести самого себя в перспективу — в мир. Какому же делу предается Заратустра? Он утверждает сущее в его Бытии, то есть оценивает его. Оценивать означает вводить в перспективу одни сущие по отношению к другим, утверждать их в них самих сообразно их общему Бытию, удерживать их вне колеблющегося нигилизма» [1]. Однако перспектива взгляда Бога не то же, что перспектива взгляда человека, ибо Бог есть первичное онтологическое различие, делающее возможным всякую иерархию и строй. Человек без Бога принужден сам себя положить в основание этого фундаментального различия. Но Марион не видит подобной необходимости и не говорит о том, что она означает. Он даже не оставляет места этой необходимости, ибо не отличает человека от вещи. Следуя за Ницше, он говорит о различии вещей, в том числе и человека, данном в воле к власти. «Оценивать: что это такое? — спрашивает Марион. — Это значит измерять вещь ее волей к власти. Оценивать вещь волей к власти, которая в ней организуется и выстраивается, дабы утвердиться в ней... Всякая вещь свидетельствует о воле к власти, ограниченной ее сущностью; вернее, ограниченность воли к власти предстает как закон сущности вещи» [15].

Но если вещь уже определена волей к власти, значит оценка невозможна. Мир сущностей уже имеет в себе различия, а человек в этом мире оказывается региональным сущим.

Нового Бога, неидолатрического Бога Марион узрит вместе с Ницше в Дионисе — в том, кто говорит «да» миру. Кто же тогда Христос? Христос — это лишь форма испытания божественным. Марион говорит о «привилегиях ницшеанского Христа», главной из которых оказывается крушение идолов. Кульминационные слова Евангелия «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» и аналогичные слова из Псалмов Марион однозначно трактует как смерть идолов: «На кресте разоблачается не что иное, как идолатрическая иллюзия Христа» [15]. Марион резюмирует свою хвалу ницшеанскому Христу, от которого остается лишь форма и имя того, кто подступает к божественному: «Ницшеанский Христос преодолевает мстительность; во всем, что с ним происходит, он произносит Амен; он преодолевает идолатрическое понимание Бога и заранее проходит через “смерть Бога”. Наконец, имя Христа становится одним из привилегированных имен, коими называет самого себя и мир тот, кто близится к помрачению» [15].

Впрочем, для Ницше, констатирует Марион, Бог по-прежнему остается идолом, ибо Ницше оказывается последним метафизиком. Для него Бог и божественное зависят от воли к власти, и божественное, производимое волей к власти, оказывается фундаментальнее Бога. Мариона волнует не столько даже подчиненность Бога божественному, сколько его подчиненная миру роль: «воля к власти, изначально божественная вплоть до Вечного Возвращения, производит богов как образы и состояния своего осуществления — то есть как идолов. Идолы остаются. Но теперь они связаны с метафизикой: с онтологической точки зрения, воля к власти и бог/мир Вечного Возвращения укрепляют двухполюсное освоение Бытия сущего. Это сумерки идолов — но не собственно метафизического идола: после того как отозван “Бог” морали, остаются “новые боги”, которые тоже метафизически связаны с волей к власти, тоже играют и пляшут, как идолы... Ницше остается идолопоклонником, потому что остается метафизиком» [15]. Так Марион последовательно проходит вслед за Хайдеггером путь от симпатии к Ницше до его критики за недостаточный радикализм. Бога он понимает как метафизического Бога, а его смерть — как освобождение подлинного Бога. Но этот подлинный Бог, освобожденный от «басни об ином мире», оказывается связанным с принципом плюральности, а Христос сводится к чистой форме испытания божественным. Человек

же обнаруживает себя распятым между принадлежностью к миру сущего и необходимостью сотворить мир в перспективном взгляде на него.

В Гельдердине Мариону важен дискурс о Боге, который можно соотнести с так называемым (неверно, по мнению Мариона) апофатическим богословием. Этот дискурс выстраивается вокруг отстояния Бога, а не его существования. Высказать дистанцию, отстояние Бога — вот его цель, средством которой оказывается хвала, а не предикации. Но Марион платит высокую цену за принятие этого дискурса. Ценой оказывается отказ от понятия личности Бога в пользу его плюральной божественности и редукция Бога — к дистанции.

Марион говорит о понятии личности как о том, что освобождает от притязаний схватывания, объективирования, но тут же ставит понятие личности Бога под вопрос. Рассуждая о Ницше, Марион не смущается «богами», прихода которых чаёт Ницше. Разъясняя Гельдердина, он прямо оправдывает эту множественность, ибо из несказанного, по его мнению, неминуемо следует принцип плюральности. Гельдерлин оперирует не только понятием «боги», но термин «отец» у него, как замечает Марион, весьма неоднозначен. Под «отцом» может подразумеваться Зевс, Эфир, Иисус Христос, Отец. Но это вовсе, объясняет Марион, не синкретизм. Причина «богословской двусмысленности», «богословской неопределенности» [15] поэзии Гельдерлина и, следует понимать, вообще дискурса о Боге, кроется в самом божестве. Попытки высказать несказанное всегда ведут к множеству интерпретаций. Несказанное дистанции, а не высшего сущего (=объекта), уточняет Марион. Вот обширная цитата из Мариона: «Здесь... поэтический текст дает место множеству прочтений, а значит, и прочтению богословскому. Но откуда идет эта игра множественных смыслов?.. богословская неопределенность не препятствует поэтической строгости. Неопределенность не объяснить здесь ни мнимой расплывчатостью, ни смешением как следствием дурного синкретизма. Неопределенность отражает то затруднение, которое поэтическая речь может обрисовать, но не может ни устранить, ни даже высказать как таковое. Причину богословской двусмысленности стихов нужно искать не в недостаточности поэзии — как раз поэзия высока здесь, как нигде, — но в божестве. Несообразность слов, даже — и прежде всего — там, где поэзия достигает предельных высот, тотчас бросается в глаза, как только в игру вступает несказанное. Это вступление несказанного в игру высказывающий текст выдает своей неизбывной многозначностью и чувствует алхимической многоликостью слов... встает вопрос: каким образом в речи Гельдерлина может вступить в игру несказан-

ное? Несказанное не в форме высшего сущего, которое все еще поддается высказыванию, а несказанное дистанции? Речь идет уже не о высказывании объекта, пусть даже трансцендентного, пусть даже в высшей степени “личностного”. Речь идет о том, чтобы обозначить отстояние, в котором удаленность становится предельной настоятельностью. Божественное проявляет себя отечески, когда приход совпадает с уходом. Стало быть, речь идет о том, чтобы высказать не столько сущее, сколько отстояние (удаление Бога), а значит, небытие: само небытие дистанции, где Сын открывает Себя под прикрытием Отца. Несказанное надлежит высказать дважды: как высшее не-сущее и как гиперболическое отстояние» [15].

Так у Мариона Бог редуцируется к вопросу о дистанции между человеком и Богом, в котором теряется само понятие Бога. Не столько несказанность, сколько абстрактность позволяют вступить в силу принципу плюральности. Ибо нет Того/того (Бога/культы), кто/что бы ограничил(о) эту имеющую исток в антропологии, а не в «божестве», бесконечность. В именовании исчезает Именуемый. Марион выступает за тотальное именование без Именуемого. Марион говорит, что многоименность есть оборотная сторона безымянности, что бесконечность обозначения возникает из-за избытка значения. Но это «значение» у Мариона принципиально абстрактно, а абстракция позволяет трансцендентному уступить свое место субъективности. Сам ряд «Зевс, Эфир, Христос» свидетельствует об антропологическом угле зрения, а не трансцендентном взгляде религии. Марион отказывает Хайдеггеру в обожествлении бытия, но следует его поэтическому пути постижения Бога. Не культ, а поэзия становится для него путеводной звездой к трансцендентному. Не система символов и табу, удерживающих связь трансцендентного и имманентного, а раскрепощенность поэтического индивидуального творчества призвана постичь Бога.

Философия иконы Мариона заставляет его принять две взаимоисключающие посылки. Марион настойчиво говорит о пассивности человека в отношении к Богу. Его рассуждения подобны эху хайдеггеровского учения о зове бытия. Хвалебный дискурс Марион хочет строить не на овладении смыслами, но на их приятии, приятии как дара. Не человек творит смысл, но смысл даруется ему. Не человек дает имя, но имя нисходит к нему. Не человек концептуализирует неконцептуализируемое, но ускользающая от концептов дистанция «зачинает» [15], концептуализирует его. Но та же философия иконы, иконы как знака, устраняет Бога из дискурса, Именуемого — из имени. Бог утрачивает свою суть Отца, становясь недосыгаемым. Немыслимого, недосыгаемого Бога заменяет немислимое дистанции. Абстрактный

принципиальным образом недостижимый Бог оборачивается поэтической игрой субъективности. Марион не только поэзию Гельдерлина, но и учение Дионисия «взламывает как дверь», заставляя живого конкретного Бога превратиться в абстрактную дистанцию, символ — в обозначение, а уразумение сверхразумного в сиянии божественной тьмы — в отчаянный антропологический жест.

Марион заставляет нас читать слова о смерти Бога как заявление о Его удаленности. Наше отстояние от Бога, говорит Марион, никогда не сравнится с той дистанцией, которая удерживает Лица Троицы. Лишь жалкий человек прочитывает свое испытание сыновством как бегство богов. Но Марион лукавит. Смерть Бога вовсе не означает, что Бога нет или то, что Он далеко. Эти слова выражают то, что Бог не нужен. Конститутивно у человека в Нем нет нужды. Объявляя смерть Бога как проявление божественности, Марион вместе с тем принимает эту посылку. Новый модус божества оказывается богами, именами богов, которые множит человек в своем поэтико-религиозном порыве. Тотальное, ничем не сдерживаемое творчество субъективности пропорционально все увеличивающемуся отстоянию Бога. Принцип плюральности обнаруживает свою суть имманентизма. Между творимыми богами и человеком-творцом поистине исчезает дистанция.

Работу «Идол и дистанция» написал весьма молодой 30-летний человек. Но пафос смерти Бога как смерти «*такого* Бога» и воспроизведение логики Хайдеггера в отношении этого вопроса сохраняются и в более зрелом творчестве Мариона. Свою богословскую работу Марион озаглавит «God without Being». Бог, говорит он, не Гамлет, чтобы задаваться вопросом о бытии. На место бытия Бога Марион ставит любовь: «Несомненно, Бог может и должен, в конечном счете, быть; но разве его отношение к Бытию столь радикально определяет Его, как оно определяет все остальные сущности?». «Быть или не быть» — это и в самом деле первый и обязательный вопрос для всего, что существует, главный вопрос, в том числе и для человека в его единичности. Но, при всем уважении к Бытию, — разве Бога можно уподобить Гамлету?». «Если начать с того, что “Бог есть любовь”, то Бог любит прежде, чем существует» [23, XX]. Восхищаясь названием книги, Деррида уточняет, что на языке оригинала оно вмещает в себя два значения: Бог без бытия и Бог «без бытия Богом». То есть Марион ставит вопрос об имени «Бог».

Что значит любить прежде, чем существовать? Что значит любовь, которая не существует? Что значит любовь без Того, Кто существует? Любовь, которая не существует, не просто открывает «новый модус божества», не просто решает проблему локализации Бога, она

освобождает человека от конкретики попадающей любви Сущего. Любви как существованию противопоставит любовь без существования.

Марион, предлагая заменить Бога метафизики на Бога феноменологии, определит его как насыщенный феномен. Что значит насыщенный феномен? Если мир в рамках новой феноменологии — это данное сущее, другой — самое близкое данное сущее, то Бог — это сущее по преимуществу. Последнее, замечает Марион, не стоит понимать как привилегию. Напротив, Бог скорее испытывает недостачу. Марион перечисляет характерные черты данного сущего по преимуществу. 1. Данность по преимуществу — это данность как отданность — Бог «дан без ограничений и без остатка» [11, 140]. Марион уподобляет эту данность кубистической живописи, которая позволяет видеть не-предмет со всех сторон. В отличие от предметов Бог дан абсолютно. 2. Бог есть выходение из себя при сохранении самотождественности: «Данность по преимуществу предполагает выход из себя, когда Я тем больше остается самим собой, чем больше выходит за собственные границы» [11, 141]. 3. Данное сущее по преимуществу есть абсолютное присутствие, которое в силу абсолютности чревато забвением со стороны человека: «У данности по преимуществу есть еще одно значение: абсолютный модус присутствия, насыщающий своей ослепляющей очевидностью всякий горизонт, все горизонты. Тем не менее подобное присутствие без границ (без горизонта), единственно доступное для данности без остатка, не может быть представлено как предмет, который всегда ограничен. Следовательно, это присутствие не занимает никакого места в пространстве, не фиксирует внимание и не привлекает взгляд. Бог блистает, ослепляя своим отсутствием... Бог становится невидимым не вопреки своей данности, но в силу этой данности... Если бы мы видели его, как видим любое сущее мира, речь не шла бы о Боге. Таким образом, данность по преимуществу может легко превратиться в данность как отданность. Феноменальность, присутствующая данному-сущему, абсолютна, без остатка, и, поскольку она невидима, за ней никогда не будет признан статус феномена. Феномен по преимуществу рискует, именно в силу этого преимущества, так и не явиться, остаться отданным. Действительно, большинство феноменов становятся доступны взгляду, который их видит, ограничивает и который ими управляет. Здесь же, наоборот: Бог, в силу своей предельной недоступности рискует тем, что ему будет отказано в праве на феноменальность именно потому, что по большей части наш взгляд не видит и не хочет видеть ничего, кроме предметов. Таким образом, данность по преимуществу превращается в отданность» [11, 141]. 4. Бога

феноменологии Марион не отличает от Бога Авраама, Исаака и Иакова: «оба они — явленность определенного типа: явленность насыщенного феномена, точнее, такого типа насыщенного феномена, как откровение» [11, 142]. Но феноменология, оговаривается Марион, не тождественна теологии Откровения. В чем их отличие? Феноменология говорит об Откровении как возможности, для нее Бог — это возможность, теология — как об историчности: «Определение насыщенного феномена как данного-сущего по преимуществу представляется для феноменологии ничем иным, как возможностью: возможностью, которая не просто противопоставляется действительности, но является прежде всего возможностью самой данности» [11, 142].

Определение Бога как насыщенного феномена вызывает ряд вопросов. Во-первых, Бог оказывается сущим среди сущего. Во-вторых, неясно отсутствие скрытых сторон у Бога в отличие от предметов. В силу чего Бог утрачивает непостижимость? Прояснение, видимо, дает указание Мариона на то, что в вопросе о Боге речь идет о «возможности данности». Но если Бог есть возможность данности, то чем он принципиально отличим от Бога метафизики как последнего основания? В-третьих, Марион, лишая Бога предметности, продолжает выстраивать предметный дискурс о нем, указывая на границы Бога. В-четвертых, Бог феноменологии оказывается подконтрольным человеку Богом. Человек его впускает в той мере, в какой его глаз перестает лениться видеть невидимое. И, наконец, Бог оказывается возможностью Бога.

Вводя понятие насыщенного феномена, Марион ставит под вопрос тотальную субъектность человека. Ему важно перевернуть отношение между феноменом и человеком и говорить о «субъекте, сбитом с толку», о субъекте, застигнутом врасплох событием более первичным, нежели он сам [12, 94]. Насыщенный феномен — это такой феномен, который не соотнобразывается с условиями опыта, но принципиальным образом не вписывается в них, превосходит их, заставляет их соотнобразываться с собою. В отличие от метафизики, для которой возможность явиться не принадлежит тому, что является, феноменология Мариона рассматривает феномен в его безусловности, вне определенности Я и горизонтом. Насыщенный феномен, говорит Марион, это и есть собственно феномен, т. е. «это то, что без остатка показывает само себя исходя из самого себя как чистое явление себя, а не исходя из чего-то другого, что не является» [12, 66]. Но говоря о чистом явлении себя, о том, что неконституируемо человеком, но конституирует его, не понято им, но чем понят он, о том, что заставляет «на смену конституирующему субъекту прийти конституированному свидетелю»

[12, 95], Марион возвращается к имманенции субъектного сознания. С одной стороны, сталкиваясь с насыщенным феноменом, говорит Марион, «Я не может его не видеть» [12, 94]. С другой стороны, чаще всего его «не опознают», с ним «обращаются так, как если бы он был всего лишь обычным или бедным феноменом», но иногда его узнают и позволяют ему «разыгрываться на нескольких горизонтах одновременно» [12, 91]. И, наконец, когда мир не принимает его, «даже изуродованный до неузнаваемости — он все равно проявляется» [12, 92]. Рассуждения Мариона о приемлющей пассивности человека при столкновении с особыми феноменами наталкиваются на рассуждения Мариона о принципиальной активности субъекта в отношении этих феноменов.

Речь идет не только об имманентности сознания, но и об имманентных характеристиках самого насыщенного феномена. Марион называет насыщенный феномен абсолютным, невозможным, невидимым, ослепляющим, феноменом, который нельзя предвидеть, определить, выдержать. Но эти характеристики зиждутся на представлении об их превосходной степени, а не об их качественном отличии. Невозможное Марион понимает не как иное, но как безусловную возможность [12, 96]. Невидимое — как чрезмерно видимое. Непредметное — как чрезмерно данное. Насыщенный феномен исключителен «в силу избытка» [12, 93]. Логике онтологических разрывов Марион противопоставляет логику интенсивностей.

Вводя в более поздних работах представление о насыщенном феномене, Марион по-прежнему держится принципа плюральности. Насыщенный феномен, согласно Мариону, характеризует «неустраняемая множественность» [12, 91]. Насыщенный феномен «разыгрывается» на нескольких горизонтах, он раскладывается «на составляющие по нескольким автономным регистрам», в каждом из которых «дает себя увидеть под каким-то одним углом зрения» [12, 91]. Он становится доступен в своей частичности. Марион приводит пример такой относительности — понятие сущего, единое, истина о себе и о мире, невидимое сияние (у Плотина, Прокла, Дионисия и др., уточняет Марион). Неразрешимое напряжение между «неустраняемой множественностью» и доступностью в относительности позволяет Мариону вступить на путь тотального экumenизма. Он пишет: «То, что перспективы способны переходить одна в другую, показывает, что насыщение сохраняется, распределяясь по множеству совместимых, пусть и соперничающих горизонтов... Обобщая, можно сказать, что, подобно тому, как допускается существование $(n+1)$ -мерных пространств, пусть их и невозможно в полной мере вообразить, можно допустить и существова-

ние феноменов в (n+1)-мерном горизонте. Так ослепление пролагает путь для бесконечной герменевтики» [12, 91]. Другими словами, Марион выступает за то, чтобы вопрос об Истине заменить на вопрос об истинах. Раз истина никогда не дана вполне, соперничество, сосуществование герменевтик имеет дело с относительными истинами, позволяя скрещивать Плотина, Дионисия и Хайдеггера. Это и есть тотальный экumenизм, который в своей обреченности узреть Истину, аккумулирует частные истины. Трансцендентное, низведенное до относительного, открывает дорогу «богам» — плоду бесконечной герменевтики.

Феноменологический подход неминуемо ведет к редукции трансцендентного. То, что является, а также явленность как таковая, которая важна новым феноменологам, это не то же, что есть. Насыщенный феномен — это не то же, что Бог. Это явленность сознанию, которая не предполагает онтологического статуса. Равно как событие Воплощения, взятое на вооружение феноменологами, не представляет собой, вопреки их желанию, явление. В теологическом повороте нет собственно теологического момента. Есть попытка расширить круг явлений. Но нет желания говорить о Боге. Марион пишет: «феноменология может описывать и конструировать данное-сущее и даже данное-сущее по преимуществу. Однако описание данности, как она предстает в лике, и которая и есть этот лик, выходит за пределы возможностей феноменологии. И даже если она может сделать лик одной из своих тем, она не может и не должна претендовать на понимание его как лика милосердия. Когда данное-сущее становится милосердием (любимым или любящим сущим или же возлюбленным в прямом смысле слова), феноменология уступает теологии откровения...» [11, 143]. Марион то не отличает принципиальным образом насыщенные феномены между собой — исторические события, идол, плоть, икона, Откровение, — то говорит о последнем как об особенном насыщенном феномене, феномене «пятого типа», который вбирает в себя первых четыре типа феноменов и проводит таким образом различие между феноменологией и теологией («Будучи данным»). Но в чье бы ведомство Марион не отдавал Откровение, для него это «просто-напросто феномен в полном смысле этого слова» [12, 96], а не нечто «смутное и иррациональное». Предметом феноменологии религии, способной избежать редукции религиозных феноменов к предметностям, он называет феномены невозможного, то есть феномены, которые не удовлетворяют условиям опыта и превосходят их.

Бог феноменологии не просто имеет статус феномена, его определение наводит на мысль о новом «идоле», возведенном на двух

принципах: абстракции (редукция символа к знаку, замена культа поэтическим творчеством у Мариона), принципах плюральности и имманентизма. Ж.-Л. Марион оперирует понятием «божественности», «богов», М. Анри отождествляет трансцендентное и Жизнь [4, 56]. Э. Левинас смещает акцент с вопроса о Боге на вопрос о бытии как «с-Богом», с вопроса о трансцендентном на вопрос о «трансцендентности с-Богом». Ему важен Бог, который «приходит на ум», а не тот, бытие которого доказывают. Ему важна не теология и онтология, но этика и антропология, описание тех антропологических обстоятельств, в которых Я поставлено под вопрос другим, в котором Я открывает свою человечность и свою суть «в качестве за-другого», в качестве Я «угрызений совести» [10, 33 — 36]. Именно этот антропологический ракурс он связывает с понятием истинной святости, противостоящей сакральному как миру магии и «чародейства», подчиняющихся себе действительность и «нескромно» относящихся к тайне и божественному [22, 95 — 96]. Святой Бог, говорит он, являет себя в облике страдающего другого, а также в праздниках, паломничествах, заветах любви и прощения греха.

Переосмысление Бога в новой феноменологии по существу и по последствиям подобно проекту демифологизации в теологии. Результатом становится тот же непреодолимый разрыв между трансцендентным и имманентным, утрата парадоксального их неслиянно-нераздельного бытия. Эмпирическое становится тотально эмпирическим, утрачивая всякую связь с трансцендентным, трансцендентное становится настолько неприступным, что теряет всякую конкретику и статус Отца и Сына сменяет на статус предельной абстракции. Разъятие тайны приводит опыт трансцендирования к всецело субъективному опыту, предметом которого становится игра ничем не ограниченного воображения.

Философия как хвала

Современная философия решила взять на себя непосильную ношу, объявив своим предметом не Бога философов, который разрешает онтологические проблемы, но Бога, перед которым можно плясать и петь, которому возносят хвалу. Эта попытка видится непосильной и одновременно не невинной в отношении фигуры Бога. Непосильна она потому, что философия — это не культ. Философии нужно перестать быть философией, превратившись в мудрость, чтобы петь хвалу Богу. Хайдеггер говорил, что будущая мысль уже не философия. Это значит, что философия хочет выйти за свои пределы, преодолеть себя. Но что дает ей на это право? Чем обеспечен этот порыв? Исти-

ной? Богом? Примеряя на себя роль мудрости, философия с той же решительностью расстается с Богом культа, с конкретным, живым, трансцендентным Богом, ибо, заступая в сферу мудрости, мистерию она сводит к поэзии, культовое — к индивидуальному, символ — к знаку, Бога — к результату антропологических усилий по восхождению к Богу. Заняв не свойственное ей место, философия убирает тот водораздел, который всегда предполагался между философией и религией, не взирая на исторические перипетии взаимоотношений между ними. Новая философия стремится стать тем третьим, что упразднит и то, и другое, религию и философию. Пределом такой философии, однако видится, субъективная практика себя.

Ваттимо: ослабленное мышление

Джанни Ваттимо называет себя популяризатором идей Хайдеггера. Одной из таких идей является трактовка Хайдеггером слов Ницше о смерти Бога.

Что значат слова Ницше «Бог мертв»? Бог мертв — не то же, что Бога нет, — вторит Ваттимо своим предшественникам. Такое утверждение было бы метафизично, ибо претендовало бы на абсолют, на место Бога. Ницше, напротив, говорит нам о том, что последнего основания нет. Смерть Бога означает смерть метафизики.

Мир постметафизики плюрален, в нем нет Истины. Нашу эпоху Ваттимо определяет как эпоху интерпретаций, соглашаясь с Лиотаром в том, что эпохе метанарративов пришел конец. Но этот плюралный мир открывает дорогу новой вере. «Мое же намерение, — пишет Ваттимо, — состоит скорее в том, чтобы показать, как именно плюрализм эпохи постмодерна позволяет вновь обрести христианскую веру» [6, 10]. Бог умер, но умер именно метафизический Бог, и его смерть расчищает дорогу подлинной вере: «наш мир, — говорит Ваттимо, — это и есть тот мир, в котором умер и предан земле “нравственный” Бог, то есть похоронено метафизическое основание. Но речь-то как раз идет о том Боге, которого Паскаль называл Богом философов. И, похоже, многое действительно указывает на то, что смерть именно этого Бога, возможно, и могла бы расчистить почву для новой жизнеспособной религии» [6, 22].

Что это за новая вера? Это не вера в последнее основание, не вера в Бога метафизики, в Бога средневековой схоластики или Бога Библии. Ваттимо предлагает проект «ослабленного мышления», возводя его основания к философии Хайдеггера. Что значит ослабленное мышление? Оно означает «истощение сильных структур как в теоретической сфере (переход от метанарративной метафизики к локальной

рациональности; от веры в объективную сущность сознания — к осознанию герменевтической природы всякой истины), так и в сфере индивидуального и социального бытия (переход от субъекта, ориентированного на очевидность самосознания, к психоаналитическому субъекту; от деспотического государства — к конституционному государству и т. д.)» [6, 30].

Ослабленная реальность лишена жестких структур, в ней нет различия естественного и сверхъестественного, реальности и фантазии, эстетики и поэзии. Это реальность как игра интерпретаций, а не как объективная реальность, которую мы отражаем. Истина в ней означает не соответствие мышления вещам, но результат консенсуса интерпретаторов.

В основе постметафизического мышления лежит представление о событийной сути бытия вне абсолютных и завершенных онтологических структур метафизики. Преодоление метафизики Хайдеггером, по мнению Ваттимо, и означало попытку мыслить бытие не как объективную структуру, нечто вечное и стабильное, но как событие, которое случается. Для Хайдеггера, говорит Ваттимо, завершение метафизики «означает переход от бытия, мыслимого наподобие некой структуры, к бытию, понимаемому как событие, судьба которого — ослабление» [6, 30].

Классическая теология предполагает сильного Бога. Новая теология видит Бога слабым. В мире, утратившем метафизическое измерение, пережившем крах метанарративов, нет больше места силе Бога, его всемогуществу, нет места насилию догматов, остается лишь квинт-эссенция христианства — любовь к ближнему.

Новая вера, по мнению Ваттимо, должна обратиться к Библии, понятой как историческое послание. «В эпоху постмодерна, — пишет Ваттимо, — к нам приходит понимание, что все, чем мы в итоге, располагаем (если образ бытия как предвечной структуры, отображаемой объективистской метафизикой, более неприемлем), сводится к этому остатку — к библейскому пониманию творения, равно как и к библейскому пониманию случайного и исторического характера нашего существования. Переведем это на светский язык: именно в силу плюралистического характера, который несет нам опыт эпохи постмодерна, сегодня мы понимаем бытие всего лишь как событие, а истину мы мыслим уже не как отображение вечной структуры реальности, но она предстает перед нами историческим посланием, которое должно быть услышано...» [6, 10 — 11]. Ваттимо предлагает сместить дискурс в сторону относительного, исторического, конкретного, воспользовавшись редуцированной до исторического послания Библией без транс-

цендентного Бога. Интерпретация послания позволит родиться новой истине. «Я лишь собираюсь сказать, — пишет Ваттимо, что если мы признаем, что осмысленна и уместна постмодернистская концепция истины как трансляции посланий, рождения и смерти парадигм, интерпретации реальности на основе исторически унаследованных языков, то, в таком случае, Библия вновь может быть воспринята всерьез» [6, 12]. Подлинно иудео-христианская традиция, основанная на понятиях творения и исторического спасения, по мнению Ваттимо, свободна от метафизики и соответствует современному духу постмодерна — множественности культур и исторической, случайной природе бытия. Именно в христианстве, ссылаясь на Дильтея, Ваттимо видит источник распада метафизики, ибо христианство обратилось к внутреннему человеку, презрев объективный порядок. Основываясь на словах Павла «Смерть! Где твое жало?» (1 Кор. 15:55), Ваттимо делает вывод о том, христианство решительно отрицает принцип реальности, которое в свободе от «пагубного реализма», объективизма, авторитаризма, следует понимать как послание [7, 124]. Не скрывая своих намерений избавиться от авторитаризма, Ваттимо прибегает к жалким уловкам, ибо отрицание христианством наличного порядка, в котором после падения властвует грех и смерть, вовсе не означает отрицание объективного порядка. Слова апостола говорят лишь о преображении, которое получает мир после прихода Христа, но вовсе не об отрицании этого преобразенного мира. Они отрицают грех, а не мир. Реальность в христианской традиции зиждется на Боге, а не является плодом изменчивой конечной субъективности.

В секуляризации, отождествленной с событием Воплощения, кенозисом и ослаблением бытия, Ваттимо видит не момент падения, но суть религиозности: «Если, однако, секуляризация и есть то измерение, в котором происходит ослабление бытия, то есть *kenosis* Бога, суть истории спасения, то ее уже не следует рассматривать как свидетельство расставания с религией, но она является осуществлением, пусть и парадоксальным, ее самого сокровенного назначения» [6, 32]. Ваттимо критикует теологию и философию, трактовующую смерть Бога и секуляризацию как обнаружение радикального отличия между земным и небесным и парадоксальное указание на абсолютную инаковость Бога (Барт, Бонхеффер, Левинас, Деррида). Бог подобных теологий — это ветхозаветный Бог, Бог, не знающий Воплощения. Подобные теологии, по мнению Ваттимо, слишком много внимания уделяют трансценденции Бога, и, пожалуй, лишь в его инаковости видят божественность. Ваттимо, обращаясь к теории эпохи Духа Иоахима Флорского, заявляет о смерти Бога как о завершении истории спасения.

Эпоха Духа, согласно Ваттимо, это прощание с трансценденциями, проекциями своих страхов и превращение Бога в друга. Смерть Бога — это «растворение священного, уничтожение трансценденции», кенозис по апостолу Павлу [6, 48]. «Бог абсолютно инаковый, Бог, которого, похоже, готовы воспринять различные сегодняшние философские движения, все еще несет в себе слишком много черт «насильственного» Бога естественных религий: его трансцендентность, понимаемая как непостижимость для разума, как парадоксальность и тайна, — это трансцендентность того же самого капризного Бога, которого, согласно Вико, боготворили и боялись тупые и жестокие, дикие создания, считая его причиной молний и других постоянно обрушивающихся на них естественных катастроф. Бог эпохи Духа, которого имеет в виду Иоахим, уже не является на фоне подобных тайн и загадок; конечно, воплощение Христа заново наделяет смыслом различные естественные шифры, коды божественного. Но они все еще значимы для нас, потому что они суть тот способ, каким Бог снисходит с небес трансценденции, куда поместило его первобытное сознание, и тем самым свершает трансформацию, обращение, благодаря которой, как говорит Евангелие отныне люди зовутся не слуги, и даже не сыновья (как это писал Иоахим), но друзья» [6, 49]. Ваттимо призывает нас перерасти свое первобытное сознание, свою тупость и жестокость и видеть естественные причины в естественных явлениях, а в Боге, редуцированном до ближнего, — приятеля.

Эпоха Духа означает для Ваттимо отказ от буквального истолкования Писания, от догм, авторитетов, норм и границ, от Церкви как иерархии. Фундаментальный смысл эпохи Духа Ваттимо определяет так: «не буква отныне, но дух откровения; не слуги отныне, а друзья; не страх или вера уже, но любовь к ближнему» [9, 40]. Современный мир, говорит Ваттимо, дает шанс проявиться духу, то есть поэтизации реальности. Ссылаясь, как прежде это делал Дж. Робинсон, на Августина, Ваттимо пишет: «Единственный предел спиритуализации библейского Послания обозначен одним словом — любовь» [6, 57].

Христианство — это не истина и могущество, но любовь, а она есть основа солидарности в предельно плюральном мире. Как скажет Рорти, теология Ваттимо — это теология для теплых в вере. Для тех, кто от поклонения силе Бога переходит к правилу любви. Кто от метафизических категорий переходит в сторону «ослабляющего мышления». Кто на место истины ставит интерпретацию [18]. Церковь ныне можно понимать, согласно Ваттимо, лишь как солидарное сообщество. Понимать и интерпретировать — вот главная задача для христианина, говорит Ваттимо, перенимая у Рорти теорию переописаний. Главное

условие культуры, согласно Рорти, заключается в возможности бесконечных переописаний, благодаря которым «беседа может течь дальше».

Теория секуляризации Ваттимо, разделяя общий пафос теологии смерти Бога, приводит к радикальной имманентизации Бога. В отличие от Хайдеггера и современных феноменологов, Ваттимо не пытается завуалировать смысл превращения Бога в богов, истины — в любовь, метафизики — в постметафизику, веры — в атеистическую веру, снабжая свои рассуждения замечаниями о ценности демократического режима. Он прямо заявляет о тотальном, «неведающем центра плюрализме», принципиальном отсутствии иерархий, принципиальной относительности посюстороннего исторического измерения, консенсусе, основанном на ситуативной истине любви, кенозисе как «отречении Бога от своего суверенного превосходства» [7, 126]. Этот тотальный имманентизм рождает, как сказал бы Бонхеффер, совершеннолетнего человека, единственной ролью Бога, в отношении которого, может быть только роль приятеля и соратника.

Как Бог приходит в философию?

Как Бог приходит в философию? — задается вопросом Хайдеггер, разъясняя онтологическое строение метафизики. Бог, говорит он, оказывается для метафизики внутренне необходимым как последнее основание, как *causa sui*. Но как приходит Бог в философию после метафизики? Что сегодня заставляет философию обратиться к теологическим понятиям, повергая некоторых в шок? [17, 21].

Д. Милбанк полагает, что обращение атеистически настроенных мыслителей к теологии, среди которых он отмечает Деррида, Делеза, Бадью и Жижека, есть закономерное следствие внутренней, неосознанной логики современного марксизма, находящегося в поиске «нередукционистского материализма». Для нередукционистского материализма материя перестает быть инертным, механическим, пассивным началом и становится тем, что «способно породить субъективность и осмысленность» [13, 206]. Это значит, что материя начинает пониматься как самотрансцендирующее начало. Обращение к идеализму Милбанк считает неплодотворным, поскольку он заждется на принципе имманентизма, оставаясь в пределах космоса. Поэтому, заключает Милбанк, «лишь теологический порыв к трансцендентности способен удержать идею нередукционистской материальности» [13, 210]. Именно в этом смысле стоит понимать Бенямина, который говорил, что будущая философская мысль будет снята в теологии. Не ясна здесь, однако, позиция Милбанка, который, с одной стороны признает и про-

поведует трансцендентный источник мысли и материи, а также иерархию между мыслью и материей, а с другой, заигрывая с мыслителями-атеистами, допускает невозможную формулу материи, которая «способна породить субъективность и осмысленность».

А. Ямпольская полагает, что новая феноменология, вопреки Жанико, вовсе не служанка теологии, напротив, описание мира в терминах дара позволяет решить философскую проблему познания. Хиазм, скрещение взглядов, говорит она, есть «старинное» решение проблемы познания. Оно становится возможно в силу причастности познающего и познаваемого некоему общему (плоти мира, Бытию, единому и т. п.). У Мерло-Понти «поворот к самим вещам» означает то, что мы признаем воздействие самих вещей на воспринимающего. «Я чувствую, — говорит он, — как вещи глядят на меня». Я вижу сами вещи, поскольку сам видим. И я, и вещи принадлежат как части единому целому, что позволяет снять оппозицию субъекта и объекта. Но то же самое, замечает Ямпольская, мы видим у Мариона и Левинаса. Они вводят в феноменологию «внешний аффект», который позволяет говорить о данности, предшествующей сознанию, а в случае с Марионом — о «самости» феноменов [21]. Но действительно ли причина теологического поворота заключается в желании решить проблему познания, ведь никто из представителей нового типа мышления не делает акцента на этой проблеме?

В. Савчук считает, что теологический поворот — это попытка найти истину в плюральном мире [19], о чем едва ли можно говорить, ибо плюрализм и Истина не совместимые понятия. Главная же причина состоит в том, что настроения самих «искателей» совсем иные. Бадью, например, обращаясь к фигуре апостола Павла, называет себя атеистом, а Павла — не апостолом и не святым, а «мыслителем-поэтом происходящего», и сравнивает его как воинствующую фигуру с Лениным. Это же сравнение встречается у Жижека. Определяя критерии светской истины, Бадью важно изучить именно структуру христианского жеста Павла. С другой стороны, Бадью самозабвенно окунается в стихию проповедуемой христианством «басни» и не делает почти никаких замечаний относительно дня сегодняшнего [5], и только в этом смысле можно согласиться с мнением Савчука. В еще меньшей степени о ностальгии по божественным константам можно говорить, имея в виду работы Жижека, Агамбена или Ваттимо. Жижек проповедует «материалистическую теологию», основанием которой является множественность, противостоящая монотеизму [8]. В работе «Кукла и карлик», он лишь заигрывает со знаменитым первым тезисом В. Бенъямина из опуса «О понятии истории», не собираясь всерьез его обсуж-

дать. Не теология, говорит он, но, напротив, исторический материализм, есть тот карлик-кукловод, который тайно управляет куклой-теологией. Но за этим заявлением последует лишь провозглашение себя «закоренелым материалистом» и утверждение о необходимости пройти христианский опыт для того, чтобы стать таковым. «Кукла» Жижекю не более интересна, чем все остальное на свете, рассуждениям о чем посвящен его текст [9]. Ваттимо объявляет абсолютную истину насильем, и все его высказывания откровенно направлены на то, чтобы не допустить этого насилия. В феномене homo sacer Агамбена волнует проблема политического, а не теологического [3], а в святых — их физиология, а не святость [2]. Хотя в «Комментарии к “Посланию к римлянам”» можно увидеть интерес к христианской традиции [1].

Вряд ли теологический поворот стоит расценивать как ответную агрессию философии по отношению к теологии [20, 7], желание побороть теологию языком философии, ибо западная теология уже давно сдалась в руки философии, ее агрессия ничтожна. Вернее было бы задаться вопросом о содержании того, что в культуре именуется теологическим поворотом, и о справедливости такого именованья.

Теологический поворот скорее стоит рассматривать как а-теологический поворот, имея в виду новый смысл, который прививают атеизму философы. Это поворот к нейтрализации онтологических разрывов. Желание выстраивать такой дискурс, который исключает вопрос о трансцендентном. Не Бог, но а-теизм приходит в философию как попытка преодолеть саму возможность ставить проблему Бога. Схожую оценку можно встретить у Д. Милбанка, который видит в «феноменологическом повороте» «имманентистскую атеологическую онтологию», вырождающуюся в эпистемологию [14].

А-теологический поворот — это поворот к смерти Бога, дление в современности этого давнего жеста. Западное сознание, словно старую мозоль, тщетно пытается вытравить Бога и не может, с болезненной пристрастностью обращаясь к тому табу, которым оно было создано. А-теизм приходит в философию как боль души, которая обнаружилась в себе дыру размером с умершего Бога.

Литература

1. Агамбен Д. Apostolos (из книги «Оставшееся время: Комментарии к “Посланию к римлянам”») // НЛО. 2000. № 46.
2. Агамбен Д. Открытое. М.: РГГУ, 2012.
3. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.

4. *Апри М.* Неинтенциональная феноменология: задача феноменологии будущего // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014.
5. *Бадью А.* Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
6. *Ваттимо Дж.* После христианства. М.: Три квадрата, 2007.
7. *Ваттимо Дж.* Эпоха интерпретаций // Логос. 2008. № 4.
8. *Жижек С.* К материалистической теологии // Логос. 2008. № 8.
9. *Жижек С.* Кукла и карлик. Христианство между ересью и бунтом. М.: Европа, 2009.
10. *Левинас Э.* Заметки о смысле // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014.
11. *Марион Ж.-Л.* Метафизика и феноменология — на смену теологии // Логос. 2011. № 3.
12. *Марион Ж.-Л.* Насыщенный феномен // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2014.
13. *Милбанк Дж.* Материализм и трансцендентность // Логос. 2011. № 3.
14. *Милбанк Дж.* Новое разделение: романтическая VS классическая ортодоксия // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия. 2011. Вып. 4 (36).
15. *Марион Ж.-Л.* Идол и дистанция / Символ. Париж; Москва. 2009. № 56.
16. *Марион Ж.-Л.* Перекрестья видимого. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
17. *Наталья Автономова* отвечает на вопросы «Логоса» // Логос. 1999. № 9.
18. *Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С.* Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4.
19. *Савчук В.* Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10).
20. *Узланер Д.* Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3.
21. *Ямпольская А.* Конвейер невидимого (Рец. на кн.: Марион Ж.-Л. Идол и дистанция // Символ. Париж; М., 2009. Т. 56.
22. *Lévinas E.* Du Sacré au Saint. Paris. 1997.

23. *Marion J.-L.* God without Being. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991.

References

1. *Agamben D.* Apostolos (iz knigi «Ostavsheesja vremena: Kommentarij k "Poslaniju k rimljanam"») // NLO. 2000. № 46.
2. *Agamben D.* Otkrytoe. M.: RGGU, 2012.
3. *Agamben D.* Homo sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'. M.: Evropa, 2011.
4. *Anri M.* Neintencional'naja fenomenologija: zadacha fenomenologii budushhego/(Post)fenomenologija: novaja fenomenologija vo Francii i za ee predelami. M.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2014.
5. *Bad'ju A.* Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma. M.: Moskovskij filosofskij fond; SPb.: Universitetskaja kniga, 1999.
6. *Vattimo Dzh.* Posle hristianstva. M.: Tri kvadrata, 2007.
7. *Vattimo Dzh.* Jepoha interpretacij // Logos. 2008. № 4.
8. *Zhizhek S.* K materialisticheskoj teologii // Logos. 2008. № 4.
9. *Zhizhek S.* Kukla i karlik. Hristianstvo mezhdou eres'ju i buntom. M.: Evropa, 2009.
10. *Levinas Je.* Zametki o smysle / (Post)fenomenologija: novaja fenomenologija vo Francii i za ee predelami. M.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2014.
11. *Marion Zh.-L.* Metafizika i fenomenologija — na smenu teologii // Logos. 2011. № 3.
12. *Marion Zh.-L.* Nasyshhennyj fenomen / (Post)fenomenologija: novaja fenomenologija vo Francii i za ee predelami. M.: Akademicheskij proekt; Gaudeamus, 2014.
13. *Milbank Dzh.* Materializm i transcendentnost' // Logos. 2011. № 3.
14. *Milbank Dzh.* Novoe razdelenie: romanticheskaja VS klasischeskaja ortodoksija // Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofija. 2011. Vyp. 4 (36).
15. *Marion Zh.-L.* Idol i distancija/ Zhurnal «Simvol», Parizh-Moskva: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy. 2009. № 56.
16. *Marion Zh.-L.* Perekrest'ja vidimogo. M.: Progress-Tradicija, 2010.
17. Natal'ja Avtonomova otvechaet na voprosy «Logosa» // Logos. 1999. № 9.
18. *Rorti R., Vattimo Dzh., Zabala S.* Kakovo budushhee religii posle metafiziki? // Logos. 2008. № 4.

19. *Savchuk V.* Fenomen povorota v kul'ture XX veka // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury International Journal of Cultural Research*. 2013. No. 1(10).

20. *Uzlaner D.* Vvedenie v postsekuljarnuju filosofiju// *Logos*. 2011, № 3.

21. *Jampol'skaja A.* Konvejer nevidimogo (Rec. na kn.: *Marion Zh.-L. Idol i distancija // Simvol*. Parizh; M., 2009. T. 56.

22. *Lévinas E.* *Du Sacré au Saint*. Paris, Minuit, 1997.

23. *Marion J. – L.* *God without Being*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1991.

М.Е. БОЙКО

Алгоэкономика и субстанциальная теория боли в XX в.

Аннотация. Рассматриваются причины возрождения в XX в. архаичной субстанциальной теории боли, вводится представление об алгоэкономии.

Ключевые слова: боль, конфликтология, мифологема, русская трагедия, философия боли.

Abstract. The article is analyzed the causes of the revival in the twentieth century archaic substantial theory of pain, introduced the concept of algoeconomy.

Keywords: pain; conflictology, mythologeme, the philosophy of pain, Russian tragedy.

Глобальные политические катаклизмы XX в., повлекшие миллионы жертв, делают память о перенесенных человеческих страданиях важным социальным фактором, влияющим на жизнь общества и международные отношения. В этом смысле перенесенные страдания, человеческая боль, психологические травмы и т. д. сохраняются, аккумулируются в исторической памяти, проявляют себя в комплексах «исторической вины» и «исторической вражды». Неудивительно, что на этом фоне происходит возрождение архаических концепций и донаучных верований, коренящихся в глубинных слоях культуры, коллективном бессознательном. Одной из таких концепций является так называемая субстанциальная теория боли, согласно которой боль и человеческие страдания представляют собой или имеют своим матери-

альным коррелятом некоторую субстанцию. В рамках субстанциальной теории боли оказывается возможным подсчитывать количество боли, проследить ее циркуляции, ставить вопросы и ее компенсации, исторического «возмездия», «воздаяния». Конфликтотенциал этих идей очевиден.

Сразу заметим, что современная наука и ее специализированные разделы — алгология и философия боли — не дают никаких естественнонаучных подтверждений субстанциальной теории боли: в современной науке боль рассматривается как состояние психики, а не как субстанция. Таким образом, рецидивы субстанциальной теории боли следует анализировать в контексте обуславливающих их архаичных представлений, специфических психологических механизмов, выполняющих, по-видимому, важные компенсаторные социальные функции. Понимание этих механизмов и функций необходимо не только с целью социального самопознания, но и для профилактики тлеющих социальных и межнациональных конфликтов.

Прежде чем приступить к анализу поставленной проблемы, мы представим краткий очерк обобщенной версии субстанциальной теории боли и приведем несколько примеров, взятых из политической философии, мистических учений и крупных произведений искусства XX в.

Как мы уже говорили, в рамках субстанциальной теории боли предполагается, что боль в ее разнообразных проявлениях представляет собой некоторую измеримую субстанцию. Такой подход позволяет говорить о боли и страданиях как о некоторых величинах, символически брошенных на «весы истории». Оказывается возможным даже рассматривать циркуляцию боли в человеческом обществе, подобно тому как в политэкономии рассматриваются циркуляции товаров, услуг и денежных потоков. Это позволяет ввести представление об *алгоэкономии* (от греческого слова *άλγος*, означающего «боль»).

Пожалуй, важную роль в актуализации этого представления сыграл немецкий политический мыслитель и писатель Эрнст Юнгер, не используя, конечно, сконструированного нами термина. В частности, в эссе «О боли» (1934) Юнгер утверждал: «Наряду с пространственной экономией существует еще одна, временная, которая состоит в том, что сумма незатребованной боли складывается в невидимый капитал, умножаемый с помощью начисления сложных процентов. Наряду с искусственным наращиванием дамбы, которая отделяет человека от элементарных сил, усиливается и угроза» [10, 488]. Как мы видим, накануне Второй мировой войны Юнгер опасался *дефицита* боли в современном ему обществе — «незатребованной боли», якобы

отделяющей человека от неких «элементарных сил» и таящей в себе колоссальную угрозу для цивилизации. Прав был Юнгер или нет, но вскоре маятник действительно качнулся в противоположную сторону: Вторая мировая война и последующие кровавые конфликты привели к громадному *избытку* человеческой боли, страданий и горестей.

Пожалуй, первую эксплицитную версию субстанциальной теории боли дал русский мыслитель Даниил Андреев в своем эскизе мистической метаистории: «Излучения злобы, ненависти, алчности, похоти животных и людей проникают в демонические слои, восполняя убыль жизненных сил у различных классов и групп их обитателей. Но этих излучений едва достаточно, чтобы они восполняли убыль сил именно у отдельных демонических сообществ. Зато излучение страдания и боли — оно называется гаввах — способно насыщать гигантские толпы демонов почти всех видов и рангов. По существу, гаввах — их пища. <...> Среди различных видов гавваха особое значение имеет тот, который связан с истечением физической крови. Когда кровь людей и животных вытекает из организма, то в первые минуты этого процесса она выделяет жгучее излучение особой силы» [1, 125]. Таким образом, Андреев предложил термин для обозначения субстанции боли — *гаввах*, а циркуляция гавваха стала для него объяснительной моделью политических катастроф XX в.

В таком контексте возможно провести аналогию между политэкономией и алгоэкономией. В самом деле, в первом томе «Капитала» Карл Маркс записал «всеобщую формулу капитализма» [9, 166] в виде $D - T - D'$, где $D' = D + \Delta D$ [3, 161]. В этой записи D — первоначально авансированный капитал, T — товар, а ΔD — некоторое приращение или избыток первоначальной стоимости, названный Марксом прибавочной стоимостью. «Алгоэкономика» Андреева основывается на аналогичной формуле: $G - X - G' = G + \Delta G$, где G — некоторый исходный уровень человеческих страданий в обществе, X — вызванный ими социальный катаклизм, ΔG — некоторая «прибавочная боль», которая образуется в ходе этого катаклизма. Эта избыточная боль в свою очередь провоцирует новые катаклизмы, этим, по мнению Андреева, поддерживаются циркуляция человеческих страданий и череда конфликтов, насилий, кровопролитий.

Аналогичная теория, совершенно независимо от Андреева, была развита Дэвидом Линчем в экранной вселенной «Твин Пикс», только там субстанция боли обозначается неологизмом Линча *гармонбозия* (*garmonbozia*). Само слово *garmonbozia*, очевидно, не имеет прямого отношения ни к гормонам (*hormones*), ни к гармонии (*harmony*), ни к амброзии (*ambrosia*), хотя, по-видимому, и вбирает в себя их смысло-

вые оттенки [2]. В субтитрах дается расшифровка этого неологизма — «боль и печаль» (rain and sorrow). Конгениальность и Андреева, и Линча проявляется и в том, что они оба связывают субстанцию боли с человеческой кровью, что опять-таки отсылает к архаичным донаучным представлениям о мистических функциях крови (см.: [7, 206 — 221]).

Боль (rain) и печаль (sorrow) — это, очевидно, эквиваленты физической и психической (эмоциональной) боли: «Разница между чисто физической и эмоциональной болью заключается в том, что первая из них четко локализована и воздействует на ограниченный участок тела, в то время как эмоциональная боль, также проявляющаяся в теле, носит генерализованный, обобщенный характер. Головная боль — это боль, локализованная в голове, зубная боль ограничивается челюстью и прилегающими областями, боль в шее воздействует только на шею. В противоположность этому боль, испытываемая от одиночества, ощущается во всем теле» [8, 140]. Физическая боль вызывает изменения в психике, а психическая боль может соматизироваться (например, при истерии). Различие между двумя разновидностями настолько зыбкое, что повсюду, за исключением узких областей медицины (анестезиология, алгология и т. д.) [3; 6], им можно пренебречь. Часто это даже желательно, как отмечает норвежский философ Арне Юхан Ветлесен: «...разделение боли на физическую и психическую приносит на самом деле больше вреда, чем пользы, как для понимания, так и для лечения» [4, 46].

Мы коснулись эксплицитных проявлений субстанциальной теории боли в философии и искусстве, но, очевидно, они не возникли бы и не были бы столь популярны, если бы не затрагивали бы некоторых глубинных пластов культуры и массовой психологии. В самом деле, любому человеку очень сложно примириться с представлениями о «напрасности» боли и страданий, об их бесследном исчезновении со смертью страдающего субъекта. Комплекс таких подсознательных или бессознательных представлений находится в тесной связи с общечеловеческим чувством справедливости и может рассматриваться как *имплицитное* выражение субстанциальной теории боли. Направляемое этим архаичным комплексом общечеловеческое чувство справедливости периодически сбивается на дорогу исторических претензий, исторической вины, исторического воздаяния, и спираль внутрисоциальных и межнациональных конфликтов делает новый энергичный виток.

Очевидно, что терапия тлеющих социальных конфликтов невозможна без самоанализа в масштабах общества, без осознания архаичных комплексов, подпитывающих конфликты, без аналитической

«проработки» социально опасных «мифологем» — важное место среди которых занимает субстанциальная теория боли. И особенно это актуально для российского социума, русской культурной среды, в которой укоренен своеобразный «культ страдания», констатированный Федором Достоевским: «Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно» [5, 36].

Литература

1. *Андреев Д.Л.* Роза Мира. М.: Эксмо, 2011.
2. *Бойко М. Е.* Семіозис, мотивний аналіз і пошуки глибинної структури на матеріалі екранної всесенної «Твін Пікс» // Історическіе, філософськіе, політіческіе і юрідіческіе науки, культурологія і іскусствоведеніе. Вопросы теорії і практики. 2014. № 1. Ч. 1.
3. Боль: Руководство для студентов и врачей / Под ред. Н.Н. Яхно. М.: МЕДпресс-информ, 2010.
4. *Ветлесен А. Ю.* Філософія боли. М.: Прогресс-Традіція, 2010.
5. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1873 // Достоевский Ф.М. Полн. Собр.соч.: В 30 т. . Т. 21. СПб.: Наука, 1972—1990.
6. *Кассиль Н. Г.* Наука о боли. М.: Наука, 1975.
7. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937.
8. *Лоуэн А.* Радость. Минск: Попурри, 2009.
9. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
10. *Юнгер Э.* О боли // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли. СПб.: Наука, 2000.

References

1. *Andreev D. L.* Roza Mira. M.: Eksmo, 2011.
2. *Boiko M. E.* Semiozis, motivnyi analiz i poiski glubinoi struktury na materiale ekrannoї vselennoi «Tvin Piks» // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 1. Ch. 1.

3. Bol': Rukovodstvo dlia studentov i vrachei / N.N. Iakhno (red.). M.: Medinform-press, 2010.
4. *Vetlesen A. Iu.* Filosofiiia boli. M.: Progress-Traditsiia, 2010.
5. *Dostoevskii F. M.* Dnevnik pisatel'ia. 1873 // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii v 30-ti tomakh. Leningrad: Nauka, 1972—1990. V. 21.
6. *Kassil' N. G.* Nauka o boli. 2-e izd. M.: Nauka, 1975.
7. *Levi-Briul' L.* Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. Moscow: OGIZ, 1937.
8. *Louen A.* Radost'. Minsk: Popurri, 2009.
9. *Marks K.* Kapital // Marks K., Engel's F. Soch. V. 23.
10. *Iunger E.* O boli // Iunger E. Rabochii. Gospodstvo i geshtal't. Total'naia mobilizatsiia. O boli. SPb.: Nauka, 2000. St. Petersburg: Nauka, 2000.

А.В. КОРОВИН

Экзистенциальный выбор и онтологическое понимание добра и зла: от Сёрена Киркегора к Мартину Хансену

Аннотация. Статья посвящена проблеме выбора как основной экзистенциальной проблеме, впервые поднятой датским философом С. Киркегором и тесно связанной с понятиями добра и зла, рассматриваемыми в онтологическом ключе. Для Киркегора важен сам акт выбора, а не его результат, что позволяет человеку обрести себя. В этом же ключе проблема выбора решается в творчестве Мартина Хансена — наиболее известного датского философа и писателя середины XX в.

Ключевые слова: философия, экзистенциализм, онтология, датская литература, Киркегор, Хансен

Abstract. The article discusses the problem of a choice as the main existential problem. Initially it was comprehended by Danish philosopher Søren Kierkegaard and it is closely connected to the ontological concepts «good» and «evil». The act of choice is more important for Kierkegaard than a result of this choice because it gives a chance for humans to find themselves. The same way the problem of choice is solved in Martin Hansen's works, who was the most prominent Danish philosopher and writer in the middle of 20th century.

Keywords: philosophy, existentialism, ontology, Danish literature, Kierkegaard, Hansen.

Очевидно, что именно Сёрен Киркегор стал первым мыслителем, который не только поднимает проблему выбора как таковую, но связывает ее с личностными внутренними процессами. Он призывает уйти от оценки пусть даже и важных объективных проявлений человеческой природы и обратить внимание на то, что определяет внутренний выбор каждого отдельного человека, фактически — выбор самого себя, своей сущности во всех ее проявлениях, что в свою очередь позволяет оставаться самим собой и не утратить индивидуальность под влиянием внешних обстоятельств, сохранить способность к саморазвитию и самосовершенствованию. Все это находит отражение в знаменитой киркегоровской триаде: эстетическое — этическое — религиозное: личность на первой стадии принадлежит мгновению, на второй — продолжительному отрезку времени, а на третьей — вечности. Именно обретение вечности и должно становиться основной целью личности, определять ее экзистенцию.

Проблема выбора со всей остротой была поставлена Киркегором в труде «Или — или» (Enten — eller, 1843), где отчетливо прослеживается принцип субъективности, собственно позволяющий человеку, сделав свой выбор, стать личностью. Датский мыслитель уходит от христианской концепции добра и зла, которую считает не только неверной, но и вредной, поскольку она ориентирует человека на некое объективное восприятие этих понятий и заставляет делать выбор между добром и злом. Сам же он не приемлет гносеологического понимания добра и зла и требует их онтологической трактовки. «Мое “или — или” — не обозначает непосредственный выбор между добром и злом, оно обозначает сам выбор, когда выбирается и добро и зло или они отвергаются. Вопрос лишь в том, какое из этих определений будет использовано для обозначения всего существующего и как с этим жить» [1, 175], — пишет Киркегор. Для него важным становится сам акт выбора, а не предмет выбора, поскольку требуется не искать истину и не постигать сущность, а дать возможность человеку стать самим собой.

А. Грён отмечал: «Но выбор — это не свободное состояние, он происходит по определенным правилам, которые сами по себе подчинены разнице между добром и злом. Выбирая, человек уже находится в ситуации, определенной разницей между добром и злом, и требуется, чтобы человек сам определил эти отношения» [2, 90]. Наличие подобного выбора позволяет человеку осмыслить разницу между бесконечностью и конечностью, вечностью и бренностью, свободой и необхо-

димостью, жизнью и смертью, что тесно связано с этикой: человек меняется благодаря выбору, приходит к своему пониманию добра и зла. Когда это происходит, то уже не внешние факторы определяют человеческое существование, а духовная составляющая становится главной для жизни отдельного человека и социума в целом.

Киркегор не создает стройной теории и не дает ответов на все вопросы, он лишь обращает внимание отдельного человека на самого себя, делая центром мироздания его внутренний мир. Подобная «незамкнутость», порой парадоксальность философской системы Киркегора и очевидный антропологический вектор делают ее особо привлекательной в XX в., когда экзистенциальные вопросы становятся наиболее обсуждаемыми. В Дании к ним особенно часто обращаются интеллектуалы, группирующиеся вокруг журнала «Херетика» (*Heretica*, 1948 — 1953). Редактором журнала был наиболее оригинальный датский мыслитель и писатель середины века Мартин Альфред Хансен (1909 — 1955), ставший «основной фигурой в религиозном и антирационалистическом течении 40-х годов» [4, 252]. Им поднимаются актуальные для современного общества проблемы, осмысливается война как феномен человеческой истории, и то, какие метаморфозы претерпевает человек, в нее вовлеченный. Война несет с собой абсолютный страх, превращающий мгновение в вечность, и предстает борьбой жизни и смерти, оказывающимися единым целым, но она, война, ставит человека перед выбором, который и позволяет ему в конечном итоге обрести себя, что соотносимо с идеями Киркегора.

В философских сочинениях и художественных произведениях Хансена ставится вопрос о борьбе добра и зла, которые неотделимы друг от друга, поскольку порождают страдание, составляющее суть человеческого существования. О. Юуль отмечает: «Главной темой для него была проблема выбора. Необходимо иметь смелость, чтобы выбрать этот несовершенный мир как главное условие и принять, что искусство имеет место только наряду с другими формами познания» [3, 135]. Литературное творчество становится удобным инструментом постижения мира во всех его проявлениях, позволяющим поднять волнующие писателя экзистенциальные вопросы.

Большой мир, противопоставленный миру внутреннему, предстает у Хансена полным противоречий и страданий, когда злоба, недоверие и абсурд являются неизменными атрибутами действительности. Одним из наиболее показательных сочинений писателя становится философская новелла «Жертва» (*Offer*), в которой в традициях Киркегора соединяется художественное повествование с философскими размышлениями. Добро и зло наполняются онтологическим смыслом,

поскольку теряют свою определенность в ситуации неизбежного выбора, когда зло, казалось бы абсолютное, неотвратимо и творится во благо. В охваченной чумой местности двух детей закапывают живьем, спасая тем самым жизнь остальным. Основное место в тексте уделено моменту, когда люди собрались у вырытой уже могилы и стоят лицом к лицу с двумя маленькими детьми, обреченными на смерть. Они уговаривают себя и их в необходимости этой жертвы. Отвлеченность ситуации, неопределенность места и времени действия позволяют вывести конфликт на вселенский уровень, придать ему онтологическое звучание в эпоху, когда только закончилась самая безжалостная война в истории. Хансен ставит задачу проникнуть в души этих людей, понять, чего же стоит им этот выбор, когда собственно и возникает ситуация, когда добро и зло отвергаются одновременно. Выбор сделан, но как людям дальше жить с этим? Вопрос, которым задавался Киркегор, остается открытым и для Хансена. Люди эти испытывают страх, боль и страдание, оставаясь один на один с вопросом: где границы зла, может ли мир существовать без зла или это неотъемлемая часть человеческого существования?

Очевидно стремление Хансена онтологически осмыслить современность, используя философию Киркегора, поэтому центральное место в его сочинениях занимает исследование эмоции, переживания, порожденных ситуацией выбора, что позволяет постичь бытие во всей его многогранности. Главным и наиболее известным произведением писателя становится философский роман «Лжец» (Løgneren, 1950), сближающийся по своей стилистике с сочинениями Киркегора, где реальность предстает лишь проекцией внутреннего мира героя, размышляющего о фундаментальных вопросах человеческого бытия.

Литература

1. Enten-eller. Et Livs-Fragment, udgivet af Victor Eremita. Anden Deel. Kjøbenhavn: C. A. Reitzels Forlag, 1878.
2. *Grøn A.* Frihed og valg — valgfrihed? // Kierkegaard 1993 — digtning, filosofi, teologi / F.H. Mortensen (red.) Odense: Odense Universitet, 1993.
3. *Juul O.* Fortællingen om Martin A. Hansen og Heretica. København: Anis, 2009.
4. *Kristensen S.M.* Dansk litteratur 1918 — 1952. København: Munksgaard, 1956.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Струя свежего воздуха

(о книге В.Т. Рязанова «(Не)Реальный капитализм»)*

В.Т. Рязанов — могучий ученый, один из последних политэкономов, продолжающих классическую научную культуру, разбавляя ее и современной свежестью.

Чего стоит один только его «(Не)Реальный капитализм», в котором и исторический капитализм, и текущая реальность, и невозможная нереальность!

А две иаковские лестницы по обеим сторонам книги — это что? Где тогда финансисты, а где политэкономы?

Нет актуальной и острой проблемы, которую бы не затронул и не высветил Рязанов, поступая умно, деликатно, убежденно и строго.

Не нравится автору капитализм, ох, как не нравится; не нравится его — капитализма — органическая кризисность; не нравится и наглая агрессивность.

Опираясь на К. Маркса и Дж.М. Кейнса, Рязанов вскрывает нынешний кризис — уже глобальный — нынешнего, уже глобального — капитализма. И правильно делает, верно диагностируя грозную эсхатологическую ситуацию.

В.Т. Рязанов ищет выхода из этой гнетущей реально-нереальной ситуации, обращая свой взор на вроде бы реальное, пусть уже и неоиндустриальное, производство, а, следовательно, на... вполне и реальный... капитализм, точнее — на полукapитализм-полу(Не)капитализм, ибо ничего в распоряжении добросовестного политэконома ныне не остается, — какой еще социализм после уже состоявшегося исторического сбоя?

Хотя Рязанов, конечно же, за социализм, ибо это опять же единственное, пусть и «(Не)Реальное», сносное для добросовестного политэконома, историческое решение, но, будучи не только политэкономом, но и вполне трезвым экономистом, Рязанов останавливает себя на последней ступеньке иаковской лестницы и... ратует с ее высоты

* *Рязанов В.Т. (Не)Реальный капитализм. Политэкономия кризиса его последствий для мирового хозяйства и России. — М.: Экономика, 2016. — 696 с.*

лишь... за «социализацию финансов», что позволило бы и вступить миру и России в «новый посткризисный мир».

Желание ученого естественно и понятно. Но как же тогда быть с неистребимым капитализмом — убедительно проклятым К. Марксом и единожды не слишком убедительно обласканным Дж. Кейнсом?

Эх, недаром, совсем недаром у Рязанова это (Не) с «двумя» лестницами — совершенно и (Не)Реальными!

Ф.И. ГИРЕНОК

Фуко и терроризм

Аннотация. В статье анализируется гибель трудового общества и в этой связи говорится о конце эпохе социального. Обращается внимание на то, что на смену эпохи социального приходит эпоха постчеловека. В постчеловеке все меньше становится человеческого и все больше инженерного. Анализируются взгляды Фуко на человека. В статье делается вывод о том, что Фуко не имеет никакого отношения к феномену терроризма.

Ключевые слова: трудовое общество, социальное, человек, постчеловек, терроризм, М. Фуко, мышление

Abstract. In article the death of labor society is analyzed and in this regard is approved about the end to an era of the social. The author pays attention that eras of the social the era of the post-person succeeds. In the post-person becomes human more and more engineering less. The author analyzes Foucault's views of the person. In article the conclusion that Foucault has no relation to a terrorism phenomenon is drawn.

Keywords: labor society, social, person, post-person, terrorism, M. Foucault, thinking.

Господин Ливри, проживающий в Швейцарии, прислал в «Литературную газету» письмо, в котором объявил М. Фуко крестным отцом терроризма. «Литературная газета» попросила меня прокомментировать письмо господина Ливри.

Швейцария

Если вся Европа сходит сегодня с ума от мигрантов, то Швейцария экспериментирует. В Швейцарии на весну 2016 г. намечен рефе-

рендум, на котором жители страны должны ответить на вопрос, согласны ли они гарантированно получать 2225 евро в месяц в независимости от того, работают они или нет.

Что означает этот референдум? Этот референдум означает, что труд перестал быть фундаментальным принципом, базисной ценностью человека, определяющей структуру общества. Трудовое общество перестало существовать. Формируется новое общество, в котором технологически возможна реализация принципа, согласно которому незначительное меньшинство будет работать и обеспечивать большинство неработающих всем комплексом цивилизационных благ. Все равны. Работающие и безработные.

Вместе с трудовым обществом заканчивает свое существование эра социального, эпоха битвы труда и капитала. Появляется общество, в котором деньги раздаются, а не зарабатываются. Более того, розданные деньги предлагается быстрее потратить, чтобы поддержать динамику экономической жизни. Их нельзя долго хранить. Деньги перестают быть формой накопления капитала. Меняется и роль банков. Становится возможным отрицательный процент.

Иными словами, на смену эпохи социального приходит эпоха постчеловека. В человеке все меньше становится человеческого и все больше инженерного. Социальная эпоха предполагает фундаментальный разрыв между бедными и богатыми. Антропологическая эпоха начинается в момент, когда человек изымается из системы разделения труда и одновременно ему предлагают выбрать свое тело. Сегодня человек еще может сказать: «я учитель», «я редактор», «я официант». После краха социального он не сможет так сказать. Человек будет обращаться к социуму и спрашивать: «Кто я?». Социум ему ответит: «Я не знаю». Вопрос о твоей идентичности — это теперь не социальная проблема, а технологическая. Не то ты есть, что ты грезишь о себе, а то, что ты сделал с собой.

Конечно, не каждая европейская страна может позволить себе то, что позволяет себе Швейцария. Это не может себе позволить даже Франция. Большинство стран еще решают социальные проблемы, тогда как технико-антропологические проблемы непосредственно включают в себя, прежде всего, отношения естественного и искусственного, сделанного и выросшего. Например, кто ты, если тебе заменили голову? Кто ты, если у тебя вместо сердца работает некий механизм? Если ты выбрал себе пол и расу? Мыслителя, который зафиксировал наступающую эпоху постчеловека, зовут Мишель Фуко.

Человек

Все думают, что человек — разумное существо. Для Фуко человек — безумец. Умной может быть и машина. Безумным является только человек. Чем меньше в человеке безумия, тем легче его заменить роботом. Многие думают, что человек возник давно и будет существовать вечно. Для Фуко человек возник недавно. И очень скоро исчезнет. В смерти человека исполнится смерть Бога.

Половой вопрос

В традиционном обществе принято считать, что мальчик всегда чувствует себя мальчиком, девочка — девочкой, ведь это так естественно. Но что делать, если мальчик чувствует себя девочкой и наоборот. В традиционном обществе «ненормальных» можно было изолировать, подвергнуть остракизму. Формирующееся общество, согласно Фуко, будет делать их своими полноценными членами.

Задолго до Фуко на проблему гомосексуальности обратил внимание вполне традиционный человек, которого звали Василий Розанов. Его книга «Люди лунного света» — это классика. В ней обращается внимание на то, что в каждом мужчине есть женщина, и в каждой женщине — мужчина. Человек андрогинен. Более того, все знают, что такое духовное образование как философия возникло в гомосексуальной Греции. Сократ любил мальчиков, хотя у него была жена. Сегодня обсуждается вопрос о том, могут ли гомосексуальные пары составлять семью. Решение этого вопроса — это уже не проблема социального порядка. Это проблема антропологического порядка. Нет законов природы, которые бы это запрещали. Но могут ли эти семьи иметь детей? Конечно, нет. Это запрещается законами природы.

Помыслить все эти вопросы — значит уже вступить в конфликт с традицией, ибо традиция и мысль не совместимы. И Фуко пытается найти пределы возможности мыслить иначе.

От философии Фуко к кровавым действиям террористов?

В письме господина Ливри сопоставляются два события. Одно из них — поток мигрантов в Европу и кровавая бойня в Париже в ноябре 2015 г. Другое — связано с именем Фуко, которого парижское издательство «Галлимар» выпустило в своей звездной серии как классика. Идею письма господина Ливри можно сформулировать так: от философии Фуко к кровавым действиям террористов. Господин Ливри называет Фуко крестным отцом террористов. Как обосновывает свою

идею автор письма? Никак. Оставим в стороне ругательства типа «псевдофилософ», «фюрер толерантных интеллектуалов», «паяц».

В письме говорится, что Фуко ввел во французский университет систему нормализации извращений. Психопатию он объявил одной из форм здоровья. Я хочу напомнить, что мысль о том, что человек невротик, что каждый из нас, по крайней мере, два раза в день проходит через ультрапарадоксальную ситуацию, была известна задолго до Фуко. Основатель советской психологии Л.С. Выготский прямо утверждал, что отклонение человека от нормы является ключом к пониманию нормы. Более того, норма — это вообще все то, что только принято считать нормой. Каждый человек несет в себе свою шизофрению. Если «ненормальное» социально приемлемо, то это норма.

В письме также говорится, что Фуко создал образ содомитов и лесбиянок как социальной группы. Но содомиты и лесбиянки сами по себе уже являются социальной группой, т. е. группой, у которой есть общие интересы и цели, и никакой особой заслуги Фуко я в этом не вижу.

Господин Ливри считает, что Фуко упростил эллинские корни культуры. Признаться, я не очень понимаю, что он имеет в виду. Принцип относительности был открыт уже греками.

Автор письма также полагает, что Фуко способствовал превращению философии в прибежище шарлатанов. Если господин Ливри говорит о Делезе, то я с ним никак не могу согласиться.

О чем господин Ливри ничего не пишет в своем письме, так это о прощании Европы с христианской культурой. Европа теперь — духовно пустое, хотя и богатое место, которое хотят заполнить мигранты. Но ставить в вину Фуко терроризм глупо, ибо терроризм — это не проблема мигрантов, это другая проблема и, на мой взгляд, более фундаментальная. Она еще никем не была помыслена. В ней, как в одной точке, сходятся четыре темы: смерти Бога, смерти человека, краха социального и защиты территории человеческого. В этой точке может завершиться история человека и начаться другая история — история постчеловека. Террористы считают, что от них зависит, будет эта возможность реализована или не будет.

Фуко не крестный отец террористов, а философ, который решил узнать, существуют ли пределы возможности мыслить иначе. Жить и мыслить сегодня — это не одно и то же.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Реформы и бурайсы!

Аннотация. Реформы и реформирование исследуются в сакральных и мирских измерениях. В сакральном плане реформы суть орудия inferнального превращения бытия в хаос, а потому они блокируются софийной мудростью. В мирском плане реформы суть орудия непрерывного разрушения социума, обезумливания человека, а потому они должны блокироваться русским неодирижизмом, который является сердцем современного апокалиптического мышления, выдвигающая спасительный принцип: «Кадры решают все!». А Бурайсы не пройдут!

Ключевые слова: реформа, хаос, неодирижизм, кадры.

Abstract. The article investigates reforms and reforming in sacral and secular measurements, in the sacral plan reforms are tools of infernal transformation of life into chaos, therefore, they are blocked by Sophia's wisdom. In the secular plan reforms are tools of continuous destruction of society, a desemantization of the person's mind and consciousness, therefore, they have to be blocked by the Russian neodirigism which is heart of modern apocalyptic thinking putting forward the saving principle «Cadres decide everything!». And transgressors will not pass!

Keywords: reform, chaos, neodirigism, cadres.

Реформы, реформирование с каких-то неопределенных времен стали восприниматься и оцениваться экспертной материей как основное средство изменения материальной и духовной жизни общества, самой природы, бытия и даже самого Господа. В прогрессивных и «продвинутых» странах сама жизнь незаметно подменилась постоянным реформированием. Принцип Декарта («заимствованный» им у бл. Августина): «Я мыслю, следовательно, я существую», стал inferнальным императивом: «Если реформируешь(ся), значит, жить не будешь!».

Но уже семантика слова «реформа» наносит его поклонникам удар не только в спину, но и ниже пояса. Слово «реформа» содержит в себе латинскую приставку «re»; слова с этой приставкой обозначают возврат в прежнее, уже пройденное и преобразованное «формой» со-

стояние. А форма преодолевает именно «хаос»; деспотизм формы сохраняет вещи, вообще всякое организованное, упорядоченное, устроенное бытие. Сам язык говорит нам, что наихудшая форма лучше и выше самого совершенного хаоса! И слово «реформа» в строгом смысле своем означает грубокопательство, переход от порядка, организации к хаосу, дезорганизации¹.

Не случайно в семантическом колхозе «Реформа» совместно пируют бунты, перестройки, катастрофы, аварии, катастрофы, суицид, распад и другие inferнальные сущности. Такое смысловое облако слова «реформа» требует ответа на вопрос о том, кто был первым реформатором мироздания? Какова была первая реформа в мире и мира? Кто вообще изобрел реформы, реформирование и для каких целей они предназначались?

Ответ предшествует вопросу. Первым реформатором мира был лукавый, а первой реформой была перестройка Рая. Лукавый предложил усовершенствовать Рай, расширить его фруктовый ассортимент, добавив в него запрещенные сакральной эпидемслужбой яблоки с ВВЖ (витамин вечной жизни), хотя люди и без этих яблок имели вечную жизнь, не зная, что с ней и в ней делать. В результате этой реформы Рай стал Чистилищем, Адом и недостижимым идеалом всех последующих реформаторов и революционеров. Эта реформа уничтожила нормальное людское бытие, устройство которого превосходило само совершенство, ибо его организация соответствовала сакральной цельсообразности жизни.

Поэтому любая реформа по сути своей скрытой, по целям и плодам неявным есть inferнальный ноумен (тайная пустота). И его главная задача состоит в том, чтобы сокрушить сакральное устройство бытия, заменив его свистом и гвалтом хаоса. Об этом открыто сегодня говорят нетократы — неореформаторы, монтирующие новый мировой порядок посредством глобальных информационных реформ. Но порядок этот может возникнуть лишь из хаоса, который не позволяет выпустить в мир христианство².

¹Какой смысл могли иметь экономические реформы в СССР в 1957 г.? Радикально сломать государство, существование которого оправдало себя победой над фашизмом.

²«Технологии развиваются с захватывающей дух скоростью, но люди существа медлительные. И вновь нам мешают всевозможные религиозные и идеологические табу. И вновь мы на пороге необходимого творческого разрушения системы прежних представлений». Главное — сокрушить посредством реформ Бога и христианство, ибо, «как сказал французский мыслитель эпохи Просве-

Именно превращение Рая в Ад (лучшего в хаос) стало парадигмой, оригиналом всех последующих реформ мироздания и человеческого мира. Именно эта infernalная реформа запустила развитие, питая его энергиями разрушений, исходящих от любых реформ. Но чтобы человек не додумался до контрреформации и не повернул колесо эволюции назад, протестантизм провел радикальную реформацию самого христианства, сделав реформы абсолютным и неизбежным блюдом в меню любой власти и почти всех политиков. А любая реформа — «штука хитрая»: раз начавшись, она закончится лишь тогда, когда окончательно, «до основанья», разрушит реформируемый объект, превратит его в волчий хаос.

Поэтому все проводимые в России реформы никогда не давали благих плодов, а лишь порождали апокалиптические катастрофы. Так, реформа 1861 г. завершилась революциями и Гражданской войной. А под видом реформ страна худо-бедно вершила нужные ей изменения другими средствами, ибо реформы по своей сути плодят лишь хаос, а не обновления.

В мирском варианте реформы, реформирование стали бесконечным источником кризисов, заодно наказывая и сам кризис, не отпуская его на мирную пенсию. А так реформировать можно все! Например, как реформировать женщину и мужчину? Нет ничего проще — провести операции по изменению пола. А как реформировать смерть? Посредством эвтаназии! А зачем это нужно и к чему это приведет? Спрашивать не у кого! Реформизм стал орудием извращения, искажения сакрального и мирского порядка бытия, ставя его перед альтернативами хаоса или уродства. А главное — реформизм стал орудием семантического разрушения сознания и мышления, самих способностей людей воспринимать возвышенное, чистое, святое и героическое! Высшая цель реформизма — сделать сознание людей невосприимчивым к религиозным смыслам и ценностям и беззащитным

щения Дени Дидро, “человек не будет свободен до тех пор, пока последний король не будет повешен на кишках последнего священника”». Великая битва только началась, и похороны гуманизма, как в свое время похороны Бога, способны затянуться надолго, сопровождаясь болезненными конвульсиями... Прорыв информационного общества означает, что идея эпохи Просвещения о совершенном человеке как замене Бога и связанная с ней идея осознания своего “истинного я” уйдут на покой. Взамен появляется идея освобождения тела от predeterminedности — возможность смены идентичностей, похожей на смену одежды в зависимости от ситуации и контекста» [1, 14, 15, 21, 92]. Итак, да здравствуют реформы!

перед inferнальными соблазнами. В этом плане реформы есть изощренная и мощная inferнальная атака преисподней против человека и религий.

Реформы и реформизм немало потрудились, чтобы выработать позитивную привычку их восприятия. Не ладится реформа школьного образования? Виновата не реформа, а то, что мало и слабо реформировали, нужно добавить реформистского пороку, чтобы образование и школы стали очагами продуцирования хаоса, преступности, уродства!

Здравый смысл людей подсказывает, что в реформах таится какая-то премерзостнейшая тварь, но мало кто осмелится стать консерватором и антиреформатором, подписать себе антисоциальный приговор. А реформы постепенно приучают мысль и сознание народа к абсурду, переводят их в катастрофический режим, в постоянное ожидание конца. Сами же реформы из процесса превратились уже в особый властный институт, который производит катастрофы, хаос и уродства; и этот институт незримо правит сегодня всеми наличными институтами власти.

Реформистская вакханалия и паранойя достигли внутреннего предела, требуя реформировать реформирование, готова тем самым своих могильщиков. Реформы сами по себе завершаются суицидной контрреволюцией, уступая место другой реальной силе, которая будет проводить изменения во благо космоса и порядка в человеке и вне человека, во благо труда, неотехнологий и смыслового обогащения жизни.

И такой сакральной, метафизической и практической альтернативой реформ и реформирования является русский неодирижизм, которому и должны подчиняться все реформы, чтобы спасти свое малое благо [2, 15—24]. «Кадры решают все!». Осуществление этого лозунга и принцип сакральных преобразений Господь поручил Софии Премудрости Божией.

Сердцем и двигателем современного апокалиптического мышления служит тезис: данный мир спасут не реформы, не революции, а их преобразования в органы неодирижизма, в котором надежда о будущей жизни Иной останется неуничтожимой и непобедимой даже для inferнальных бурайсов³. А инософия неодирижизма, который контролирует, опекает, регулирует социокультурную жизнь, заменяет реформы необходимыми преобразованиями сообразно правде и мере самой эволюции. В отличие от реформы преобразование частично воз-

³Бурайс — убийца (из наречий древних северных этносов).

вращает изменяемый предмет к хаосу, и в то же время сохраняет ядро изменяемой формы, не позволяя хаосу даже временно стать доминантой изменений.

Неодирижизм есть метод, посредством которого власть управляет социокультурной, хозяйственно-экономической жизнью, властвует и над самой собой. Власть, управляя, часто не ведает, что и ею управляют, причем нередко так управляют, что она в своем властвовании достигает обратного результата, терпит жалкое рабское крушение. Гегель заметил, что во всякой вещи светится ее высшая, благородная сущность. И власть светится сама в себе невидимым светом инософии дирижизма, который делает ее властью, спасает от реформистского суицида.

Но неодирижизм (дирижизм) есть и целостное сознание, действующее в качестве смысловых и практических, сакральных и символических, проективных и технологических, властных и произвольных, телеологических и организующих, метафизических и эсхатологических, инософских и софиасофских императивов человеческого творчества. Власть сознания, ума, души и слова осуществляется посредством их дирижерских воздействий на материю, на хаос, на inferнальные силы мира. Дирижизм — властная технология мысли, воли, сознания, души и слова.

В целом неодирижизм есть феномен творящей смысловой реальности, непрерывно преобразующей хаос и распад в продуктивные формы. Это — своеобразный перводвигатель, который движет других, движется сам, но при этом его смысловая матрица остается неизменной, сохраняя в себе идеи управляемых им предметов. Внешние управленческие структуры, институты, действия лишь выражают смысловую активность неодирижизма, образуя его метасоциальное и ноосферное тело. Неодирижизм содержит в себе множество видов, образующих действующий телеологический ансамбль и скрытую иерархию смыслов.

Есть *социально-управленческий дирижизм*, который решает системные проблемы, подчиняя экономику, образование, науку и другие сферы общества его стратегическим целям. Его главная задача — сохранять в обществе равновесие масс людей, денег и рабочих мест, не допуская их резких диспропорций. Этот тип дирижизма создает целевые и проектные матрицы, посредством которых осуществляется косвенное управление разнотипными и разнокачественными экономическими структурами. Есть *государственный дирижизм*, который решает задачи взаимодействий рынка и плановости, свободы субъектов с общими законами и задачами власти. Этот тип дирижизма, напри-

мер, в КНР, в настоящее время срастается с функциями Генерального штаба армии. Управление экономикой, экспертиза крупных народных проектов, мера, необходимая для их реализации свободы неизбежно переходят в руки главного дирижера общественной безопасности — военной власти, постоянно решающей вопросы жизни и смерти социума.

Есть метафизический дирижизм, который решает задачи поиска методов интегрирования различных видов и типов сознания, видений, образов, озарений, различных смыслов в целостные картины мира. Метафизический дирижизм интегрирует эти многообразные виды сознания в целостных религиозных, мифологических, художественных, научных мировоззрениях, посредством которых упорядочивается, организуется, творится и воспроизводится индивидуальная и общая жизнь людей. Этот благостный и незримый дирижизм сохраняет инициативность, свободу, творчество, вменяемость людей даже среди хаоса и бессознания. Коллективное творчество, коллективные иллюзии и проекты, из которых плетется ткань истории, невозможны без метафизического дирижизма, превращающего сознание в самодействующее смысловое бытие.

Но любой дирижизм есть творящее сознание, которое служит высшей — центральной — *причинностью*, питающей энергиями центра свои следствия. В дирижизме сознание сохраняет свой центр, иницирует во всех многообразных реалиях спонтанное творческое исполнение замыслов центра. В качестве сознания дирижизм есть и причина (субъект), и условие, и объект, и новая реальность. Посредством дирижизма сознание не только отражает, творит, упорядочивает мир, но и непрерывно генерирует смысловую субстанцию, дающую каждой реалии ее цель, ее роль в мистерии бытия. Сознание всегда остается дирижером, которому подчиняются материальные и виртуальные исполнители его императивов. Сознание — разведчик, классификатор, организатор, сетификатор, центрофикатор, наблюдатель, оператор элементов, из которых формируется реальность. Но разум и сознание остаются таинственными смысловыми криптократорами и запускаемыми ими неоудирижистскими инициатив. И сознание, разум несовместимы с реформами, которые рушат их семантическую ноосферу, а потому они реформируют сами реформы, обращая в истину уже контрреформистскими средствами.

У власти всегда проблемы с «умниками», постоянно критикующими ее действия. Дать полную свободу критикам — разрушат государство; осадить критиков — соседи придут на помощь свободе. Как быть? Дж. Свифт предлагает использовать опыт китобоев. В XVIII в.

это был опаснейший промысел, ибо раненный кит разбивал в щепы парусники. Китобои брали пустые бочки, которые в случае опасности бросали в море; и пока кит гонял бочку, его настигал добывающий гарпун. Свифт советует власти бросать «умникам» псевдопроблемы, о которых они будут спорить, ничего не замечая и не понимая; а самим готовить гарпуны. Экономика есть пустая бочка, которую гоняют умные реформисты-эксперты, не видящие гонящегося за ними гарпуна реформистской смерти.

Главное препятствие в устройении и развитии России — это сама экономика, непрерывно порождающая реформы, которые поедают ее хозяйственные структуры, сознание и ум ее народов. Ибо «экономика», «реформы», «суицид» — это слова-синонимы: не надо трех слов — это одно и то же. России нужна христианская контрреформация, преобразующая экономику в средство хозяйства, ибо Россия знает, что гигантское и ничем неостановимое развитие мира, реализует свои сакральные цели лишь через христианизацию мира, лишь через установление истинных тройственных — нераздельных и неслиянных — смысловых связей Бога, мира и человека.

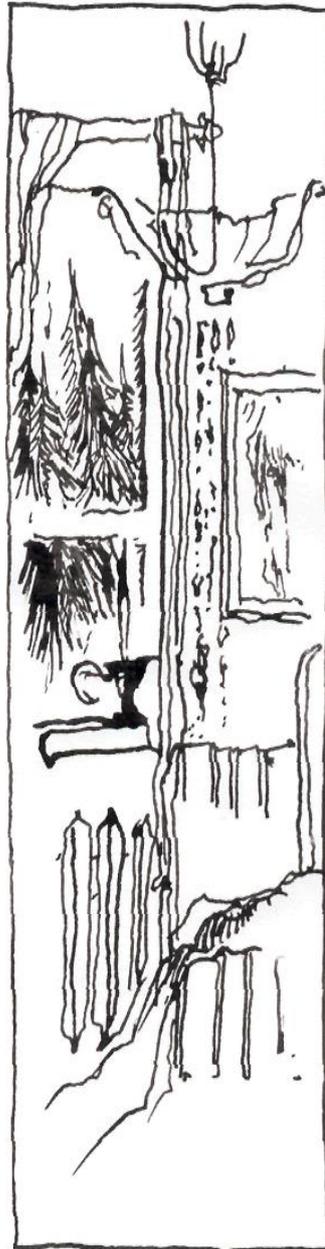
Литература

1. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
2. *Осипов Ю.М.* Веяния времени // *Философия хозяйства.* 2010. № 5.

References

1. *Bard A., Zoderkvist YA.* Netokratiya. SPb., 2004.
2. *Osipov Yu.M.* Veyaniya vremeni // *Filosofiya hozyajstva.* 2010. № 5.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

23—24 марта 2016 г. в г. Москве под эгидой Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова состоялся IV Московский экономический форум «25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше?». 24 марта 2016 г. в рамках Московского экономического форума был проведен круглый стол: «От реформы к реформированию: доколе?». Организатор — Центр общественных наук при МГУ. Модератор — д.э.н., профессор Ю.М. Осипов. Присутствовало 54 человека. С сообщениями выступили доктора наук Ю.М. Осипов, В.М. Кульков, К.В. Молчанов, И.В. Пшеницын, В.Т. Рязанов (СПб.), В.В. Чекмарев (Кострома), Н.Б. Шулевский, кандидаты наук С.С. Нипа, Е.С. Зотова, научный сотрудник Т.С. Сухина, преподаватель И.А. Горюнов, предприниматели Т.В. Воеводина, Г.Г. Травушкин.

* * *

Т.С. СУХИНА

От реформы к реформированию

Аннотация: В статье представлен научный обзор заседания круглого стола «От реформы к реформированию: доколе?», состоявшегося 24 марта 2016 г. в рамках Московского экономического форума — 2016. Показаны функция реформирования как управляемого перехода к глобализированному миру, противоречия и пределы этого процесса.

Ключевые слова: реформы, реформирование, философия хозяйства, модернизация, пореформенная Россия.

Abstract. The article presents a scientific review of a round table «From Reform to Reforming: How Long?» taken place on March 24, 2016 within the Moscow economic forum — 2016. The author shows reforming function as a ruled transition to the globalized world, contradictions and limits of the process.

Keywords: reforms, reforming, philosophy of economy, modernization, postreform Russia.

24 марта 2016 г. в рамках Московского экономического форума — 2016 состоялось заседание круглого стола под руководством

д.э.н., профессора **Ю.М. Осипова** на тему «*От реформы к реформированию: доколе?*». Открывая заседание, Ю.М. Осипов кратко обрисовал современную ситуацию в России: четверть века Россия живет в состоянии реформ; в последние — нулевые — годы произошла стабилизация пореформенной России, появилось ощущение, что Россия начинает выходить на новый экономический подъем; во внешней сфере Россия также поднимается, заявляя о себе как о великой мировой державе. А вот внутренняя ситуация остается пока сложной. И дело тут не в санкциях, под влиянием которых уже что-то сделано позитивное. Если стране нужны преобразования, то лишь те, которые могли бы привести к развитию. А вместо них идут ничем не обоснованные «реформы», означающие беспрецедентную атаку сверху на общество, на самого человека. Идет какое-то бесконечное злокачественное реформирование: то реформируется энергетика, то здравоохранение, то образование, а теперь и наука. Что это такое? Кто это делает? С какой целью? Почему в такой сложной исторической и экономической ситуации, в условиях санкций, идут реформы, направленные против мелкого капитала, ученых, врачей, всей системы образования? Зачем, например, такое странное объединение вузов? А главное, наносится удар по инициативным людям, по отечественным мозгам, которые еще остались. Поэтому я и ставлю вопрос: «Доколе»? Советовать сейчас что-то бесполезно. Нужно менять весь механизм управления. На эту тему мы и поговорим.

По мнению преподавателя Московского финансово-юридического университета **И.А. Горюнова**, перед нами стоят вызовы как внешние, так и внутренние. Чтобы на них адекватно отвечать, нужно знать, кто, зачем и в какой момент проводит реформы. Наша страна попала в тренд, связанный с военно-промышленным комплексом, и в этом русле мы будем развиваться некоторое время. Запад ждет окна возможностей, когда этот тренд можно будет изменить. Один из способов реформирования — разложение духа. Одна из целей современного реформирования — держать людей в определенном состоянии. К сожалению, те, кто проводят реформы, судя по всему, не очень в этом компетентны.

Профессор экономического факультета МГУ, д.э.н. **В.М. Кульков** обратил внимание на то, что само по себе слово «реформирование» безобидное, означает лишь изменения, которые происходят или должны происходить. Но реформа реформе рознь, одно дело национально ориентированные реформы и другое — антинациональные, которые проводились в России в 1990-е гг. и в значительной степени сейчас. И здесь очень важна смычка реформирования, трансформации, модернизации и национальной модели экономики, важна

их синхронизация. Реформирование должно сопровождаться модернизацией, качественным изменением производительных сил, созданием адекватной суверенной материально-технической базы и формированием национальной экономики страны. В этом залог успеха.

В России эти процессы были разлучены во времени: реформы начались в 1991-м г., курс на модернизацию провозглашен в 2008 г., а национальная ориентация модели — только в 2013 г. Если бы эти процессы совпадали во времени, мог бы быть позитивный результат и можно было бы говорить о завершении переходного периода. Причина несоответствий, которая обуславливает нынешние реформы, состоит в разрыве этих процессов.

Что касается контрреформации. В России сложился неперспективный ущербный тип экономики, и в этом смысле нужна контрреформация, но не стоит этим увлекаться. Россия сейчас скорее нуждается в альтерреформации, альтермодернизации в позитивном смысле.

Сейчас больше говорят об антикризисных мерах, но их явно недостаточно. Скорее мы видим, что взят курс на то, чтобы переждать, пересидеть. Настоящих антикризисных мер не хватает, но если бы они и были приняты, ими нельзя было бы ограничиться. Нужны реформы структурного характера и даже больше: нужен переход к новой экономической системе, которая воплощает в себе новый тип экономической координации, новый тип социально-экономического присвоения, новый тип воспроизводства, новый тип социальной структуры общества. И если мы будем осуществлять такой новый переход, то в этой конструкции большого дела исчезнут и мелкие безрезультатные псевдореформы.

Профессор Санкт-Петербургского университета, д.э.н. **В.Т. Рязанов** построил свое выступление в виде тезисов:

1. «Мне надоели реформы» — настроение, которое начинает преобладать в обществе. Если раньше были какие-то положительные ожидания, то сейчас мы ждем только отрицательных результатов. Возрастает поляризация в отношении к происходящему.

2. То, что сейчас происходит, — это вообще реформирование? Реформы всегда начинаются сверху. Поэтому вопрос: кто конкретно будет реформировать, если говорить о наших ожиданиях?

3. Время реформ, к сожалению, фактически прошло. Объективных оснований для запуска процессов улучшения жизни нет, обновления отсутствуют.

4. Какой выход? Выход не в реформировании, а в существенном развороте. Развороте власти, общества.

Хотелось бы проиллюстрировать тупиковость политической ситуации в стране. Политическая элита крайне некомпетентна с точки

зрения задач, которые ставятся. Один из моторов, которые могут сдвинуть с места ситуацию, — экономические интересы. Но более двух третей капитала находится в офшорах, и их владельцев изменения ситуации не волнует. Ситуация сложная, нужно бороться за возможные варианты.

В заключение В.Т. Рязанов пришел к выводу, что самый позитивный момент — то, что так же плохо во всем мире. С 2009 г. по 2015 г. для того, чтобы ВВП США увеличился на 1 дол., необходимо занять 5 дол. Происходит восьмикратная перекредитация экономики в США и в других ведущих европейских странах. И рост, который происходит в США, это не рост, а угасание, которое покрывается возможностью печатать доллары, которая пока компенсирует ситуацию. Похоже, что миру тоже не выбраться, и там система тоже не реформируемая. Надежду дает иллюзия, что один маленький шаг может изменить историю.

Профессор философского факультета МГУ, д.ф.н. **Н.Б. Шулевский** рассмотрел проблему с другой стороны. И этимология слова, и практика применения, и происхождение слова помогают нам раскрыть смысл реформ. Что такое правильная, нормальная хорошая реформа? Что означает само слово? Слово «реформа» несет в себе хаос, оно уже превратилось в синоним катастрофы. Чтобы понять причину, нужно искать автора реформы. Первую реформу провел дьявол по реформации Рая, в результате Рай превратился в чистилище и ад. И это стало образцом для всех последующих реформ. Реформы стали орудием бесконечного разрушения. Реформа подменила развитие, она стала длиться постоянно. Это определяется автором. Реформа может прекратиться только после того, как реформируемый объект превратится в хаос.

Мы должны опираться не на реформирование, а на дирижизм, неодирижизм, и заниматься решением общественных проблем.

Профессор Костромского государственного университета, д.э.н. **В.В. Чекмарев** обратил внимание на то, что реформирование, модернизация, инновации — это не совсем экономические понятия. Есть более «накрывающие» понятия — динамика, формы динамики, и кризис — это одна из форм динамики. И без динамики, без наличия противоречий жизнь останавливается — вопрос о степени противоречивости тех или иных решений. Человек отличается способностью целенаправленного действия. Для того, чтобы что-то реформировать, нужно сначала представить какую-то идеальную модель.

У нас произошел революционный переворот, смена политической власти, но не произошло смены экономического содержания. При федеративном устройстве есть федеративные экономические субъек-

ты, находящиеся в совершенно неравноправном между собой соотношении. В советский период пытались добиться экономической устойчивости. Изменяя политическое устройство государства, забыли, что у него есть экономический базис, усилили процессы центробежного характера, усилили степень противоречивости в обществе. Произошло расслоение и относительное обнищание. Многопартийность — это механизм, который дает возможность горстке людей управлять всем. Это иллюзия. Государственный интерес должен быть преобладающим.

Философия хозяйства закрыла ту дыру, которая образовалась после отказа от политической экономии социализма. Политэкономия отвечала на вопрос, в чьих интересах что-то происходит, поэтому ее прикрыли. Доколе? Пока философия хозяйства не станет партией.

По мнению предпринимателя **Т.В. Воеводиной**, знакомой с проблематикой сельского хозяйства страны, мы не достигнем ничего положительного, пока у нас будет колоссальная продовольственная зависимость. Нужно понимать, что если правильно назвать вещь, то она наполовину познана. Импортзамещение, продовольственная безопасность и обеспечение людей продуктами — три совершенно разные вещи.

Импортзамещение — абсолютно бессмысленная цель, потому что ведет не к замещению импортных продуктов нашими, а к замещению теми же импортными продуктами, поставленными другими путями. Оно не способствует продовольственной безопасности. Продовольственная безопасность — это когда при закрытых границах страна обеспечена продовольствием. Обеспечение населения продуктами как будто есть. Но это не совсем так. Например, обеспечивая себя курятиной, мы покупаем инкубационные яйца за границей, так же как и средства для защиты растений. Это легко перерезать.

Поэтому нужна четкая, ясная долговременная государственная экономическая сельскохозяйственная политика как система долговременных мер, обеспечивающих развитие, и как высшая ее форма — государственный план.

В прениях выступили предприниматель Г.Г. Травушкин и д.э.н. И.В. Пшеницын, обратившие внимание на богатство слов и недопонимание смыслов. По мнению **И.В. Пшеницына**, мы до сих пор не понимаем разницу между экономикой и хозяйством. Потому что в образовании на это не обращают внимания. Россия — страна народнохозяйственная по природе: возникла на базе единения народных хозяйств снизу, а Америка — экономическая по природе: возникла на освобожденных от индейцев территориях. Сейчас мы проводим экономические реформы, основанные на отделении народа от земли, разрушении хо-

зяйства, и в результате ослабления народно-хозяйственных связей страна разрушается.

В чем сложность ситуации? Люди, проводящие реформы и имеющие прозападное образование, не различают понятия «хозяйство» и «экономика». Они стремятся к повышению производительности труда, и результат непредсказуем.

Подводя итоги круглого стола, **Ю.М. Осипов** заметил, что решение сегодняшних проблем возможно не на научных форумах. Реформирование давно превратилось в бизнес, им занимаются бизнесмены, живя за границей. Для современного менеджера не существует объекта, который нужно было бы сохранить и усовершенствовать. Для него важна только эксплуатация объекта. Новый человек захватывает для себя все жизненное пространство.

Нам нужен великий перелом. Мы подошли фактически к 1929-му году. Но историческая ситуация сегодня другая, поэтому сейчас все будет иначе. Выйти из дурного реформирования даже дирижизм не поможет. Мир дошел до точки. Впереди лишь большая коллизия. И надо быть к ней готовыми. Надо смотреть на реальность, какова она есть.

* * *

28 марта 2016 г. в г. Иваново состоялась научно-практическая конференция *«Новая Россия: современная идеология патриотизма, нового образования, новой организации общества»*, организованная ивановской региональной организацией общества «Знание», местным Институтом управления и Центром общественных наук из Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

В конференции принял участие руководитель ЦОН профессор Ю.М. Осипов. Ниже публикуется изложение его доклада.

Ю.М. ОСИПОВ

Россия как Россия

Аннотация. Россия не просто особенна, она не от мира сего, она сама по себе сущность, причина и проект.

Ключевые слова: Россия, обществоведение, социальная философия, философия хозяйства, россиеведение, история.

Abstract. The article presents authors' point of view concerning Russia that is not just special but other-wordly and an essence, the reason and the project.

Keywords: Russia, social science, social philosophy, philosophy of economy, history.

Сначала некоторые соображения относительно провозглашенной президентом В.В. Путиным идеи России как идеи патриотической, о чем как раз идет речь на конференции.

Сам по себе патриотизм вряд ли может быть собственно идеей России, ибо патриотизм свойствен не одной только России, а и любым народам, странам и государствам.

Вполне приемлемо полагать, что В.В. Путин имел ввиду важность идеи патриотизма для сегодняшней России, как это было важно, к примеру, перед и в ходе Великой Отечественной войны.

Россия сегодня ведь тоже в войне, пусть и совершенно другой, гибридной, калейдоскопической, но все-таки в войне. Сегодня необходимо патриотическое единение россиян, мобилизация национальных сил, причем вовсе не только военных, но и гражданских, включая и интеллектуальные.

Вот почему, на мой взгляд, В.В. Путин высказался так о патриотизме, обращаясь ко всему российскому населению, обязанному сегодня почувствовать себя единым многонациональным народом.

Идея России — в самой России! Никакой иной идеи, адекватной самой себе, Россия не имеет и иметь не может: ни европейской идеи, ни евразийской, ни азиатской.

Россия равна самой себе, самой себе она и верна!

Россия как Россия — это... Россия!

Тавтология, нам скажут, но что из сущего в этом мире не тавтология?

Все сущее так или иначе сама-себе-сущность, все существенное — само-себе-причина, а все существующее — само-себе-проект.

Россия — тем более!

Почему? Все дело в том, что Россия не вписывается целиком и полностью в существующее вокруг на Земле, она не этого мира, она не от мира сего, она — иномирна!

Ф. Тютчев это уразумел и написал удивительные слова о том, что умом Россию не понять, аршином общим не измерить, что у страны особенная стать и что в Россию можно только верить. И это не случившийся вдруг эмоциональный поэтический всплеск, а это самое что ни на есть пророческое раскрытие сути России, ее генетического кода,

ее метафизической матрицы, от чего она хоть и пытается иной раз уйти, или ее старательно уводят, но никак уйти не может, да по сути совсем и не хочет.

Не надо формулировать сути России, не надо искать ее идеи, не надо выдумывать для России никаких проектов: Россия существует не для себя и не для этого мира, она бытует ради иного мира, которого нет и которого, надо думать, никогда на Земле и не будет.

Россия — сама-себе-Россия!

Отсюда и «чернодырье» России, и ее «темномирье», и «инферналье», но при этом и непостижимая высота, недостижимость, святость.

Россия — никак не реализуемое ничто, переходящее от нечего к нечему и не находящее ни лица, ни формы, ни системности.

Россия — мир, причем мир вольный, неформализованный, бессистемный; все попытки пленить Россию, формализовать, осистемить терпят неминуемый крах.

Что сегодня? Россия, не пережив еще последствий очередного пореформенного кризиса, — перекошенная, уродливая, безобразная, едва подымающаяся с колен, почти что уже полностью полоненная глобализмом, — вдруг заявляет о себе как нежелающая глобалистского ига, как самостоятельный исторический субъект, как ведущий мировой центр, если вообще не метафизический, при этом и геостратегический... центр мира!

Разве не так?

А все потому, что Россия не от мира сего, что она сама-себе-Россия, что она не прочитывается сим миром, что она не следует ему, что она выпадает из него, а главное — никого в этом мире не боится!

Крым — обнажение чудодейственного меча-кладенца, Сирия — разящий взмах этого меча, а далее... всего лишь меч под рукой России да сама Россия у россиян в головах!

Не надо шутить с Россией ни тем — из-за кордона, еще и из-за океана, не этим — «нутряным», доморощенным, «своим несвоим»!

У России не один меч в руках, еще и сдержанное, обдуманное, самобытное слово, не признаваемое, как водится, ни теми, ни этими, но оно есть: от древних былин и сказок, ходячих пословиц и поговорок до русской софийной философии, русской философии хозяйства и современной русской софиасофии.

Русская мысль уже за пределами уже набивших оскомину «истинных» просветительских учений, она не претендует на конечную истину, которой в этом мире нет и быть не может, но зато она на новом размыслительном просторе, как раз метадогматическом, что и дает

ей шанс выказать не новую догматическую истину, а всего лишь новое слово — открытое, лучистое, заветное!

Софийное слово!

Да будет!

* * *

5 апреля 2016 г. в Варшавском университете состоялся международный научный симпозиум «Большая Европа сегодня: общее, различное, взаимное», в котором приняли участие доктор наук Ю.М. Осипов, А.З. Новак (Варшава, Польша), К. Рычь (Варшава, Польша), А.А. Гриценко (Киев, Украина), Г.А. Ахинов, А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону), Я. Пасечны (Варшава, Польша), Л.С. Воробьева (Ирпень, Украина), Б.В. Куров (Рига, Латвия), кандидаты наук В.В. Кашицын (Новороссийск), Л. Юрчишин (Варшава, Польша), А. Постула (Варшава, Польша), Е.С. Зотова, А. Доброчиньска (Варшава, Польша), научный сотрудник Т.С. Сухина, А. Булжанова (Астана, Казахстан), преподаватель Д. Столярек (Варшава, Польша).

* * *

Е.С. ЗОТОВА, Т.С. СУХИНА

Большая Европа сегодня: дискуссия в Варшавском университете

Аннотация. В статье дается обзор дискуссии, состоявшейся на международном симпозиуме «Большая Европа сегодня: общее, различное, взаимное», состоявшейся в Варшавском университете 5 апреля 2016 г.

Ключевые слова: Большая Европа, Запад, Европейский союз, Евразийский союз, Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, Россия, Польша, Украина.

Abstract. The article presents a review of the discussion which took place on the international symposium «Big Europe Today: General, Various, Mutual» at the Warsaw university on April 5, 2016.

Keywords: Big Europe, the West, the European Union, the Eurasian union, Transatlantic trade and investment partnership, Russia, Poland, Ukraine.

Организаторы международного научного симпозиума «Большая Европа сегодня: общее, различное, особенное» — Варшавский университет и Центр общественных наук Московского университета имени М.В. Ломоносова — сформулировали проблемы для обсуждения следующим образом: «Большая Европа — Европа от Атлантики до Урала (тезисы де Голля). Пока более пространственная, чем функциональная. Запад, Центр и Восток Европы. Насущная потребность во взаимопонимании, согласии и взаимодействии. Наличие противоречий. ЕС, Россия и Польша: не братья, но и не враги! Эффективное взаимоповедение: ни дружбы, но взаимоприемлемые отношения; не союзы, но компромиссы; не “острые углы”, а “круглый европейский стол”. Не геоконъюнктурная “дыра”, а геостратегическая полнота».

Открывая симпозиум, проректор Варшавского университета, профессор **А.З. Новак** обратил внимание на широкий спектр стран, из которых приехали участники: Польша, Россия, Украина, Латвия, Казахстан и др. Напомнив о зачинателях польско-российского научно-университетского сотрудничества профессорах М. Липец-Зайковской, М. Доброчиньской, М. Костшевском, профессор Новак отметил, что в нынешнем формате симпозиум проводится уже в седьмой раз и наши отношения, несмотря на сложную геополитическую обстановку, только укрепляются.

Начиная заседание, профессор экономического факультета МГУ **Ю.М. Осипов** сказал следующее. Думая о теме нашего симпозиума, я весьма заострил проблему, предложив поговорить о Большой Европе — общей, различной, взаимной. И свой доклад назвал довольно жестко: «Запад и Европа: последняя конфронтация». Нельзя не говорить о том, что происходит в мире, в Европе, что происходит с нашими странами, поскольку пока ситуация сама по себе не выравнивается, она, наоборот, обостряется, и мы должны все это осмыслить. Коль скоро мы экономисты, обществоведы, философы, и Господь призвал нас размышлять над миром, обществом, отношениями между народами, мы должны осознавать, что происходит вокруг нас. Мир, конечно, меняется — он менялся всегда, меняется и сейчас. Сейчас меняется особенно интенсивно, вследствие того, что время моноцентризма или заканчивается, или уже закончилось.

Возникает новый мир с новыми соотношениями сил, с новыми центрами управления. Этот мир весьма сейчас трясет, ему приходится не без проблем и потрясений приспосабливаться к новой ситуации. Меняется и Европа, активно меняются наши страны, меняется их отношение друг к другу. Имеет место большой общемировой мутационный процесс. И когда мы рассуждаем о положении Европы или тех же

наших стран, мы должны иметь в виду весь этот общемировой процесс, который далеко не во всем зависит от Европы и наших стран. Идет большая геостратегическая игра, как принято сейчас говорить, и соотношение сил меняется очень серьезно.

Раньше подобные процессы регулировались посредством войн — победитель навязывал свои условия побежденным, и это снимало, хотя и на время, накопившиеся проблемы. Понятно, что сейчас войну просто так не запустить, хотя подспудная война все-таки идет. Я исхожу из того, что планетарный мир сейчас более в войне, чем в мире.

Что происходит здесь, в Европе, в наших странах?

Когда-то, еще в годы моей юности, заметил Ю.М. Осипов, генерал де Голль объявил: «Европа от Атлантики до Урала». Но Европа неоднородна: в Европе много «европ». Наиболее яркое различие — это Западная и Восточная Европа, здесь очень серьезные цивилизационные и историко-генетические различия, тут разные коды бытия. Есть также Северная Европа и Южная, есть Центральная. И все они неодинаковы. В начале 1960-х гг. вышла книга Барбары Такман «Первый блицкриг. Август 1914» — блестящее исследование начала Первой мировой войны. Книга показала, как втягиваются в войну государства, элиты, народы, и насколько это втягивание невозможно предотвратить, если не отойти от него вовремя. Война хоть и была тогда неизбежна, но все равно всем нам очень важно осознавать этот роковой момент вхождения в войну. Эту книгу читал президент Джон Кеннеди, и он имел ее в виду, когда решал вопрос с Карибским кризисом. Книга Такман на него серьезно повлияла.

Сейчас, может быть, момент и не такой уж критический, но он все-таки достаточно уже критический, что нельзя обойтись и без таких выражений, как возможная большая война.

Что мы можем сейчас констатировать?

Европа вновь разделилась. По крайней мере на Западную и Восточную. Тут не просто разлом, а уже имеет место и настоящая конфронтация. Да, армии еще друг на друга не идут, но конфронтация налицо: ведь санкции, по каким бы причинам они не объявлялись, это уже война. Или установка ПРО — это подготовка к войне. Достаточно уже много признаков, о которых нельзя не говорить.

Да, СССР распался (о причинах сейчас говорить не будем), а его наследники, в частности РФ, пошли на уступки перед Западом, перед США, Западной Европой, которая стала из экономического союза Европейским союзом. И вот для Запада наступил момент большого соблазна — нового движения на Восток. Показалось, что та же Россия сама открыла себя, что она позволяет свободно входить в себя, как и в другие части, оставшиеся от СССР. Произошло то же, что и с Напо-

леоном, который в один прекрасный момент тоже ведь вошел в Москву. В 1990-е гг. пошло, пусть и не военное, но наступление на Восток. Можно это оправдать чем угодно, но главное — пошло движение на Восток, этакий новый «Дранг нах остен». Естественно, что Восточная Европа и Россия как главный ее субъект, не могли оставаться в положении постепенно оккупируемых. И Россия сказала: «Хватит!». Сначала это было заявлено устно — в мюнхенской речи Президента РФ: «Давайте дружить, но без диктата из-за океана!». Однако нашим «партнерам» казалось тогда, что Россия настолько зависима, что можно пренебречь этими предупреждениями. Но пришло время России заявить о себе как о стране, которая не собирается сдаваться и позволять наступать на себя. Россия стала обороняться, и тут возникла конфронтация, вплоть до некоторых вооруженных проявлений.

Я думаю, продолжил Ю.М. Осипов, что со стороны Европы, со стороны НАТО, которое не распустилось, как было обещано Горбачеву, а, наоборот, стало расширяться, следовало ожидать, что этот процесс когда-то должен был вызвать сопротивление. Всем следует запомнить: никогда Крым натовским не будет!

Я назвал нынешнее состояние последней конфронтацией, во-первых, с исторической точки зрения, но и с надеждой, что она последняя, что мы сможем как-то разобраться с Большой Европой, сможем договориться.

На мой взгляд, сказал профессор Осипов, единой Европы быть не может, не может быть нашего общего союза (заметьте, ЕС пошел по пути СССР, объединившись в союз!). Но, думаю, могут быть какие-то разные «европы» и мирное, продуктивное их взаимодействие. Поэтому я выдвигаю сейчас идею некоего европейского компромисса, некой «Большой компромиссной Европы».

Надо понять, что Европа, во-первых, неодинакова, Западная Европа не сможет переделать под себя Восточную, как и наоборот, — обязательно будет сопротивление. Лучше признать друг друга и не надеяться, на то, что какая-то из «европ» — либо Западная, либо Восточная — вдруг развалится и исчезнет. Существовать будут обе — мирно и продуктивно, — и им надо взаимодействовать.

У России в общем-то нет претензий к Западной Европе, кроме того, что она стала расширяться на Восток (о чем я уже сказал). И мы заинтересованы в сотрудничестве по всем направлениям.

Насколько нужна Россия Европе? Это скоро станет совсем понятно. Европе трудно выбирать из некоторых «западных» — она уже находится в положении, когда нуждается в поддержке России (например, в ситуации на Ближнем Востоке).

Кстати, Ближний Восток — это очень серьезно! Здесь вовсе не одни террористы. Это серьезный очаг дестабилизации мира. Это рванш исламского мира, этой молодой по нынешнему положению цивилизации. Исламский мир взял на себя роль судьи и даже палача Запада (лозунг Хомейни «Наш главный враг — Запад!»). Она — мусульманская цивилизация (или ее остатки) — пытается собраться вновь, она обижена за колониальную систему, за свое долгое зависимое существование. Она борется за свою правду! Это очень, повторяю, серьезно! И, конечно, в этих условиях, нам всем надо находиться в конструктивных отношениях, а не конфронтировать. Никакого иного проекта «Большой Европы», кроме признания друг друга и бытия в пределах этой признанной совместности, я не вижу, подытожил Ю.М. Осипов.

В своем выступлении профессор **К. Рыць** (Варшавский университет) обратил внимание на то, что в современной экономической ситуации классическая макроэкономика не работает, нужно искать новые теории для достижения равномерного роста без безработицы, неуверенности в занятости, без огромного бюджетного дефицита и государственного долга, с одной стороны, и без неконтролируемого выпуска бумажных денег — с другой. Сейчас мировая экономика постепенно выходит из последнего кризиса на сильном монетарном допинге, но неизвестно, как это скажется впоследствии на экономике.

По мнению польских ученых, пора вернуться к макроэкономическому регулированию путем отраслевой политики в экономике. Нужно найти точки роста такого производства, которое потянет за собой развитие всего региона. В Еврозоне в перспективе 2016—2020 гг. принята концепция так называемой интеллигентной специализации, которая служит базой для определения национальных приоритетов и построения региональных инновационных стратегий. Эта концепция ориентирована на выявление в регионах инновационно ориентированных отраслей, которые позволят в будущем создать не только региональные, но и международные центры развития.

Также необходимо обратить внимание на формирование высокого уровня человеческого капитала за счет развития сектора услуг, который в перспективе может дать увеличение количества рабочих мест и повышение благосостояния, определяемого охраной здоровья, уровнем социальных гарантий, уровнем образования, культуры и т. д. Этого можно достичь за счет изменения налоговой политики, подчеркнул профессор Рыць.

В своем докладе «Реконструкция Европы в контексте поиска путей разрешения современных противоречий» член-корреспондент НАН Украины (Институт экономики и прогнозирования НАН Украи-

на) **А.А. Гриценко** показал, что В Европе накопилось столько противоречий, что продолжение совершенствования ее существующей архитектуры не сможет их разрешить. Необходима реконструкция Европы как единство ее коренной перестройки и восстановления собственной идентичности, самости, понимаемой в логике исторического развития.

В современной Европе есть то, что исторически возникло, стало ее завоеванием и будет развиваться; есть то, что было историческим достоинством, но в новых условиях превращается в тормоз развития или даже угрозу существованию; и есть то, что только рождается и еще не принимается обществом, но в перспективе станет господствующим. Идентичным для Европы является не то, что она уже утвердила (там могут быть и консервативные, мешающие развитию ценности), а то, что соответствует исторической логике ее развития. Социальное государство, гуманистические ценности, права человека, политкорректность — все это и многое другое должно быть рассмотрено не в качестве абстрактных ценностей, а в логике исторического развития. Такой подход предполагает рассмотрение Европы в контексте глобального развития мира.

Современный мир соткан из противоречий: экономических, социальных, политических, идеологических, экологических, психологических, межличностных, групповых, цивилизационных и множества других. Обобщенной формой их реализации является противоречие между *глобализацией*, развивающейся через информационно-технологические и финансово-экономические механизмы, и пространственно-территориальными формами *локализации* материальных и трудовых ресурсов, неспособных перемещаться в пространстве со скоростью финансовых потоков и электронных платежей. По существу это есть основное противоречие современной эпохи, проявляющееся во множестве разнообразных форм бытия человека и общества.

Интеграция как одна из форм разрешения противоречия между глобализацией и локализацией производства призвана связать пространственно-локализованные структуры с глобализированными финансовыми потоками и движением информации. Она должна учитывать уровни развития, мобильность, эластичность, скорость движения ресурсов, информации и денег, находить адекватные механизмы согласования параметров функционирования системы. Строительство Европейского союза недостаточно учитывало диалектику этого процесса. Последняя волна расширения ЕС в определенной степени проигнорировала слишком большие разрывы в уровнях развития стран и Маастрихтские критерии, что неизбежно привело к накоплению противоречий.

Выход из этой ситуации лежит на пути учета закономерностей динамического структурирования системы, выделения экономических,

социальных, культурных и иных агрегатов, отличающихся по степени соответствия внутреннему для этой сферы критерию, дифференциации механизмов взаимодействия элементов агрегатной структуры с учетом ее иерархически-сетевых характеристик, сопряжение разнородных (например, экономических, культурных) агрегатов и нахождение способов их совместно-разделенного существования на основе полисистемных подходов. Именно такая методология обеспечивает адекватный подход к решению многообразных проблем реконструкции Европы на пути ее расширения в Большую разделенно-совместную Европу и дает возможность находить дифференцированные решения, пригодные для конкретной ситуации, заключил профессор А.А. Гриценко.

В своем докладе «Европейский союз и Евразийский союз: особенности развития, взаимодействие, перспективы» профессор **А.Ю. Архипов** (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону), отметил, что кризисные явления в Европейском союзе, нарастание негативных процессов во взаимодействии Европейского (ЕС) и Евразийского экономического (ЕАЭС) союзов являются следствиями изменений в мировой экономике, переходом от либеральной глобализации к многополярному миру, усилением лидирующих развивающихся экономик. Попытками противостоять этим изменениям стали инспирированные «арабская весна», миграционные процессы в Европе, события на Украине, создание новых Трансатлантического и Транстихоокеанского интеграционных объединений.

Взаимодействие ЕС и стран ЕАЭС, активно развивавшееся в последние годы, способствовало тому, что товарооборот между ними устойчиво повышался. Значительной (более 35%) является доля стран ЕАЭС в поставках топливно-энергетического сырья в ЕС, ряд европейских стран полностью или в значительной мере продолжают зависеть от поставок газа из стран ЕАЭС. Введение санкций в отношении России в связи с событиями на Украине, контрсанкции привели к сокращению товарооборота в течение года практически на четверть.

Восстановлению, развитию отношений ЕС и ЕАЭС будут способствовать развитие самого ЕАЭС, решение сложных проблем, стоящих перед союзом и входящими в него странами — прежде всего преодоление сырьевой направленности экономик стран ЕАЭС, опережающее развитие обрабатывающей промышленности, машиностроения, производства товаров с высокой добавленной стоимостью, в том числе за счет реализации эффективной политики импортозамещения; развитие экономики знаний через стимулирование научной, инновационной деятельности, трансферт технологий, расширение поддержки предпринимательства, прежде всего малого и инновационного; система мер, направленная на расширение взаимного товарооборота стран —

членов ЕАЭС, укрепление финансовой составляющей, обеспечивающей развитие интеграционных процессов на евразийском пространстве, создание Международного финансового центра в Москве; взаимодействие в решении социальных вопросов.

Необходимы непосредственные действия, направленные на восстановление, развитие взаимодействия Европейского и Евразийского союзов, включающие отмену санкций и контрсанкций; восстановление объемов, расширение взаимной торговли товарами, услугами, инвестиций; обеспечение дальнейших поставок газа из России, стран ЕАЭС в страны ЕС, их стабильности; развитие взаимодействия во всех сферах: спорте, туризме, культуре, заключил А.Ю. Архипов.

В докладе профессора экономического факультета МГУ **Г.А. Ахинова** «Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство — вызов нового времени (в контексте отношений РФ и ЕС)» были представлены результаты проведенного им в соавторстве с д.э.н. **К.А. Зимариным** исследования о подготовке Соглашения о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве (ТТИП). Было отмечено, что данное Соглашение отражает современную глобальную тенденцию активизации стремления к заключению региональных торговых соглашений, которая обусловлена произошедшими изменениями в общей парадигме общественного развития. В основе этих изменений лежат такие понятия, как индивидуализация сознания и формирование социального капитала. В экономике это уже привело к отказу от идеи «фордизма» — массового производства продукции стандартного качества. Выступающим были рассмотрены цели, задачи и предмет Соглашения, а также даны оценки того влияния, которое оно может оказать на развитие торгово-экономических отношений между ЕС и США в условиях реализации концепции устойчивого развития. Учитывая, что в настоящее время тарифные барьеры составляют уже менее 3%, достижение успеха в рамках Соглашения предполагает устранение нетарифных барьеров. В частности, профессор Г.А. Ахинов привел экспертные оценки, которые показывают, что около 80% потенциала роста торговли после принятия ТТИП относится к эффектам устранения административных и технических барьеров, что позволит снизить конечную стоимость товаров и услуг.

В докладе было отмечено, что инвестиции являются ключевым фактором в формировании глобальных цепочек создания стоимости. Поэтому в рамках ТТИП предусмотрена защита инвестиций и инвесторов в их спорах с государством. Поскольку ключевая задача переговоров между ЕС и США в рамках ТТИП состоит в том, чтобы сделать регламенты и правила обеих сторон совместимыми, особое вни-

мание было уделено дальнейшему развитию регуляторного сотрудничества.

Несомненно, ТТИП изменит архитектуру и принципы функционирования глобальной экономики. Существенное увеличение торговых потоков между ЕС и США может привести к сокращению объемов торговли с другими партнерами и частичному вытеснению их с рынков ЕС и США, что ограничит приток в страны ТТИП товаров, услуг и капиталов из остальных государств мира. В заключение профессор Г.А. Ахинов дал некоторые оценки того, как подписание данного Соглашения может отразиться на развитии торгово-экономических отношений между ЕС и Россией.

Профессор факультета управления Варшавского университета **Я. Пасечны** в своем выступлении на тему «Польская экономика после кризиса — опыт и перспективы» обрисовал картину, сложившуюся в Польше после кризиса 2008—2009 гг., подробно остановился на преимуществах и проблемах, возникших в стране после присоединения к Европейскому союзу.

После вступления в 2003 г. в Европейский союз Польша получила первые большие бюджетные деньги, что дало сильный толчок росту польской экономики: обеспечило хороший рост ВВП до кризиса 2008 г.; рост польского экспорта; снижение безработицы с 20% в 2003 г. до 9,5% в 2009 г. Но при этом возникли и проблемы, самая большая из них — эмиграция, не меньше 1,5 млн людей уехало за границу; увеличился дисбаланс между регионами, характерный не только для Польши; углубилось социальное неравенство (бедные в Польше по-прежнему бедные); растет бюрократизация страны.

В 2008 — 2009 гг. возник кризис, повлекший снижение международного спроса. Польская экономика стала очень зависимой, что ведет к утрате доверия к банковской системе, девальвации курса польского злотого. В результате — значительное сокращение темпов роста ВВП, неуклонный рост экспорта; рост безработицы в начале кризиса со снижением в последующем ниже среднего уровня в ЕС; дефляция в течение двух последних лет, с которой неизвестно, что делать.

Таким образом, профессор Пасечны пришел к выводу, что польская экономика прошла кризис довольно успешно благодаря специфической конкурентоспособности, сформировавшейся из-за низкой стоимости труда и сильной девальвации польской валюты; опытности польских менеджеров, которые помнят еще кризис 1990-х; структуре польской экономики (страны, которые производят услуги, проходят кризис легче); вовлеченности иностранных компаний; государственным инвестициям из средств Евросоюза.

В это время в Польше удалось построить инфраструктуру, которой не было; достигнуть некоторой энергетической независимости; компенсировать разрыв, вызванный эмиграцией — около 700 000 украинцев получили разрешение на работу в Польше, а это идеальные мигранты.

Но не все удалось, заметил Я. Пасечны, остаются серьезные проблемы и угрозы, заключающиеся в нехватке бренда; очень низком уровне инноваций (польские компании — имитаторы, с этим можно жить, но это не самая лучшая позиция); зависимости экономики от средств ЕС — при том, что Польша достигла того уровня, выше которого эти средства уменьшаются; снижении средств на текущих счетах государства (отток капитала); росте бюрократизации; устаревшей неэкологичной энергетике, основанной на угле; низком качестве рабочих мест (работа по временным договорам, без страховки, с низкой зарплатой); высоких политических рисках — правительство кажется непредсказуемым и неответственным, слишком увлекается популизмом; возникновении раскола общества: политические конфликты рождают проблемы в отношениях между различными группами общества.

В заключение профессор Пасечны сделал вывод, что экономический кризис в Польше преодолен, а политический нет.

В докладе профессора **В.В. Кашицына** (Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск) «Трансформация современного мирового хозяйства в координатах Евросоюза и России» было отмечено, что основным трендом современного мирового хозяйства является трансформация однополярной его модели в многополярную. Разумеется, данный процесс реализуется противоречиво, но системно, в острейшей конкурентной борьбе, но неумолимо. Объективную основу данного процесса составляет непрерывный сдвиг центра тяжести мирового воспроизводственного контура в направлении от традиционно развитых стран в сторону растущих рынков развивающихся стран. А с политэкономической точки зрения данная трансформация сопровождается противоречивой, но линейной генерацией новой архитектуры макро- и мирохозяйственных отношений по всему спектру последних, но прежде всего в части формирования «новых» мирохозяйственных макрогруппировок. К числу последних, очевидно, относятся БРИКС, Тихоокеанская зона свободной торговли, формирующаяся атлантическая зона свободной торговли, Евроазиатская зона свободной торговли и т. д.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, подчеркнул профессор Кашицын, что этот процесс происходит в преддверии и вкупе с борьбой за лидерство при переходе к новому, шестому, техно-

логическому укладу, в основе которого лежат новые способы генерации энергии, биотехнологии, нанотехнологии и т. д.

И в этом смысле основная борьба по совокупности факторов на наших глазах и, естественно, с нашим участием разворачивается между США, Китаем и Россией. Поэтому мировую экономику ждут в ближайшие годы резкие изменения перехода количества экономического взаимодействия в качество образования новых форм, альянсов и мезальянсов, причем как ситуационных, так и стратегических.

И подвоя с этой точки зрения к современной макроэкономической динамике и вероятным метаморфозам в ее значимости в части современных экономик Евросоюза, России и Польши, можно констатировать следующее.

В последние три-четыре года по совокупности факторов экономики ЕС и России находятся в части производства в состоянии вялотекущей депрессии (околонулевой рост), а экономика Польши баражирует в волатильном режиме.

В части соотношения внутренних и внешних факторов развития экономики ЕС и России как более емкие и системообразующие в большей степени характеризуются в развитии доминированием внутренних факторов над внешними, о чем говорят соотношения внешнего и внутреннего товарооборотов. Отношение внешнего товарооборота к внутреннему в процентах у ЕС и России 1 к 5 и 1 к 3 соответственно. У Польши этот показатель составляет 55%.

Касательно взаимного товарооборота между ЕС и Россией, Россией и Польшей, ЕС и Польшей можно сказать, что первая и вторая пара оказались заложниками мирохозяйственной трансформационной борьбы (санкции — снижение товарооборота на 1/3). Третья же пара постепенно продолжает активизировать товарооборот, но его структура для Польши все больше иррационализируется.

Иначе говоря, если экономики ЕС и России сохраняют потенции самостоятельного макроэкономического роста, то Польше все в большей степени приходится маневрировать. Таким образом, сделал вывод профессор Кашицын, более чем очевидно, что данные тенденции сохраняют свою направленность и в ближайшие годы.

К.с.н. **Ю. Лукаш** (Варшавский университет) в выступлении на тему «Современный политический экстремизм — общая угроза безопасности Российской Федерации и Евросоюза» осветил проблемы конфронтации, возникшей на политическом, социальном, культурном уровнях. Будучи специалистом в вопросах радикализации и политики безопасности в Европе, он представил анализ двух типов современных процессов политической радикализации: экстремизма, который является общей угрозой безопасности как в Российской Федерации, так и в

Европейском союзе, и радикального исламизма, в том числе терроризма исламских фундаменталистов. Несмотря на различие этих процессов, сегодня необходим их сравнительный анализ, потому что очевидно, что угроза терроризма и миграционный кризис вызывают процесс радикализации среди ультраправых в современной Европе.

Основная цель — представить некоторую динамику этих процессов в «Большой Европе» (в контексте профессора Ю.М. Осипова) как в пространстве компромисса решения конкретных проблем.

Без стабильного и безопасного Евросоюза нельзя говорить о стабильной и безопасной России и наоборот. Анализируя свой опыт работы в Польше, Франции и России в период обострения проявлений экстремизма, докладчик пришел к заключению, что на территории Большой Европы можно наблюдать рост как процессов ренационализации обществ, так и процессов радикального национализма.

Необходимо разделять ренационализацию как рассмотрение социального мира, политики, геополитики, социальных отношений, экономики в национальном плане — в категориях национальной идентичности, национальных интересов и суверенного государства и, с другой стороны, радикальный национализм как идеологию, включающую в свой арсенал физического и символического насилия, ставящего свою нацию над другими. Важно подчеркнуть, что радикальные взгляды при этом не всегда ведут к росту насилия.

Кризис всегда влияет на рост крайнего национализма в Европе. Можно говорить о корреляции экономической депривации, особенно проявляющейся в провинции, с антииммигрантскими и антимусульманскими тенденциями. Ультраправые популисты традиционно мобилизуют экономически маргинализированные группы граждан, особенно среди молодежи. Дополнительно наблюдается процесс интернационализации шовинистов на разных уровнях и в разных странах. Необходимо отметить важный процесс инфильтрации радикального национализма среди футбольных фанатов, что очень характерно для Восточной Европы.

Очень сложно бороться с угрозой правого экстремизма снизу, подчеркнул Ю. Лукаш.

Другой вид политического экстремизма — терроризм исламского фундаментализма ИГИЛ и Аль-Каиды. Это, в первую очередь, социально-политическое явление. ИГ (ИГИЛ) — это организованные революционные и преступные квазигосударства, использующие религию ислам как идеологический инструмент. Это общая угроза для ЕС и России. Угроза и внешняя, и внутренняя, связанная с тем, что почти 5 тыс. европейцев сражаются в «мирном» джихаде. Джихадисты достаточно легко набирают бойцов в среде выключенных из общества.

Наблюдается приток в ряды исламистов и граждан России, Франции и других европейских стран.

Реальная угроза должна вызывать более тесное сотрудничество ЕС и РФ, особенно в рамках конкретных случаев. Я считаю возможным возврат к идеям глобальной антитеррористической коалиции, подытожил своё выступление Ю. Лукаш

К.э.н. **А. Постула** (факультет управления, Варшавский университет) посвятила свое выступление проблемам высшего образования в области управления. В поисках ответа на вопросы: «Кого мы обучаем? Кем становятся наши студенты — госслужащими, предпринимателями, менеджерами? Какова связь между университетом и его выпускниками? Какова роль современного университета?», она пришла к выводу, что роль университета зависит от того, что требует рынок.

Студенты разделяются на две группы — только небольшая часть действительно заинтересована в развитии и обучении, встречах с профессорами, беседами на конкретные темы. Преобладает тенденция оценивать студентов индивидуально, но лишь работа в группах дает высокий образовательный эффект. Получается, что в целом студенты не очень довольны, они хотели бы изменить форму обучения в сторону такой, которая позволила бы им получить более твердую позицию в условиях сложной ситуации на рынке труда.

А. Постула подчеркнула, что видит дальнейшее развитие образования в университетах при смещении акцентов в сторону мышления, преобладания работы в меньших группах, более тесного общения с преподавателями, профессорами, вовлеченности в работу различных успешных компаний, способствующих полноценному всестороннему развитию выпускников. Целью университета должна стать помощь студенту найти и использовать свой шанс в современном мире.

На примере российско-польских отношений легко увидеть перспективу работы в меньших группах, когда частные вопросы решаются несравнимо легче, чем глобальные, заметила А. Постула.

Профессор **Л.С. Воробьёва** (Университет государственной фискальной службы Украины) в своем выступлении «Европейские ценности как одна из целей украинского Майдана» отметила, что социокультурные перемены, которые происходят сегодня в украинском обществе, тянут за собой коренную трансформацию общественного сознания. Кризисные процессы сопровождаются не просто усилением интереса к аксиологическим проблемам, но и переоценкой ценностей.

Анализируя причины, ход и сущность революционных преобразований на Украине, которые начинались Евромайданом в ноябре 2013 г., многие исследователи отмечают, что одновременно и основой, и целью, и объяснением и этих событий со стороны участников было желание цен-

ностных перемен. Именно европейские ценности часто назывались как определенные ориентир и цель, к которым были направлены желания большей части украинского общества.

Действиями людей, что вышли на украинский Майдан, руководили внутренние этические нормы — общечеловеческие ценности, которые не изменяются во времени и пространстве. Люди с их помощью определяют ожидаемый результат социальных перемен, сигнализируют о том, к чему они стремятся, что хотят видеть главным в своей жизни.

Что же собой представляют «европейские ценности», к которым стремятся украинцы? Это вся система аксиологических максим, принципы построения общества, государства, семьи. Нормы и законы, которые действуют в политике, экономике, культуре и объединяют большинство жителей Европы, формируют основу их идентичности. Естественные права человека, демократия, верховенство права, все базовые ценности, которые нашли отражение в «Хартии основных прав Европейского союза».

Европейские ценности разделяют большинство украинцев, так как они убеждены, что социальная справедливость является реальной, а не декларированной.

Для демократического мира Евромайдан стал символом победы гражданского общества, содружества бескорыстной активности и безусловной взаимопомощи людей, которые общеевропейские ценности поставили выше личных интересов, иногда забывая об инстинкте самосохранения.

Майдан изменил отношение мира и Европы к украинцам: от незнания Украины к уважению и восхищению мужеством, гражданской зрелостью, решимостью и высоким патриотизмом. Современное украинское общество стремится к модернизации своего сознания, отстаивает свои права и свободы, берет на себя большую ответственность за судьбу страны и европейских ценностей, подчеркнула профессор Л.С. Воробьева.

Т.С. Сухина (экономический факультет МГУ) в своем выступлении обратила внимание аудитории на общие для Евросоюза и России проблемы экологической безопасности и охраны окружающей среды, на разработку механизмов для осуществления долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в этой области: в рамках программы «Северного измерения» Евросоюза, деятельности «Арктического совета», конвенции «Осло — Париж» (OSPAR), Хельсинской комиссии и других организаций, в процессе осуществления программ приграничного сотрудничества России и Евросоюза в пяти регионах (Карелия, Коларктик, Юго-Восточная Финляндия — Россия, Латвия — Россия, Эстония — Россия).

В рамках этих программ получили поддержку проекты по уменьшению загрязнения водной и воздушной среды в бассейнах Балтийского и Баренцева морей, по внедрению альтернативных источников энергии, по удалению ядерных отходов из региона Балтийского и Баренцева морей и предотвращению дальнейшего загрязнения, по созданию современной системы защиты крупных городов Балтики от наводнений и модернизации их очистных сооружений, созданию замкнутых циклов переработки в химической и целлюлозно-бумажной промышленности на северо-западе России и т. д.

Возможность осуществления такого сотрудничества еще раз доказывает, что наши государства искренне заинтересованы в совместном поддержании стабильности в «Большой Европе», несмотря на экономические или геополитические сложности.

В дискуссии приняла участие **А. Булжанова** (Академия при Президенте Республики Казахстан, г. Астана), ознакомив присутствующих с Концепцией по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике».

«Зеленая экономика» является одним из важных инструментов обеспечения устойчивого развития страны. Переход к ней Казахстана обеспечит достижение поставленной цели по вхождению в число 30-ти наиболее развитых стран мира. По расчетам, к 2050-му г. преобразования в рамках «зеленой экономики» позволят дополнительно увеличить ВВП на 3%, создать более 500 тыс. новых рабочих мест, сформировать новые отрасли промышленности и сферы услуг, обеспечить повсеместно высокие стандарты качества жизни для населения. Мировой опыт показывает, что «зеленая экономика» стимулирует региональное развитие, способствует социальной стабильности, увеличению экономического потенциала за счет создания новых рабочих мест ее в секторах. Кроме того, «зеленая экономика» стимулирует экономический прогресс, снижает риски от таких глобальных угроз, как изменение климата, утрата экосистемных услуг и дефицит водных ресурсов. Таким образом, принятие в Республике Казахстан концепции перехода на «зеленый курс» экономического роста актуально, как никогда прежде, подчеркнула А. Булжанова.

* * *

19 апреля 2016 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках Международной научной конференции «Экономическая наука и развитие университетских научных школ. К 75-летию экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова» (Ломоносовские чтения — 2016) состоялось заседание секции лаборатории философии хозяйства «Неоэкономика как высшая форма экономики (осмысление в русле

научной школы философии хозяйства)», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Л.Ю. Андреева (Ростов н/Д), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, И.В. Трегуб, И.Ю. Фомичев (Тюмень), Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина, Н.И. Усик (СПб.), кандидаты наук А.Г. Войтов, О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, С.С. Нипа, Р.Е. Соколов, Г.В. Фадейчева (Дубна), Т.Ю. Яковец, А.В. Андреева (Ростов н/Д), научные сотрудники А.А. Антропов, Т.С. Сухина, преподаватель И.А. Горюнов.

* * *

Е.С. ЗОТОВА

О неэкономике с позиций философии хозяйства

Аннотация. Предлагается обзор выступлений на заседании секции «Неоэкономика как высшая форма экономики (осмысление в русле научной школы философии хозяйства), состоявшемся в рамках международной научной конференции экономического факультета МГУ (апрель 2016 г.).

Ключевые слова: экономика, неоэкономика, финансомика, экономическая теория, философия хозяйства.

Abstract. The article presents a review of performances at a section «Neoeconomy as the Highest Form of Economy (judgment in line with philosophy of economy)» which is taken place within the international scientific conference of MSU faculty of economics (April, 2016).

Keywords: economy, neoeconomy, finansomika, economic theory, philosophy of economy.

Предваряя рассмотрение проблем неэкономике как высшей формы экономики, ее осмысления в русле школы философии хозяйства, лаборатория философии хозяйства сформулировала вопросы для обсуждения следующим образом:

«Философия хозяйства об экономике вообще и о неэкономике в частности. Подход научной школы философии хозяйства МГУ к осмыслению экономики и неэкономике.

Неэкономика — не часть, не особая черта и не частная особенность экономики, это новое бытие экономики, ее новая целостная форма, новый обобщающий образ, новое фундаментальное качество экономики.

Здесь не так обретение новых характеристик, как целостная качественная мутация, вполне адекватная переходу от эпохи Модерна к эпохе Постмодерна. “Нео” — новизна, но вот какая, причем не внешняя, не чёртовая, не формальная, а глубинная, объемная, сущностная?

Неоэкономика — другая экономика, но вот какая же, чем она отличается от экономики того же XX в., не говоря о XIX-м? Не является ли она уже некой сверхэкономикой с чертами постэкономики?»

Открывая заседание, профессор **Ю.М. Осипов** (заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ) заметил, что в конце 1990-х гг. деканом экономического факультета было заявлено после его отчетно-представительского доклада на ученом совете факультета, что на факультете создана научная школа философии хозяйства, по поводу чего совет принял соответствующее решение и новая научная школа вошла тогда в государственный реестр научных школ.

Вскоре после этого, продолжил Ю.М. Осипов, наша лаборатория, которая называлась лабораторией сравнительного анализа хозяйственных механизмов, была преобразована в лабораторию философии хозяйства. Такова формальная история.

За прошедшее затем время было многое сделано: школа укрепилась, развилась, обогатилась. В настоящее время она представляет собой некий пласт знания-размышления, позволяющий заявлять о себе как об особом знании, решающем вопросы, которые не способны решать обычные экономические теории.

Здесь вопрос не амбиций, не соревнования областей познания, это даже не школа, не наука, которую можно поставить в ряд других «ваковских наук» — это новое знание.

Теперь посмотрим на неэкономику как высшую форму экономики.

Мы уже давно обратились к проблеме неэкономики (проводили конференцию на эту тему) и трактуем ее не так, как ее трактует экономическая наука. Экономическая теория вообще никак определенно не трактует экономику — если приверженцы теоретической экономики 300 лет спорят о предмете той же политической экономики, то какая может быть удобоваримая трактовка?! Одни говорят о богатстве, другие — о системе законов, третьи — о производственных отношениях, четвертые — об эффективном использовании ресурсов... И все это преподносится как глубокомысленные творческие послышки! Так определите, господа экономисты, что это такое — экономика!

Мы различаем хозяйство и экономику — вовсе не для того, чтобы выделиться, а потому что так есть на самом деле, такова реальность. Экономика — это хозяйство со стоимостью, стоимостное хозяй-

ство — я даю такое определение не случайно — я думаю над этим уже полвека, заметил Осипов. Еще аспирантом я услышал от нашего экономиста-математика Е.З. Майминаса: экономика — это эквивалентный обмен. Он имел в виду, конечно, стоимость. Хотя никакого эквивалентного обмена в общем-то нет — есть только желание эквивалентного обмена.

Действительно, пока нет эквивалентного товарообмена, пока нет денег, ни о какой экономике речи идти не может. Экономика появляется там, где есть стоимостная оценка. И если мы говорим о неэкономике — в понимании школы философии хозяйства — то мы говорим, что появилось нечто новое в стоимости, в ее реализации (а не в технике — компьютерах и т. п. — здесь лишь техномика). А что изменилось в стоимости?

Хозяйство — это реализация всей жизни. Экономика (когда пошел обмен) обслуживает хозяйство. Что в нашей жизни создано экономикой, с помощью экономического роста? Много, очень много, но не все. Жизнь не поддается полному экономическому расчету. Давайте рассчитаем, что полезного в той же атомной бомбе!

Экономическая часть хозяйственной жизни шаг за шагом развивалась и стала «выходить» из собственно экономики — появился капитал. Капитал — это нечто, превосходящее в хозяйственный процесс, находящееся поначалу вне его, — капитал может прийти, он может и не прийти! Получается, что экономика постепенно начинает владеть хозяйством, влиять на него. Рождается зависимость хозяйства от экономики, от того же капитала.

Итак: сначала экономика обслуживает хозяйство, потом настолько выходит из него, что начинает работать уже на себя — сама себе экономика, которой весьма наплевать на затраты, на полезности, на спрос и предложение.

Такое вот господство экономического начала над хозяйством — не обслуживание, и даже не доминирование, а именно господство и лежит в основании новой экономики — неэкономике.

Следует также принять во внимание глобальные масштабы мирового хозяйства и соответственно экономики, ее распространение на весь мир, ее безграничность: она не имеет уже внутри себя границ, мировое хозяйство — целостность, а национальные хозяйства — лишь статистические производные от этой целостности, которые сами уже мало что определяют (кроме, может, Китая и США).

Глобализм дает возможность стоимости гулять по всему свету, как ей нравится, и определять себя так, как она того хочет. Никакая сила не может ей приказывать быть другой. Все сейчас происходит в реальном времени, все ныне очень подвижно — мгновенный сбор ин-

формации, ее незамедлительная обработка, что позволяет оперативно выдавать руководящие импульсы. Так возникает новая экономика с господствующей стоимостью, которая сама и производит для себя дополнительный доход — через глобальную долговую кабалу!

Когда-то было: $T — T$, потом $T — D — T$ и $D — T — D'$, затем $D — D' —$ кредитные деньги, а потом уже D' — деньги, которые как бы делают себя сами. ФРС выпускает деньги по своим собственным потребностям — не по потребностям производства, реального хозяйства. Отсюда я утверждаю, что всякий экономический параметр может быть любым, хотя и не каким угодно. Нет той заведомой цены или того же валютного курса, которым экономика должна обязательно следовать.

Экономика себя делает через волевые действия экономических властей предрежащих.

И вот крамольный вывод: экономика сейчас даже не система — это вольное поле, это безграничная среда, это — мир произвола, своеволия и беззакония. Еще и зазеркалья, сделал вывод Ю.М. Осипов.

В своем докладе «Неоэкономика и антропология» д.ф.н. **Н.Б. Шулевский** (профессор философского факультета МГУ) отметил, что экономический дискурс за 300 лет стал настолько сумбурным, иррациональным, противоестественным, что рационально его невозможно ни дешифровать, ни пересказать, ни осознать, а понять и вовсе нельзя. Экспоненциальный рост экспертов, ученых, умножение практиков-профессионалов по неведомым причинам порождает все большее непонимание предметной реальности этой же экономики. Спонтанный и необобщаемый рост экономических гипотез, программ, проектов, моделей есть симптом распада экономики и экономической науки. И эта масса исследователей экономики не может уберечь ее от кризисов и катастроф, не может даже установить причину ее хронических недугов. Не могут они предотвратить и экологический коллапс экономики, которая превратилась в механизм, перерабатывающий природу, культуру, человека в мусор. Экономика извратила телеологию бытия, став судьбой общества, сделав человека и жизнь своими средствами. А прогресс она сделала полицейским, который следит за тем, чтобы люди верно и бездумно служили золотому тельцу и его хозяйке — смерти. Этот парадокс свидетельствует о том, что за феноменом «экономика» скрывается некая другая, пожалуй, inferнальная «икс-сущность», показавшая Адаму на рынке свою невидимую то ли руку, то ли фигу. И даже не сущность, а глумливое и коварное существо, использующее человека как сырье и средство неведомых нам целей.

Но в XXI в. на горизонте экономики появилась неоэкономика. Экономисты-астрономисты, вычисляя ее орбиту, выдвинули ряд гипо-

тез. Неоэкономика — это информационная, виртуальная, сетевая экономика; это экономика знаний, интернет-экономика, финансономика, технономика. Отдельные аспекты неоэкономики эти гипотезы фиксируют, но ее ядро, суть, цель и смысл остаются скрытыми. Есть еще один неприятный гносеологический казус. Слова с приставкой «нео» имеют скрытый inferнальный оттенок, принижая или вовсе разрушая уже достигнутый статус предметов, людей, идей. Информация, знания, финансы, сети всегда были в экономике, но в качестве неоэкономики их не выделяли.

Неоэкономика — это не автономная экономика, а это антропологический проект, призванный разрешить неразрешимости экономики. Так, прогресс создал для золотого тельца виртуальную финансовую и технономику. Но прогресс и виртуальность теперь требуют виртуального человека, готового служить им не верой и правдой (таковые ему по канонам виртуальности не полагаются), а отказом от своей социокультурной природы, от самой человечности. Но человек не желает становиться виртуальным существом, а требует за деривативы недвижимость, не доверяя прогрессу и виртуальности. Антропология, культура, бытие вступили в неразрешимое противоречие с виртуальностью экономики.

Как можно разрешить это противоречие? Переделать человека, приспособив его к виртуальному миру? Или подчинить виртуальную экономику людям? Но спасти и человека, и экономику не получится. Других чисто экономических альтернатив разрешения этого противоречия нет.

Прогресс и его возлюбленную — виртуальность — невозможно изменить чисто технологически, а в социальном плане это будет крахом Запада и его экономики. Остается переделать человека под нужды виртуальности и Запада. Как? Через антропошокотерапию мировой войны, которая превратит уцелевших людей в полноценных виртуалов. Но современное оружие делает этот вариант рискованным для самого прогресса.

И «прогресс» решил создать искусственного человека. И главной проблемой здесь стало создание искусственного сознания, ибо человечность коренится именно в сознании, которое содержит в себе душу, мораль, сакральность, вменяемость человека. Но искусственное сознание принципиально невозможно, ибо без морали, души и совести невозможно любое сознание. Но огромнейшие финансовые, интеллектуальные, материальные ресурсы Запада брошены на создание этого чуда, от которого зависит само бытие его экономики. В данный момент ученые пытаются осуществить синтез четырех дисциплин: нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (NBIC), чтобы со-

здать искусственный (безмозглый) носитель сознания. Судить о результатах этой работы невозможно в силу их закрытости. А вот создание единого глобального виртуального пространства идет довольно успешно, охватывая и Россию. Драконовские реформы образования и здравоохранения как раз и призваны сделать ее образовательное и биосоциальное пространство чисто виртуальными сферами, в которых полиэтническое, поликультурное, биосоциальное многообразие будет обречено на исчезновение.

Но в России виртуальность начали внедрять тогда, когда она на Западе уже вошла в фазу апокалиптического кризиса. Поэтому есть шанс перейти от экономики в мир *иной* — хозяйственной — жизни. Но выбор неизбежен — человек или неэкономика (экономика). Некоторые элементы иной — хозяйственной — экономики практическим путем найдены властью, но теоретически оформлять их еще рано, сделал вывод профессор Н.Б. Шулевский.

В своем выступлении «Неоэкономика с точки зрения концепции общественных потребностей» к.э.н. **Г.В. Фадейчева** (университет «Дубна») подчеркнула, что исследование современного глобального экономического пространства выявляет множество качественных изменений, подтверждающих гипотезу отечественной школы философии хозяйства о переходе к так называемой неоэкономике.

Она отметила, что, если становление и эволюция товарного производства переформатировали систему общественных потребностей с приоритета потребностей хозяйства на потребности экономики (хозяйство и экономика понимаются в терминологии школы философии хозяйства), то переход к неоэкономике переформатирует систему общественных потребностей на получение мировой финансовой ренты лидерами глобального пространства, на искусственное выращивание псевдообщественных потребностей.

Неоэкономика с точки зрения концепции общественных потребностей характеризуется: моделированием управляемого хаоса как в отдельных странах, так и в целых регионах современного глобального экономического пространства; искусственным выращиванием как институтов, так и потребностей, среди которых все большую долю занимают так называемые псевдопотребности (перечень псевдопотребностей велик и включает различные группы, от многих продуктов питания до индустрии развлечений и политических шоу); резкой ролевой дифференциацией между лидерами глобального мира и аутсайдерами; ориентацией в качестве вектора развития на получение мировой финансовой ренты, что является главной чертой неоэкономики, подытожила Г.В. Фадейчева.

Свой доклад д.э.н. **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) назвал «Клиринговые валюты — путь в неоэкономику?».

Он отметил, что сегодня воспроизводство всех стран мира зависит от доллара США (рефинансирование, резервирование, проведение международных расчетов, метафизика глобальной идентичности, статуса и успеха). По Ю.М. Осипову, «доллар не имеет никакого отношения к реальности, он сам реальность. Доход — это доллар, а не прибавочная стоимость». Выход из этого замкнутого круга видится в альтернативной философии управления денежным хозяйством. Соответствующий инструментарий был разработан Дж.М. Кейнсом и его соавторами в 1919—1944 гг. и представлен на Бреттон-Вудской конференции в виде проекта Международного клирингового союза (МКС) с планом введения мировой безналичной валюты — банкора. МКС должен был обеспечить Великобритании сохранение своей финансовой империи и независимость от США, экономическая и финансовая мощь которых непомерно возросла в ходе Второй мировой войны. МКС должен был служить основой взаиморасчетов между странами во внешней торговле, воспроизводя в мировых масштабах закрытую систему традиционного банкинга (соблюдение равенства дебетового и кредитового сальдо). Для поддержания баланса мировой торговли близким к нулю и к хроническим должникам (импортерам), и к хроническим кредиторам (экспортерам) должна была применяться система штрафов. Фактически МКС служил моделью бескризисной экономики.

На Бреттон-Вудской конференции США не поддержали проект Кейнса и вместо МКС создали МВФ, а ключевой валютой стал доллар. Идея симметричного выравнивания балансов бала отброшена, отныне только должники стали ассоциироваться с «плохими хозяевами», к которым применяются «штрафы» в виде уплаты процентов по займам.

Вместе с тем, валютный клиринг нашел успешное применение в расчетах стран СЭВ (1964—1990), что позволило им осуществлять торговлю вне долларовой зоны и избегать англосаксонского финансового диктата. Кроме того, во время индустриализации СССР практиковал двухконтурную модель денежного обращения с использованием безналичных расчетов в группе отраслей А (производство средств производства).

Однако сегодня США уже не контролируют собственную денежную систему, поскольку 2/3 долларов и деноминированных в них международных финансовых инструментов обращаются за пределами США, главным образом на евродолларовом рынке Лондона, а также в британских офшорных юрисдикциях, что является источником волатильности валютных курсов и турбулентности мировой экономики.

Включившись в процессы глобализации, Россия попала в англосаксонскую ловушку неэквивалентного обмена (диспаритеты валютных курсов и процентных ставок) и была подсажена на сырьевую иглу. Для преодоления данной зависимости необходимо обратиться к опыту денежного обращения в СССР и использовать опыт международных расчетов в странах СЭВ. Восстановление системы валютных клирингов в рамках региональных экономических блоков может открыть путь в неэкономике, в которой такие традиционные макроэкономические проблемы, как дефициты платежного баланса, валютные и процентные спекуляции, инфляция, ведущие к дестабилизации международной валютно-финансовой системы, а также повышающие кризисогенность национальных хозяйственных комплексов, могут отойти в прошлое, сделал вывод профессор А.В. Кузнецов.

В своем выступлении «Этика неэкономики» профессор **И.Ю. Фомичев** (Тюменский индустриальный университет) отметил, что экономика существует всегда «ради чего-то». То есть сама по себе она не содержит какой-то непреходящей ценности, а в своем развитии соотнобразится с внешне заданной системой социальных приоритетов. Докладчик обратил внимание участников конференции на то обстоятельство, что в условиях разного рода затруднений в экономическом развитии важнейшей задачей власти является поддержание режима социальной справедливости в общественных экономических отношениях, которая нынче становится особенно актуальной как у нас в стране, так и в целом в мире, где почти повсеместно «богатые становятся богаче, а бедные беднее». Грамотному социологу (и не только) вполне понятно, какие последствия несет в себе этот прогрессирующий разрыв. Исследования в области этой проблематики становятся доминантными в мировом ученом сообществе, актуальны они и здесь. Перефразируя известное выражение, профессор Фомичев подчеркнул, что изящная и экономически выгодная теория должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; точно так же экономические отношения, независимо от того, насколько они эффективны и хорошо организованы, должны быть изменены или отменены, если они несправедливы.

Свой доклад «Три из основных причин неудовлетворительности состояния и познания современной российской экономической науки» д.ф.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) начал с обсуждения общеизвестных проблем и негативов современной российской экономической науки и поставил вопрос о том, что же необходимо предпринять для исправления соответствующей сложившейся в ней ситуации. При этом докладчик указал, что этот вопрос всесторонне изучается в современной политической экономии — его авторской

новодialeктической науке, развитой им в триаде от классической и Марксовой политэкономий, в которой соответствующие предметные вопросы выделены в отдельные направления, в том числе анализ состояния современной российской экономической науки, выявление причин ее неудовлетворительности, определение механизмов исключения ее негативов и пути ее развития.

Наиболее актуальным в настоящее время является направление, подчеркнул Молчанов, в котором выявляются и изучаются причины неудовлетворительности современной российской экономической науки. По его мнению, их обсуждение и обсуждение соответствующего вопроса в целом следует начинать с понимания следующих трех основных причин.

Первая — это, используя слова самого К. Маркса, «кажущиеся противоречия» в «Капитале» (в том числе: «будто теория стоимости... не согласуется с действительными явлениями производства»), на которых выросли поколения советских политэкономов и экономистов и их учеников.

Вторая — это неизвестность в науках суждения и отсутствие его корректного определения в них, без чего умозаключения, доказательства и выводы являются относительными и субъективными.

И третья — это ошибочные стереотипы диалектического материализма (до сих пор довлеющего над умами многих ученых), из которых в настоящее время следует акцентировать внимание на Энгельсовых «законах» диалектики. Изучение причин неудовлетворительности современной российской экономической науки важно и само по себе, и в целях диагностирования ситуации в ней, и для исправления ситуации в ней, и для ее развития, и для определения путей развития экономики России. Указанное обуславливает актуальность обозначенного исследования в целом и темы доклада в частности, сделал вывод К.В. Молчанов.

Профессор **И.В. Трегуб** (Финансовый университет при Правительстве РФ) выступила с докладом «Неоэкономика: путь к информатизации общества», в котором подчеркнула, что качественные изменения в экономической, социально-политической и духовной сферах общественной жизни, обусловленные интенсивным развитием и использованием современных телекоммуникационных технологий, обозначили движение человечества к новой, постиндустриальной фазе развития — информационному обществу.

В то же время, сложность развития российской телекоммуникационной инфраструктуры, использования фиксированной связи, особенно в отдаленных населенных пунктах, ведет к сохранению неравенства в доступе к информации и телекоммуникационным технологиям

различных групп населения и регионов, которое все более превращается в фактор, тормозящий социально-экономическое развитие общества.

Сегодня операторы, которые внедряют сервисы, обеспечивающие дополнительные услуги, получают значительное преимущество.

Развитие и широкое применение информационных и телекоммуникационных технологий является глобальной тенденцией мирового развития и научно-технической революции последних десятилетий. Информатизация имеет решающее значение для повышения конкурентоспособности экономики, расширения возможностей ее интеграции в мировую систему хозяйства, повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления.

Существенным результатом распространения информационно-коммуникационных технологий и проникновения их во все сферы общественной жизни является создание правовых, организационных и технологических условий для развития демократии за счет реального обеспечения прав граждан на свободный поиск, получение, передачу и распространение информации. Преодоление вышеперечисленных проблем послужит ключом к созданию в России информационного общества как неотъемлемой части новой мировой экономики, сделала вывод профессор Трегуб.

Профессор **Н.И. Усик** (НИУ информационных технологий, механики и оптики, г. Санкт-Петербург) в своем выступлении «О расширении границ рыночной экономики» задалась вопросом: рыночная ли экономика функционирует в мире или же управляемая? Формирование сетевого характера (деловые сети и кластеры конкурентоспособности), функционирование отраслевых комплексов соответствуют сложившейся структуре за последние двадцать лет в глобальной экономике. Рыночные отношения подавляются управленческими решениями (координацией) внутри деловой сети (управленческий тоталитаризм в трактовке Ю.М. Осипова). Деловые сети отражают современный этап расширения границ рыночной экономики. Управленческие отношения начинают превалировать над экономическими (рыночными).

Развитие экономики различных стран не вполне отвечает запросам социально-экономического развития общества и отдельной личности. В этом отражаются границы рыночной экономики, не решающие вопросы естественных монополий, образования (среднего, высшего, фундаментального), здравоохранения, инфраструктуры.

Как считает Ю.М. Осипов, заметила Н.И. Усик, «“Хозяйство” явно не сводимо к “экономике”, оно значительно богаче и сложнее по смыслу... Экономика — частный случай хозяйства, его особая реализация, специфическая организация». Движение к хозяйству в большей

степени определяют отношения собственности и контроля, а не модели экономики. Поэтому становится актуальным рассматривать отношения воспроизводства, солидарности и созидания.

Гипотеза о расширении границ рыночной экономики обеспечивается институциональным механизмом ограничения экономической власти элит, использующей методы вне рыночного принуждения; создания условий для превращения краткосрочных капиталов в долгосрочные; выработки принципов поддержания конкурентоспособности для создания и коммерциализации технологических и нетехнологических конкурентных преимуществ, подчеркнула Н.И. Усик.

* * *

30 апреля 2016 г. состоялось первое заседание семинара «Новый человек: компетенции, стратегии, вызовы» (организаторы — научные сотрудники лаборатории философии хозяйства С.С. Мерзляков, А.А. Антропов), на котором с докладами выступили кандидаты наук А.М. Сузи («Антропология избирательной комиссии»), С.С. Мерзляков («Новый человек: о чем будет этот семинар?»); научные сотрудники Д.И. Ломакин («Игровые практики как источник актуальных моделей поведения»), А.А. Антропов («Россия перешла Рубикон»); аспиранты П.А. Скрыльников («О специфике неязыческого обращения к корням» как ответа на идентичностные вызовы современности), И.Н. Белоногов («О связи понятий “человек” и “идентичность” в современной философии»); корреспондент издания «Газета.ру» А.В. Винокуров («Новый человек в политике»).

* * *

21 — 22 апреля 2016 г. в Волгоградском государственном университете состоялась Всероссийская научная конференция «Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов». В конференции принял участие ведущий научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, к.и.н. И.П. Смирнов. Его доклад «Русская Правда: синтез истины и справедливости» был посвящен осмыслению этого правового и исторического документа, с одной стороны, в отечественной историографии, с другой стороны, в русской философской и общественной мысли. Автор пришел к выводу, что идея о «построении здания правды на личности» объединяет теоретиков народничества, представителей позитивизма П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского с основным смысловым руслом нашей мысли-

тельной традиции, говорящей, начиная с ранних славянофилов, о синтезе многообразных форм человеческого опыта в едином процессе «живознания». Характерное для русской мысли слияние правды-истины и правды-справедливости отражает традиционное для отечественной теории познания соотношение объекта и субъекта, свойственный русским мыслителям онтологизм.

Тезисы доклада И.П. Смирнова опубликованы в изданном Издательством Волгоградского университета сборнике «Тысячелетие Русской Правды — обретение новых смыслов».

* * *

4 мая 1916 г. в г. Туле в помещении областной филармонии состоялось торжественное патриотическое мероприятие, посвященное Дню Победы—2016 — концерт-презентация книги *«Мы помним...»* (2015), издаваемой как собрание народных материалов о Великой Отечественной войне в рамках проекта *«Горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов»*, реализуемого с 2009 г. Тульским филиалом Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова при активном участии Центра общественных наук при МГУ. В мероприятии приняли участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов и профессор РЭУ Л.И. Ростовцева.

* * *

АНОНСЫ

III ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ «Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

«Перемены, которые есть, которые нужны и которых нет»

В аграрной сфере России наблюдаются некоторые позитивные перемены: рост производства, увеличение экспорта сельхозпродукции, нарастание импортозамещения, изменение производственной структуры. Что реально происходит в Средней России, на Тамбовщине, на мучкапской земле? Проблем, конечно, хватает, но... может... есть и движение вперед — нарастает надежда, брезжат перспективы? Че-

го не хватает сейчас в стране, в политике государства, чтобы достичь целей полноценного развития аграрной сферы?

27—30 июня 2016 г.

Совместно с Администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина
(Мучкапский район Тамбовской области)

*** * ***

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Российское системное перестроение как стратегическая неизбежность: неоэкономика, неоиндустриализация, неодирижизм»

Предлагаемое мероприятие отвечает как текущему бытию российского общества — прежде всего состоянию и движению национальной экономики, переживающей заметный конъюнктурный и уже хронический структурный кризис, так и потребностям научно-мировоззренческого осмысления протекающей проблемы и турбулентной российской (вкуне с мировой) действительности. Отсюда несомненная актуальность мероприятия, преследующего цель не только всестороннего анализа возникших ситуаций, но и выработки концептуальной картины необходимых (по-своему уже и неизбежных) перестроенческих перемен в России, ее национальном хозяйстве (с учетом новейших мирообусловленных положительных и отрицательных для страны процессов).

Концепт мероприятия носит фундаментальный характер, предполагая наряду с прикладным освещением текущей реальности ее глубокое концептуальное осмысление с учетом новейших онтологических перемен и тенденций, что также предопределяет востребованную временем гносеологическую преобразовательную и функциональную новизну.

Итогом мероприятия станут выдвижение, обоснование и утверждение концепции российского системного перестроения (не перестройки, а именно перестроения), столь потребного России в настоящий исторический момент, полный не одних кризисных явлений, структурных проблем и инерционных препятствий развитию, но и вполне обозначившихся угроз самому бытию России, ее целостности и будущности.

7—9 декабря 2016 г.

(МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., профессор, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультета МГУ (Россия, Москва) (*osipov.msu@mail.ru*).

ЩЕРБИНА ЯНА ЮРЬВЕНА,

аспирант, Краснодарский государственный институт культуры и искусств (Россия, Краснодар) (*anoreksik@mail.ru*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт»; ведущий эксперт, Микроэкономразвития РФ (Россия, Москва) (*olegdobro@list.ru*).

ДАВЫДОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.соц.н., профессор, кафедра социологии и социальной работы, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Россия, Санкт-Петербург) (*licurg@inbox.ru*).

ТОРАНДО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬВЕНА,

д.э.н., профессор, кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург) (*elena.tarando@mail.ru*).

ЧУЛКОВ ЛЕОНИД КОНСТАНТИНОВИЧ,

аспирант, кафедра философии, Поволжский государственный технологический университет (Россия, Йошкар-Ола) (*ChulkovLK@yandex.ru*).

ПУРЫНЫЧЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА,

д.ф.н., профессор, заведующая кафедрой философии, Поволжский государственный технологический университет (Россия, Йошкар-Ола) (*PurynychevaGM@volgatech.net*).

НИКИТИН АНТОН ПАВЛОВИЧ,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и культурологии, Институт экономики и управления, Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова (Россия, Абакан) (*pavlen-abakan@mail.ru*).

ЧЕПЬЮК ОЛЬГА РОСТИСЛАВОВНА,

к.э.н., доцент, кафедра финансов и кредита, Институт экономики и предпринимательства, Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород) (*cheryuk@iee.unn.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Северо-Кавказский федеральный университет (филиал) (Россия, Пятигорск) (*sslepakov@yandex.ru*).

ПШЕНИЦЫН ИВАН ВИКТОРОВИЧ,

д.э.н., профессор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Россия, Москва) (*piv3@yandex.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (Россия, Москва) (*kmolchanov@econ.msu.ru*).

ПАЛОЧКИНА ВИКТОРИЯ ВЛАДИМИРОВНА,

аспирант, экономический факультет МГУ (Россия, Москва) (*palachkinavika@mail.ru*).

ЦИКИН АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ,

к.хим.н., старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт экономики и организации управления в газовой промышленности (Россия, Москва) (*A.Tsikin@econot.gazprom.ru*).

КОНОВАЛОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

к.э.н., доцент, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (Россия, Кострома) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

МАТЕРШЕВА ВЕРА ВИКТОРОВНА,

к.э.н., доцент, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (Россия, Кострома) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

МАТИЧ ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА,

ведущий эксперт, НИУ Высшая школа экономики (Россия, Москва) (*Lmatich@hse.ru*).

КЛУБОВАЯ МАРИНА АНДРЕЕВНА,

научный сотрудник, НИУ Высшая школа экономики (Россия, Москва) (*Mklubova@hse.ru*).

РЕМЖОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

к.э.н., магистрант, философский факультет, Вятский государственный университет (Россия, Киров) (*Oraclight@mail.ru*).

ФИМУШКИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра менеджмента, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Россия, Москва) (*sergeyefimushkin@mail.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (Украина, Киев) (*agrytsenko@ief.org.ua*).

АХИНОВ ГРИГОР АРТУШЕВИЧ,

д.э.н., профессор, экономический факультет МГУ (Россия, Москва) (*gakhinov@mail.ru*).

ЗИМАРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

д.э.н., генеральный директор, RCB Bank Ltd (Кипр, Лимассол).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ (Россия, Москва) (*shylevsk@mail.ru*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

к.э.н., ведущий научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (Россия, Москва) (*eszotova@mail.ru*).

ОКЕАНСКИЙ ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ,

д. фил. н., профессор, заведующий кафедрой культурологии и литературы, научный руководитель Центра кризисологических исследований, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (Россия, Иваново) (*ocean_65@mail.ru*).

ОКЕАНСКАЯ ЖАННА ЛЕОНИДОВНА,

д.культурн.н., профессор, кафедра иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия государственной противопожарной службы МЧС России (Россия, Иваново) (*ocean_65@mail.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии, философский факультет МГУ (Россия, Москва) (*nnrostova@yandex.ru*).

БОЙКО МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ,

к.искусств., Государственный литературный музей (Россия, Москва) (*michboy@mail.ru*).

КОРОВИН АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ,

к.фил.н., доцент, кафедра всемирной литературы, Московский педагогический государственный университет (Россия, Москва) (*avkorovin2002@mail.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет МГУ (Россия, Москва) (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURIY MIKHAYLOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of Social Sciences at MSU, Director of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*osipov.msu@mail.ru*).

SHERBINA YANA YURIEVNA,

Graduate Student, Krasnodar Institute of Culture and Arts (Russia, Krasnodar) (*anoreksik@mail.ru*).

DOBROCHEEV OLEG VIKTOROVICH,

Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, Russian Scientific Center «Kurchatov Institute» (Russia, Moscow) (*olegdobro@list.ru*).

DAVYDOV SERGEY ANATOLEVICH,

Doctor of Philosophy, Department of Sociology and Social Work, St. Petersburg State University of Economics (Russia, St. Petersburg) (*licurg@inbox.ru*).

TORANDO ELENA EVGENIEVNA,

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg) (*elena.tarando@mail.ru*).

CHULKOV LEONID KONSTANTINOVICH,

PG Student, Department of Philosophy, Volga State University of Technology (Russia, Yoshkar-Ola) (*ChulkovLK@yandex.ru*).

PURINYCHEVA GALINA MIHAYLOVNA,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy, Volga State University of Technology (Russia, Yoshkar-Ola) (*Purynycheva GM@volgatech.net*).

NIKITIN ANTON PAVLOVICH,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Philosophy and Culture Department, Institute of Economics and Management, Katanov Khakass State University (Russia, Abakan) (*pavlen-abakan@mail.ru*).

CHEPYUK OLGA ROSTISLAVOVNA,

Doctor of Economics, Associate Professor of «Finance and credit chair», Institute of Economics and Entrepreneurship, Lobachevski State University (Russia, Nizhny Novgorod) (*chepyuk@iee.unn.ru*).

SLEPAKOV SERGEY SEMYONOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economy and Management at the Enterprise, the North Caucasian Federal University (branch) (Russia, Pyatigorsk) (*sslepakov@yandex.ru*).

PSHENITSYN IVAN VIKTOROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Institute of Social Science (Russia, Moscow) (*piv3@yandex.ru*).

MOLCHANOV KONSTANTIN VLADIMIROVICH,

Doctor of Philosophy, Candidate of Economics, Candidate of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy (Russia, Moscow) (*kmolchanov@econ.msu.ru*).

PALOCHKINA VICTORIA VLADIMIROVNA,

PG Student, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*palochkinavika@mail.ru*).

TSIKIN ALEXEY MAXIMOVICH,

Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Economics and Management Science in Gas Industry Research Institute (LLC «NIIgazeconomika») (Russia, Moscow) (*A.Tsikin@econom.gazprom.ru*).

KONOVALOVA EKATERINA VLADIMIROVNA

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University (Russia, Kostroma) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

MATERSHEVA VERA VICTOROVNA,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

CHEKMARYOV VASILI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Kostroma State University (Russia, Kostroma) (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

MATICH LYUBOV JURIEVNA,

Leading Expert of the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Higher School of Economics (Russia, Moscow) (*Lmatich@hse.ru*).

KLUBOVA MARINA ANDREEVNA,

Research Fellow of the Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, Higher School of Economics (Russia, Moscow) (*Mklubova@hse.ru*).

RAMZHOV ALEXANDER VLADIMIROVICH,

2nd year Master's Degree Student in Philosophy at Vyatka State University (VyatSU), Candidate of Economic Sciences (Russia, Kirov) (*Oraclight@mail.ru*).

EFIMUSHKIN SERGEY NICOLAEVICH,

Doctor of Economics, associated professor, Chair of Management BMSTU n.a. N.E. Bauman (Russia, Moscow) (*sergeyefimushkin@mail.ru*).

GRYTSENKO ANDRII ANDRIYOVYCH,

Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of NAS of Ukraine, Deputy Director of the State Institution «Institute for Economics and Forecasting of the National Academy of Sciences of Ukraine». (Ukraine, Kyiv) (*agrytsenko@ief.org.ua*).

AKHINOV GRIGOR ARTUSHEVICH,

Doctor of Philosophy, Professor, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*gakhinov@mail.ru*).

ZIMARIN KIRRILL ALEXANDROVICH,

Doctor of Economics, General Manager, RCB Bank Ltd (Cyprus, Limassol)

SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,

Doctor of Philosophy, Professor, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*shylevsk@mail.ru*).

ZOTOVA ELENA SERAFIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy (Russia, Moscow) (*eszotova@mail.ru*).

OKEANSKY VIACHESLAV PETROVICH,

Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Literature, Scientific Director of the Center of Crizisology Research branch Shuya Ivanovo State University (Russia, Ivanovo) (*ocean_65@mail.ru*).

OKEANSKY ZHANNA LEONIDOVNA,

Doctor of Philosophy, Professor, Department of the Foreign Languages and Professional Communication, Federal State Budget Educational Establishment of Higher Education (Russia, Ivanovo) (*ocean_65@mail.ru*).

ROSTOVA NATALYA NIKOLAEVNA,

Candidate of Philosophy, Senior Teacher of Department of Philosophical anthropology of Philosophical Faculty of Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*nnrostova@yandex.ru*).

BOYKO MIKHAIL EVGEN'EVICH,

Candidate of Art Criticism, State Literature Museum (Russia, Moscow) (*michboy@mail.ru*).

KOROVIN ANDREY VICTOROVICH,

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of World Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow) (*avkorovin2002@mail.ru*).

SUKHINA TATYANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow) (*tssmsu@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук и экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова продолжают в 2016 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, обществоведческой, экономической и философской науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научная ориентация издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления «философия хозяйства» и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Журнал видит своими главными задачами сбережение и развитие классической размыслительной культуры — дискурсной, понятийной, языковой, литературной, исходя из мирового когнитивного опыта и национального интеллектуального потенциала.

С 1999 г. — года своего основания — журнал, демонстрируя себя безусловным приверженцем энциклопедического подхода к познанию сложной и неоднозначной реальности, продолжает оставаться обильным источником свободной, свежей и достаточно уже редкой фундаментальной мысли, ныне особенно ценной.

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 30 000 знаков (без пробелов).

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках:

- сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле);
- названия статьи;
- аннотации;
- ключевых слов;
- списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе должны включать:

- полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность;
- ученая степень, звание;
- полный почтовый адрес основного места работы (учебы);
- контактный телефон и адрес электронной почты.

Каждая статья должна сопровождаться индексом УДК, ББК (в левом верхнем углу до названия).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом (не допускается использование других стилей), располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем пуб-

ликации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком *References* должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: перевод на английский язык (как правило, для свежих статей, если в оригинале имеется авторский вариант перевода) или транслитерация.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу (вариант BSI).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. **Математические символы и формулы** должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). **Рисунки и схемы**, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Название — под рисунком. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается РИСО.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных не предназначенных для открытых публикаций несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала:

Материал, предлагаемый для публикации в журнале, должен быть оригинальным и ранее не публиковавшимся в других научных изданиях. Опубликованные в статье данные должны иметь указание на источники.